



Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» Эл № ФС 77-86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).
Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Добринская О.А, к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Добринская О.А, к.и.н., Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н., академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика
5.2.5 Мировая экономика
5.5.2 Политические институты, процессы, технологии
5.5.4 Международные отношения
5.6.2 Всеобщая история
5.6.4 Этнология, антропология и этнография
5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences
6. Humanities



**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

Non-profit organization “Association of Japanologists”

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Dobrinskaya Olga A., PhD(History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishkek Elena E., DSc (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences
6. Humanities

СОДЕРЖАНИЕ

Исследовательские статьи

- Дегтев И.А.* От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941) 5
- Новосёлова Е.О.* Японские буддийские журналы как средство поддержки миссионерской деятельности в конце XIX — начале XX века 21
- Дацышен В.Г.* Японцы в Харбине в начале XX в. К проблеме русско-японских отношений на начальном этапе истории КВЖД 38
- Шкунов В.Н.* Аборигенное население Дальнего Востока в российско-японской торговле в XVIII—XIX вв. (по дореволюционным источникам) 53
- Мещеряков А.Н.* Личность Фукудзавы Юкити: быть самим собой Fukuzawa Yukichi's Personality: Being Yourself 69
- Швыдко В.Г.* Три года премьерства Кисиды Фумио: «новый капитализм» и преемственность экономического курса 85
- Чижевская М.П.* Политика Японии в отношении палестино-израильского конфликта: разнонаправленные интересы и ограничивающие факторы (2023—2024 гг.) 101

Рецензии

- Полхов С.А.* Рецензия на книгу Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры» 122

Научная жизнь

- Изотова Н.Н., Жилина Л.В., Лебедева И.П., Ребрей С.М., Подалко П.Э.* Стенограмма семинара Ассоциации японоведов «Приближается ли Япония к гендерному равенству?», 23 января 2025 г., МГИМО-университет 130

CONTENTS

Research articles

- Degtev I.A.* From the Khalkhin Gol events to the Neutrality Pact: Relations between the USSR and Japan in the reports of Soviet diplomats in Tokyo (1939—1941) 5
- Novoselova E.O.* Japanese Buddhist journals as a means of supporting missionary activities in the late 19th — early 20th centuries 21
- Datsyshen V.G.* Japanese in Harbin in the early 20th century. Russian-Japanese relations during the early history of the Chinese Eastern Railway 38
- Shkunov V.N.* The aboriginal population of the Far East in the Russian-Japanese trade in the 18th — 19th centuries (based on pre-revolutionary sources) 53
- Meshcheryakov A.N.* Fukuzawa Yukichi's personality: Being yourself 69
- Shvydko V.G.* Fumio Kishida's three years as prime minister: “New capitalism” and familiar economic policy 85
- Chizhevskaya M.P.* Japan's policy regarding the Israeli-Palestinian conflict: Balancing divergent interests and strategic constraints (2023—2024) 101

Book reviews

- Polkhov S.A.* Book review: “Worlds of Japanese Culture” by Elena L. Skvortsova and Alexander L. Lutsky 122

Academic events

- Izotova N.N., Zhilina L.V., Lebedeva I.P., Rebrey S.M., Podalko P.E.* Transcript of the Association of Japanologists seminar “Is Japan Approaching Gender Equality?”, January 23, 2025, MGIMO University 130

И.А. Дегтев

От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941)

Аннотация. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. советско-японские отношения переживали сложные времена. Монгольский вопрос, пограничные инциденты непрерывно ухудшали двусторонние контакты. Находясь в состоянии вражды и открытой конфронтации, власти обеих стран задерживали и обыскивали рыболовные суда, искусственно нагнетали шпиономанию, усиливали нажим на левые элементы (Япония) и арестовывали тех, кто по научной или иной работе был связан с враждебной стороной (СССР). Ограничившись двумя событиями из советско-японской истории этого времени, автор анализирует, как в период между завершением конфликта на реке Халкин-Гол (1939) и подписанием пакта о нейтралитете (1941) менялись советско-японские отношения и атмосфера восприятия стран друг друга. На примере донесений в Москву сотрудников полпредства СССР в Токио автор исследует, как попытка Японии начать строить «новые отношения» с СССР отражалась на положении советских дипломатов и влияла на степень и качество взаимодействия японцев с ними. Отмечается, что, развивая взаимодействие с полпредством и оказывая внимание его сотрудникам, — как на публичке, так и через личные приглашения на культурные мероприятия, — японские власти стремились подчеркнуть прогрессивный характер двусторонних отношений и создать вокруг них положительный образ. Это было частью внешней политики Японии, обусловленной международным контекстом, где поддержание относительного спокойствия отвечало интересам обеих стран. Японская «искренность», с которой сталкивались советские представители, при этом вызвала сомнения. Полпредство призывало своих работников быть бдительными к каждому шагу или знаку внимания со стороны японцев: сказывались как опыт прошлых взаимоотношений, так и представление, что изменения в позиции Японии по отношению к СССР носили временный и ситуативный характер. В некоторых случаях недоверие дипломатов усиливалось их собственными стереотипами о японцах, основанными на расовых, физических и бытовых предрассудках.

Ключевые слова: СССР, Япония, Халкин-Гол, советско-японские отношения, советские дипломаты, пакт о нейтралитете.

Автор: Дегтев Иван Андреевич, аспирант, факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 8-й подъезд).
ORCID: 0000-0001-7091-9328. E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дегтев И.А. От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 5—20.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-5-20.

I.A. Degtev

From the Khalkhin Gol events to the Neutrality Pact: Relations between the USSR and Japan in the reports of Soviet diplomats in Tokyo (1939—1941)

Abstract. In the late 1930s and early 1940s, Soviet-Japanese relations were going through difficult times. The Mongolian issue and border incidents continually worsened bilateral contacts. In a state of hostility and open confrontation, the authorities of both countries detained and rummaged fishing vessels, artificially whipped up spy mania, increased pressure on left-wing elements (Japan) and arrested those who were associated with the enemy side through scientific or other work (the USSR). Limiting himself to two events from Soviet-Japanese history of this time, the author analyzes how Soviet-Japanese relations and the atmosphere of mutual perception changed in the period between the end of the Khalkhin Gol River conflict (1939) and the signing of the Neutrality Pact (1941). Using reports from employees of the USSR Plenipotentiary Mission in Tokyo as an example, the author examines how Japan's attempt to begin building "new relations" with the USSR affected the position of Soviet diplomats and influenced the degree and quality of interaction between them and the Japanese. It is noted that, by developing cooperation with the Soviet diplomatic mission and paying attention to its staff, both in public and through personal invitations to cultural events, the Japanese authorities sought to emphasize the progressive nature of bilateral relations and create a positive image around them. This approach formed a part of Japan's foreign policy, conditioned by the international context, in which maintaining relative stability was in the interests of both sides. However, the Japanese "sincerity" encountered by the Soviet representatives often aroused skepticism. For every step or sign of attention from the Japanese, the Plenipotentiary Mission urged its personnel to be vigilant: both the experience of past relations and the perception that changes in Japan's position towards the USSR were temporary and situational were involved. In some cases, this distrust was intensified by the diplomats' own stereotypes about the Japanese, rooted in racial, physical, and everyday prejudices.

Keywords: the USSR, Japan, Khalkhin-Gol, Soviet-Japanese relations, Soviet diplomats, Neutrality Pact.

Author: Degtev Ivan A., Post-Graduate student, School of International Relations, Saint Petersburg State University (address: 1/3, 8th entryway, Smolny Str., Saint Petersburg, 191124, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7091-9328.
E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Degtev, I.A. (2024). Ot sobytii na Khalkhin-Gole do pakta o neitralitete: otnosheniya mezhdu SSSR i Yaponiei v donesenyakh sovetskikh diplomatov v Tokio

(1939—1941) [From the Khalkhin Gol events to the Neutrality Pact: Relations between the USSR and Japan in the reports of Soviet diplomats in Tokyo (1939—1941)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 5—20. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-5-20.

В 1939 г. Япония приняла окончательное решение о пересмотре взглядов на характер взаимоотношений с Советским Союзом. Этому способствовало несколько обстоятельств: заключение советско-германского пакта о ненападении, поражение Квантунской армии в ходе боев на реке Халкин-Гол и начало войны в Европе. Все три события оказали влияние на трансформацию внешней политики Японии, и если объявление Великобританией и Францией войны Германии вызвало куда меньше сильный шок, то сделку немецкого руководства с Москвой в Токио окрестили как однозначное и непростительное предательство [Молодяков 2012, с. 425]. Получив сообщения о предстоящем подписании пакта Молотова—Риббентропа, японская пресса практически сразу же обрушилась с критикой на правительство и МИД страны. Газеты писали о провале японской дипломатии и призывали к изменению ее курса. Временный поверенный в делах СССР в Токио Н.И. Генералов отмечал, что заключение советско-германского договора не только изменило международную обстановку, но и спутало все карты военных кругов Японии¹. Дипломат заключал, что в связи с произошедшим активно обсуждался вопрос, в каком направлении должна была двигаться империя: либо налаживать отношения с СССР, либо договариваться с Великобританией о разграничении сфер влияния в Китае.

Схожую картину рисовали в американском посольстве в Токио. Временный поверенный в делах Ю. Думэн писал, что все, начиная от правительственных чиновников и заканчивая простыми подданными, были ошеломлены действиями немцев². Возобладали гнев и возмущение, а обида из-за того, что Германия заранее не проинформировала Японию о переговорах с СССР, фактически поставила крест на дальнейшем укреплении Антикоминтерновского пакта и согласовании политики с Берлином³. Через своего посла, Осима Хироси (大島浩), Япония выразила официальный протест Германии, заявив о серьезном нарушении секретного протокола к Антикоминтерновскому пакту⁴, а именно второй статьи⁵. «Союз Японии с Германией и Италией и Антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу», — телеграфировал начальнику пятого управления РККА

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 170.

² FRUS, 1939. Vol. III, the Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955. P. 51.

³ FRUS, 1939. Vol. III, the Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955. P. 66.

⁴ DGFP. 1918—1945. Series D. Vol. VII. Washington: United States Government Printing Office, 1956. P. 278.

⁵ «Договаривающиеся Стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров, противоречащих духу настоящего соглашения» // Кошкин А.А. Японская дилемма 1941 года: удар на север или на юг. Стенограммы секретных Императорских совещаний и заседаний Координационного совета правительства и императорской ставки. Москва: Вече. 2024. С. 412.

секретарь военного атташе СССР в Токио В.И. Белокуров [Военная разведка информирует 2008, с. 163]. Похожую мысль в своих донесениях в Государственный департамент США высказывал американский посол в Москве Л. Штейнгардт. Он отмечал, что одним из главных преимуществ, которые Советский Союз приобрел в результате заключения с Германией пакта о ненападении, было ослабление германо-японского сотрудничества, направленного против СССР¹.

В атмосфере недоверия к Третьему рейху авторитет сторонников военно-политического союза с немцами резко упал, и фракция «оси» начала распадаться. С заключением советско-германского пакта в Министерстве армии Японии, считавшимся ядром японо-германского сотрудничества, на время даже возник запрет на обсуждение проекта трехстороннего альянса по линии Берлин—Рим—Токио [Носоуа 1976, с. 193]. Взяв на себя ответственность за то, что японское правительство не предвидело заключение советско-германского пакта, и символически продемонстрировав «завершение» политики сотрудничества с Германией, премьер-министр барон Хиранума Киитиро (平沼騏一郎) объявил об отставке своего кабинета. Сформировать новый кабинет министров было поручено генералу Абэ Нобуюки (阿部信行), чья кандидатура, как ожидалось, вызовет поддержку всех слоев общества, включая армию.

После нападения на Польшу 4 сентября 1939 г. правительство Абэ опубликовало заявление о невмешательстве Японии в европейскую войну. 13 сентября оно объявило, что страна будет придерживаться «независимой позиции» в международных делах [История войны на Тихом океане 1957, с. 307]. Стремясь к сбалансированной внешней политике, руководство Японии пошло по пути разрешения «Китайского инцидента» и улучшения отношений с Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Советским Союзом.

Не желая брать ответственность и связывать себя конкретными, прежде всего военными, обязательствами с немцами, японцы приняли меры для нормализации отношений с СССР. Конечно, в немалой степени их подталкивала к этому ситуация в Китае и стремление решить вопрос политической и экономической поддержки Москвой режима Чан Кайши. Информировав НКВД, Н.И. Генералов писал, что некоторые лидеры правых организаций рассматривали возможность заключения пакта о ненападении с Москвой [Документы внешней политики СССР 1992, с. 111]. По их мнению, восстановление отношений и сближение с СССР были необходимы для противодействия Великобритании. С другой стороны, по сообщениям резидента советской разведки в Токио Р. Зорге, труднее всего протолкнуть эту точку зрения было в рядах Квантунской армии, руководство которой с нежеланием шло на такой шаг [Русский архив 1997, с. 160]. Несмотря на разногласия и фракционную борьбу, существовавшую в японской политической элите, был принят курс на изменение политики в отношении СССР. «В вопросе прекращения политики авантюры против Севера, — заключал 27 сентября 1939 г. Зорге, — в настоящее время имеется общее соглашение всех фракций» [Русский архив 1997, с. 161].

¹ FRUS, 1940. Vol. I, General. Washington: United Press Government Printing Office. 1959. P. 654.

Восстановление советско-японских отношений

После приостановки боевых действий на Халкин-Голе и заключения перемирия в Москве ситуация в советско-японских отношениях постепенно менялась в лучшую сторону. Была достигнута договоренность о создании четырехсторонней комиссии об уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го¹, обсуждался проект торгового соглашения. В ответ на предложение японского правительства улучшить торгово-экономические связи двух стран советские власти заявили о полной готовности к переговорам². Под занавес уходящего 1939 г. в Кремле нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов и японский посол в Москве Того Сигэнори (東郷茂徳) поставили подписи под новым протоколом о продлении рыболовной конвенции. «После подписания, в знак завершения переговоров, длившихся всю ночь в стенах Кремля, — вспоминал Того, — по приказу Молотова были поданы кое-какие *hors d'oeuvres* [закуски. — И.Д.] и напитки, и он поднял тост за улучшение советско-японских отношений, в котором также выразил благодарность за мои усилия. В ответ поднял бокал и я, сказав о значительности того факта, что первый день 1940 года, который станет памятным для всего мира, я встречаю в Кремле» [Того 1996, с. 205].

Изменения, происходившие на официальном уровне, закономерно отражались на положении советских дипломатов и влияли на характер взаимодействия японцев с ними. Исходя из вполне очевидных причин поддерживать мирные и добрососедские отношения с СССР, японским властям важно было показать, что «новые отношения» с Советским Союзом развивались по всем направлениям, в том числе через взаимодействие с его представителями в Токио. Уменьшилась антисоветская пропаганда в прессе, плакаты и лозунги, которые еще не так давно висели на улицах Токио, были убраны со всех мест³. Аналогичные меры были предприняты и с советской стороны. Посол США Л. Штейнгардт, анализируя слухи о возможном улучшении советско-японских отношений, 8 сентября 1939 г. сообщал в Вашингтон, что публичные нападки на Японию в прессе практически прекратились. По его наблюдениям, это подтверждалось и во время празднования XXV Международного юношеского дня на Красной площади, где было вывешено «сравнительно немного антияпонских лозунгов и транспарантов»⁴. Советское руководство хотя и не преследовало цели глубокой трансформации образа Японии, по мере восстановления отношений все же пошло на то, чтобы снизить тон и негативные коннотации Страны восходящего солнца в средствах массовой информации [Коршенко 2018, с. 121]. То же самое было сделано и японцами.

¹ Соглашение об уточнении границы в районе халкин-гольского инцидента было подписано 9 июня 1940 г., практическая демаркация монголо-маньчжурской границы завершилась в 1942 г.

² Торговый договор между СССР и Японией был подписан 9 декабря 1957 г. в Токио.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 174.

⁴ FRUS, 1939. Vol. III, the Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955. P. 62—63.

«Злобные и антисоветские статьи, — писал 25 ноября 1939 г. Молотову К.А. Сметанин, назначенный новым полпредом СССР в Токио, — у значительной части газет сменились на более или менее уравновешенные, спокойные и ставящие вопросы по-деловому»¹. «Теперь жизнь Полпредства будет протекать в лучших условиях»², — заявлял в ходе первой неофициальной встречи со Сметаниным министр иностранных дел Японии Номура Китисабуро (野村吉三郎). Советский полпред признался, что рад слышать эти слова, однако не преминул напомнить, в каком «далеко не в удовлетворительном состоянии» все это время находилась работа полпредства и его сотрудников. Слова Номура отражали новый курс японской дипломатии, и то, с каким нетерпением общественность страны ожидала прибытия советского полпреда в Токио, только подтверждало это. «Насчет приезда г. Сметанина проявляют большой интерес все, — резюмировал в НКВД временный поверенный в делах Н.И. Генералов, — газеты пытаются связать его приезд с какой-то выработанной “новой” политикой СССР в отношении Японии, а его задержку с выездом объясняют происходящим обсуждением этой “новой” политики»³.

Выехав из Москвы 22 октября, Сметанин прибыл в Токио 6 ноября, при этом в японской столице его готовы были встречать задолго до этого. В то время, когда о дате приезда Сметанина не знало даже советское полпредство, в Японии на этот счет активно распространялись различные слухи. По мнению ряда японских газет, Сметанин должен был покинуть Москву 10 октября и отправиться в Страну восходящего солнца на месяц раньше, чем ожидалось. «Сметанин, — писала 23 сентября «Нитибэй симбун» (日米新聞) со ссылкой на «Хоти симбун» (報知新聞), — перенес запланированную дату своего отъезда на один месяц, чтобы провести переговоры с японским правительством об урегулировании отношений двух стран параллельно с проходящей сейчас Московской конференцией между послом Того и комиссаром иностранных дел Молотовым в соответствии с решениями Верховного Совета»⁴. На волне этих слухов делегация «Ассоциации рыболовных интересов» во главе с графом Кабаяма Сукэхидэ (樺山資英) планировала встретить Сметанина уже 13 октября. Узнав об этой новости от секретаря Кабаяма, Генералов сказал, что если они знают, что приезжает Сметанин, то пусть встречают, «у нас никаких сведений о его приезде пока нет»⁵.

Учтивость, которую выказывали японцы у себя дома, сопровождала Сметанина на протяжении всего пути до Токио. «29 октября утром в Отпоре (Забайкальске. — *И.Д.*), пересекли границу и прибыли на ст. Маньчжурия. Произошла необычайная встреча (точнее — давно таких встреч советским дипломатам не было): солидное число всяких официальных представителей, чрезмерная любезность и предупредительность, чрезвычайно вежливое обращение. <...> Несмотря на то, что в Сеул мы прибыли в три часа утра 2 ноября, и здесь нас встречали до-

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 150.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 254.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 227.

⁴ Nichibei Shimbun. 23.09.1939.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 227.

вольно-таки почетно»¹. По прибытии в город Сметанин дал интервью японским журналистам, и его фраза о том, что «между Японией и Советской Россией нет вопроса, который нельзя было бы решить мирным путем»², разлетелась и была помещена на первую полосу многих газет.

Перемена, произошедшая по отношению к советским дипломатам в Токио, не могла бы случиться без тогда идущих переговоров в Москве и улучшения политического климата между двумя столицами в целом. О том, насколько на фоне перелома в советско-японских отношениях уменьшился полицейский нажим, у Сметанина интересовались даже зарубежные дипломаты. «На мой вопрос, — отмечал в своем дневнике полпред, комментируя беседу с германским послом О. Оттом, — знал ли он (Отт. — *И. Д.*) об этом режиме, он буквально воскликнул: “О, очень хорошо”»³. Получив ответ, что режим ослаб, Отт, по словам Сметанина, «с некоторой хвальбой сообщил, что он лично не однажды беседовал с кем полагается об изменении этого режима, доказывая, что одним из мероприятий, улучшающим отношения между Японией и СССР, будет улучшение режима»⁴. Однако Отт не вызывал доверия, и позднее Сметанин дал ему такую характеристику: «Отт, имея дела и беседы с нами, в левой руке держит ветку “мира и дружбы”, а в правой хорошо отточенный кинжал, которым время от времени он орудует, возбуждая против нас кое-кого из своих японских друзей. <...> Прикидываясь другом и лебезя с нами, он всегда может сделать нам гадость. Осторожность и еще раз осторожность с подобным субъектом»⁵.

Через своего посла в Токио Германия стремилась выступить посредником в отношениях между СССР и Японией. Об этом японским партнерам сообщалось задолго до подписания советско-германского пакта о ненападении, правда, когда переговоры по нему уже велись. 21 августа 1939 г., перед поездкой рейхсминистра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа в Москву, японскому послу в Берлине в очередной раз была высказана мысль о целесообразности скорейшей нормализации японско-советских отношений: сначала на приеме у статс-секретаря МИД Германии Э. фон Вайцзеккера, сообщившего о «вынужденном» германо-советском сближении из-за провокаций Польши, британско-французского окружения и отсутствия успехов в переговорном процессе об альянсе трех держав, а потом в ходе личной беседы с Риббентропом. Немцы стремились убедить японцев в том, что врагом «номер один» для Японии и Германии являлась Британия, следовательно, договор с СССР заключался в интересах обеих стран [Милеев 2017, с. 109]. Уже после подписания пакта посреднические услуги своей страны Риббентроп предложил и И.В. Сталину. Советский лидер считал помощь Германии полезной, при этом ему не хотелось, чтобы у японцев создалось впечатление, что эта инициатива исходила от СССР. Согласившись со словами Сталина, Риббентроп подчеркнул, что всего лишь продолжит имевшие место беседы с япон-

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 252.

² Hartlepool Northern Daily Mail. 04.11.1939.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 258.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 258—259.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 94.

ским послом и что никаких инициатив ни с советской, ни с германской стороны в этом вопросе сделано не будет [1941 год... 1998, с. 579].

«Новые отношения» с СССР

Чтобы подчеркнуть прогрессивный характер советско-японских отношений и создать вокруг них благоприятную атмосферу, японские власти использовали разные средства.

С одной стороны, в ход шли политики и предприниматели, представлявшие «друзьями» СССР и рассуждавшие о «доброй воле» и «дружественных намерениях» японских властей. В советском посольстве к таким речам относились с недоверием и часто называли их не более чем «словесной демагогией» и «разглагольствованием»¹, за которыми, как считалось, не стояло конкретных действий. «Мы русские материалисты, — заявлял сотруднику японского МИД Андо Ёсиро (安東義良) первый секретарь полпредства СССР в Токио Г.Г. Долбин, — и для нас дела и факты имеют большое значение, чем словесные заверения даже высокопоставленных особ»². Произносились эти «заверения», как правило, на торжественных мероприятиях, завтраках, обедах и ужинах, куда приглашались советские дипломаты и где часто звучали призывы к сотрудничеству и установлению добрососедских отношений между двумя странами. «Цель этого “раута”, который устроили нам японцы, — заключал 2 июля 1940 г. в своем дневнике советник полпредства Я.А. Малик, — сводилась, очевидно, к тому, чтобы позондировать возможность общения с нами. Вполне очевидно, что все это было проделано с санкции и по инструкции руководства так называемого “обновленческого” движения из Японии, активным участником которого является вице-адмирал Сакондзи (Сэйдзо 左近司政三. — *И.Д.*), председатель Северо-Сахалинской нефтяной компании. Из газет и из личных бесед с отдельными представителями этого движения видно, что ряд активных деятелей этого движения, стремящихся перестроить Японию на “тоталитарный” лад, поддерживают идею о том, что как-то надо договориться с СССР»³. «Пассивность на севере и активность на юге»⁴, — ранее убеждал Сметанина Сакондзи. «Для меня становится непонятно, — вопрошал вице-адмирал на встрече с советским полпредом, — почему Советский Союз создает усиленную оборонительную линию на Дальнем Востоке, тем самым держа в напряжении Квантунскую армию. Было бы лучше, если бы Советский Союз понял точку зрения японских моряков и установил с Японией более дружественные отношения»⁵.

Хотя Сакондзи и раньше посещал советское полпредство, его визиты обрели особое значение в период, когда премьер-министром Японии был адмирал Ёнай Мицумаса (米内光政). Ёнай был известен своими умеренными и дружескими

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 803а. Л. 193.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 47.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 73.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 63.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 63.

взглядами на Советский Союз и выступал против союза с Германией. Из дипломатических документов следует, что в условиях обсуждения выбора направления агрессии к диалогу с СССР стремились прежде всего представители морских кругов, усилившие свои позиции в политическом руководстве страны и считавшие, что интересы Японии лежали в районе Южных морей.

С другой стороны, были попытки напомнить о существовании советско-японских культурных связей, которые, однако, по мере ухудшения международной ситуации и нарастания политического недоверия между странами к концу 1930-х гг. сошли на нет. Находясь в состоянии вражды и открытой конфронтации, власти обеих стран задерживали и обыскивали рыболовные суда, обвиняя друг друга в браконьерстве и нарушениях границы, искусственно нагнетали шпиономанию, усиливали нажим на левые элементы (Япония) и преследовали тех, кто по роду службы был связан с враждебной стороной (СССР) [СССР и страны Востока... 2010, с. 76].

В Японии с назначением в декабре 1937 г. на должность министра внутренних дел Суэцугу Нобумаса (末次信正) начались массовые аресты представителей левого движения. Несогласных с политикой правительства арестовывали и приговаривали к тюремным заключениям. «Левая и либерально настроенная интеллигенция быстро почувствовала нажим со стороны правящей клики. — писал в своем обзоре в НКИД Сметанин. — Не успела военщина начать войну в 1937 г. против Китайской республики, как министр внутренних дел начал в больших масштабах проводить разгром профсоюзов, левых организаций журналистов, литераторов, художников; арест радикально настроенных профессоров, наложение запрета на продажу “крамольных” книг, ограничение в выпуске журналов и проведение жесткой цензуры над печатным словом, кинокартинами и постановками в театрах»¹. За попытку создать движение народного фронта против войны Японии в Китае два члена парламента, лидеры «Японской пролетарской партии» (日本無産党) и «Всенародного крестьянского союза» (全国農民組合) Като Кандзю (加藤勘十) и Курода Хисао (黒田寿男) были приговорены к нескольким годам лишения свободы, а их организации запрещены. Параллельно с событиями в Японии в СССР, в разгар массовых репрессий, разворачивались гонения на известных ученых-японистов Москвы, Ленинграда и Владивостока. Д.М. Позднеев, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, К.А. Харнский, Н.П. Овидиев были обвинены в шпионаже, срочно и тайно расстреляны. Н.И. Конрад, Е.М. Колпакчи, А.Л. Клетный, М.С. Цын, И.Л. Иоффе и др. остались живы, но так и не смогли избежать ареста и наказания в виде трудовых лагерей [Филиппов 2021, с. 105].

В обстановке, когда происходило восстановление советско-японских отношений, Япония решила разыграть культурную карту и обратиться к тем еще не закрытым в стране организациям, в задачи которых входило поддержание взаимодействия с СССР. В числе таких структур особняком стояло Японо-советское общество (日露協会). Являясь преемником Японо-русского общества, созданного в 1902 г., нынешняя организация, как и ее предшественник, своей главной целью ставила «изучение России и содействие дружбе обоих народов» [Самойлов 2015,

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 79.

с. 32]. На протяжении всей своей истории общество пользовалось поддержкой и покровительством высокопоставленных лиц японской политики: ее бессменным президентом оставался принц Канъин Котохито (閑院宮載仁親王), а на разных этапах председателями и вице-председателями были военачальник Тэраути Масатакэ (寺内正毅) и известный политик Гото Симпэй (後藤新平).

Возобновив свою работу в 1926 г., общество продолжило изучать своего нового и в то же время старого соседа: оно поощряло исследования советской культуры, науки и искусства, а также занималось проведением лекций и приветственных встреч для почетных гостей из Советского Союза. Однако в эпоху повсеместных образов и стереотипов, когда каждый шаг или знак внимания со стороны японцев ставился под сомнение, деятельность Японо-советского общества не могла не рассматриваться в подозрительном ключе. К этому добавилось еще и то, что в апреле 1939 г. «совершенно незаметно для общественного внимания»¹ произошла его реорганизация. «Лишь случайно найденная нами заметка, — писал в июне того же года Молотову Сметанин, — помещенная в газете “Нити-Нити” 東京日日新聞 где-то на задворках газеты, информировала об этом факте»². Суть реорганизации сводилась к следующему: «1) изменить цель общества, с тем чтобы оно имело целью изучение положения СССР, оказывая тем самым содействие госполитике Японии; 2) просить принца Канъин отказаться от поста председателя этого общества; 3) принять коллегиальную систему советников (управляющих) этого общества из числа японцев-членов данного общества. Советниками (управляющими) нового органа назначаются следующие восемь человек: Охаси Синтаро (大橋新太郎), старый вице-мининдел Курати Тэцукити (倉知鉄吉), генерал-лейтенант в отставке Хасимото Тораносукэ (橋本虎之助), бывший японский посол в СССР Танака Токити (田中都吉), почетный профессор Токийского института по изучению иностранных языков Ясуги Садатоси (八杉貞利), бывший японский генконсул во Владивостоке Ватанабэ Риэ и затем из состава членов этого общества Нумата Масадзиро и Сэкинэ Сэйити»³.

После встречи с новым председателем общества, Курати Тэцукити, в полпредстве СССР в Токио Я.А. Малик сделал следующий вывод: «У меня создается впечатление, что это фиктивное общество существует лишь на бумаге и является по существу ничем иным, как одной из антисоветских ячеек в Японии, которая ставит своей целью и занимается разведывательной деятельностью в отношении СССР. При соответствующей политической обстановке это общество быстро подкрашивается в “Японо-русское” и даже “Японо-советское общество”, через которое японцы и пытаются провести то или иное мероприятие, требующее соприкосновения с Полпредством СССР в Токио»⁴. По мнению Малика, целью данного общества было не улучшение культурных взаимоотношений между СССР и Японией, о чем заявлял Курати, а «изучение положения Советского Союза и районов, находящихся в непосредственном соседстве с

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 127.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 127.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 191. Д. 3. Л. 127.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 172.

ним, для способствования развитию государственной политики Японии»¹. Аналогичную оценку организации давал Сметанин, называя ее «давно умершим обществом»², которое японцы решили возродить в свете «новых отношений» с СССР. При этом ни Малик, ни Сметанин не отвергали до конца идею сотрудничества с обществом, хотя бы на том основании, что оно могло принести определенную пользу для полпредства, а именно — получать дополнительную информацию о тех или иных людях и распространять печатные материалы об СССР.

Изменение риторики в адрес СССР и стремление к поддержанию с ним добрососедских отношений влияли на публичную деятельность советских дипломатов в Японии. Если в феврале 1939 г., как это было на прощальном банкете, устроенном в честь бельгийского посла А. де Бассомпьера, ряд зарубежных дипломатов старались избегать публичных бесед с советскими представителями³, то по мере того, как СССР все активнее участвовал в европейских и дальневосточных делах, контакты между двумя группами людей постепенно расширялись. Теперь уже не только японцы (по понятным причинам), но и иностранцы стремились обратить на себя их внимание. Один из таких показательных случаев произошел на похоронах Китасиракава Нагахиса (北白川宮永久王), двоюродного брата императора Хирохито (裕仁), погибшего, как сообщала пресса, в авиакатастрофе при исполнении служебных обязанностей во Внутренней Монголии в Китае⁴. На официальной церемонии прощания с принцем советскую сторону представляли К.А. Сметанин и советник полпредства Д.А. Жуков. Полпред сообщал, что среди иностранцев от него «отворачивались» лишь два или три человека, тогда как остальные дипломаты «охотно и здоровались, и беседовали»⁵. Аналогичную любезность выражали японцы: «Сегодня Мацуока (Ёсукэ 松岡洋右, министр иностранных дел. — *И. Д.*) со мной, а Ниси (Харухико 西春彦, заместитель. — *И. Д.*) с Жуковым подчеркнуто любезно приветствовали нас»⁶.

Главным символическим выражением изменившегося отношения к советским дипломатам можно назвать появление на территории полпредства СССР в октябре 1940 г. директора-распорядителя театра «Кабуки» 歌舞伎座. Целью его визита было пригласить посла Сметанина на одну из постановок, посвященных празднованию 2600-й годовщины со дня основания Японской империи. В истории советского посольства эта ситуация была уникальной. «Сам по себе этот факт, — писал Я.А. Малик, — очевидно, в истории советского посольства беспрецедентный, когда директор театра лично приглашает посла»⁷. Несмотря на дипломатические акты вежливости и стремление подчеркнуть нормальный ход развития советско-японских отношений, советские дипломаты продолжали, од-

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 172.

² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 151.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 19.

⁴ Shin Sekai Asahi Shimbun. 06.09.1940.

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 150.

⁶ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 150.

⁷ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 174.

нако, считать, что японские власти в силу сложившихся международных обстоятельств таким образом пытались «заигрывать» с представителями СССР.

Вершиной проявления «дружественной» политики Японии по отношению к Советскому Союзу и его дипломатам стало подписание в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете. «С момента обмена ратификационными грамотами в конце апреля 1941 г. в японо-советских отношениях начинается кратковременная “весна”. В прессе появляются статьи, хотя и в сдержанных тонах, но подчеркивающие “эпохальное” значение пакта в деле улучшения японо-советских отношений. Взаимные встречи, беседы, обеды, подготовка к выпуску специального номера японо-советского журнала, усиление общения с отдельными представителями культурных кругов (профессорами, художниками, артистами, композиторами, киноработниками), просмотр кинокартин, переговоры об обмене кинокартинами и т. д.»¹, — спустя год отмечал в своем отчете в НКВД Малик, комментируя заключение советско-японского пакта.

Японская печать, по сообщениям ТАСС, уделяла пакту большое внимание и писала о том, что за политическим соглашением последует подписание торгового договора². Это была не единственная новость, которую обсуждала пресса. Иностранные агентства с большой охотой сообщали о якобы сделанном на Ярославском вокзале Мацуока предложении Молотову посетить с ответными визитом Токио и о том, что это предложение было принято советским наркомом³.

Заключение советско-японского пакта вызвало неоднозначную, а порой и негативную реакцию в мире. По мнению «Ассошиэйтед Пресс», советско-японский договор не влиял на текущую ситуацию в международных отношениях, однако в будущем, при определенных обстоятельствах, мог стать причиной серьезных изменений⁴. Газета «Вашингтон пост» связывала подписание пакта с расширением японской агрессии в Юго-Восточной Азии и одновременно с этим выражала недовольство участием и ролью в нем СССР. «Таким образом, — писало издание, — Россия становится соучастником будущих японских агрессий точно также, как в августе 1939 г. ее договор с Германией способствовал германской агрессии. Советский Союз разжег большой пожар и в настоящее время, по-видимому, решил его не ослаблять»⁵.

В то время, когда газеты писали о последовавшем за заключением пакта советско-японском сближении⁶, представители СССР на некоторое время стали главными героями общественной жизни Японии. Упоминание в прессе, специальное приглашение в «Кабуки-дза», знакомство с одним из известных актеров современности — Оноэ Кикугоро Шестым (六代目尾上菊五郎) [Документы внешней политики СССР 1998, с. 619]. 29 апреля на военном параде в Токио, организованном по случаю дня рождения императора Хирохито, К.А. Сметанин,

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 84—85.

² ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 149.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 6.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 6.

⁶ Nippon Jiji. 29.04.1941.

следуя за немецким послом О. Оттом, и вовсе оказался в одном ряду с главными союзниками Японии по Тройственному пакту — Германией и Италией. Расстановка могла быть иной, если бы не отсутствие американского, английского и французского послов — старших по времени пребывания глав дипломатических представительств¹. Причины, по которым они не пришли, могли разные. Возможно, их отсутствие было связано с указаниями из центра: Великобритания и Франция находились в состоянии войны с Германией, а это, в свою очередь, вынуждало послов демонстративно избегать встреч с немцами (аналогичные меры были приняты в период советско-германской войны). Не исключено, что США, сохраняя нейтралитет, но при этом «морально» и экономически поддерживая Британию, распорядились таким же образом и выслали соответствующие инструкции своим дипломатам. Особое внимание членов дипломатического корпуса, сообщало агентство «Домэй цусин» (同盟通信社), было приковано к советскому полпреду: все из-за того, что на протяжении последних нескольких лет представитель СССР никогда не появлялся на военных парадах².

Заключение

Начавшееся во второй половине 1939 г. восстановление отношений между СССР и Японией явилось в немалой степени реакцией на советско-германское сближение и итоги военных пограничных конфликтов 1938—1939 гг. В результате столкновений на озере Хасан и реке Халкин-Гол Япония осознала свою уязвимость с точки зрения подготовки, материально-технического обеспечения и координации действий перед Советским Союзом. На примирение с Москвой Токио подталкивали также экономические сложности, вызванные войной в Китае и связанные с общей ситуацией в мировой экономике в связи с началом Второй мировой войны [Ермаков 2022, с. 28]. Пройдя путь от открытого военного противостояния до нормализации политического диалога, советско-японские отношения обретали новое измерение. Одним из следствий улучшения отношений стало изменение положения советских дипломатов в Японии. Уменьшился полицейский нажим, изменились качество и степень взаимодействия японцев с дипломатами. В дополнение к официальным контактам с руководством СССР японские власти стремились развивать отношения с советским полпредством в Токио — это помогало подчеркнуть прогрессивный характер советско-японских отношений и создать вокруг них «дружественную» атмосферу. Проявление японской «искренности», с которой на протяжении 1939—1941 гг. в разных формах сталкивались дипломаты, при этом ставилось под сомнение, к каждому шагу или знаку внимания со стороны японцев полпредство призывало своих сотрудников «быть на стороже»³: сказывался как опыт прошлых взаимоотношений, так и

¹ Посол США Дж. Грю — с 1931 г., послы Великобритании и Франции Р. Крейги и Ш. Арсен-Анри — с 1937 г.

² ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 339.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 151.

представление, что изменения в позиции Японии по отношению к СССР носят временный и ситуативный характер.

Недоверие дипломатов было обусловлено и их собственным не лишенных расовых, физических и бытовых стереотипов взглядом на японцев. «Впечатление о самом Абэ у меня сложилось неважное, — высказывался однажды после встречи с премьер-министром Японии временный поверенных в делах Н.И. Генералов. — <...> Манера вести разговор и расплывчатая старческая, но *типично японская льстивая улыбка* (курсив мой. — *И. Д.*) обнаруживает в нем пройдоху и не совсем умного хитреца»¹.

Библиографический список

1941 год: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В.А. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008.

Документы внешней политики СССР. Том XXII. 1939: в 2 кн. Кн. 2: 1 сентябрь — 31 декабря. М.: Международные отношения, 1992.

Документы внешней политики. Том XXIII. 1940 — 22 июня 1941: в 2-х кн. (3-х ч.). Кн. 2 (2): 2 марта — 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998.

Ермаков Д.Н. Политическая оценка событий Второй Японо-китайской войны (1937—1939 годы) в трудах германских официальных военных представителей // Конфликтология / nota bene. 2022. № 3. С. 16—32.

История войны на Тихом океане. В 5 томах. Т. 2. Японо-китайская война. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.

Милеев Д.А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: Институт востоковедения РАН, 2017.

Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905—1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7—1). Советско-японская война 1945 года. История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: документы и материалы в 2 т. М.: ТЕРРА. 1997.

Самойлов Н.А. Российско-японские отношения в 1906—1916 гг. (по материалам из фондов Российского государственного исторического архива) // История Петербурга. 2015. № 1 (75). С. 28—33.

СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 22. П. 192. Д. 13. Л. 182.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / введение Б.Н. Славинского; предисловие Того Кадзухико. М.: Новина, 1996.

Филиппов А.В. Японоведение в России: традиции классики и тренды перемен // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 6. С. 92—116.

References

1941 god: v 2 knigah. Kniga 2. (1998). [1941: In Two Parts. Part 2]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. (In Russian).

Dokumenty vneshnei politiki. T. XXII. 1939: v 2-h knigakh. Kniga 2. 1 sentyabrya — 31 dekabrya. (1992). [Documents of Foreign Policy. 1939. Vol. XXII. In Two Books. Book Two. September 1 — December 31]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Dokumenty vneshnei politiki. T. XXIII. 1940 — 22 iyunya 1941: v 2-h knigakh (3-h ch.). Kniga 2 (2). 2 marta — 22 iyunya 1941. (1998). [Documents of Foreign Policy. 1940 — 22 June 1941. Vol. XXIII. In Two Books. Book Two. March 2 — June 22, 1941]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Ermakov, D. N. (2022). Politicheskaya otsenka sobytii Vtoroi Yapono-kitajskoi voyny (1937—1939 gody) v trudakh germanskikh oficialnykh voennykh predstavitelei [Political Assessment of the Events of the Second Sino-Japanese War (1937—1939) in the Writings of German Official Military Representatives]. *Konfliktologiya / nota bene*, 2022, 3, 16—32. (In Russian).

Filippov, A. V. (2021). Yaponovedenie v Rossii: traditsii klassiki i trendy peremen [Japanese Studies in Russia: From Its Classical Origins to the Winds of Changing Trends]. *Kontury globalnykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 14 (6), 92—116. (In Russian).

Hosoya, C. (1976). *The Tripartite Pact, 1939—1940 / Trans. by J. W. Morley // Deterrent Diplomacy: Japan, Germany, and the USSR, 1935—1940*. New York: Columbia University Press, 179—257.

Istoriya voyny na Tikhom okeane. V 5 tomakh. T. 2. Yapono-kitaiskaya voina. (1957). [The History of the Pacific War. In Five Books. Book Two. The Second Sino-Japanese War]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russian).

Korshenko, S. V. (2018). *Obraz Yaponii i yaponsev v sovetskom massovom soznanii nakanune i v period Vtoroi mirovoi voyny* [The Image of Japan and the Japanese in the Soviet Mass Consciousness on the Eve and During the Second World War]. (Candidate of Historical Sciences Dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).

Mileev, D. A. (2017). *Otnosheniya Yaponii i Germanii v XX veke: slozhnye poiski modus vivendi* [Japanese-German Relations in the Twentieth Century: Complex Searches of Modus Vivendi]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2012). *Rossiya i Yaponiya v poiskakh soglasiya (1905—1945). Geopolitika. Diplomatika. Lyudi i idei* [Russia and Japan in Search of Amity (1905—1945). Geopolitics. Diplomacy. People and Ideas]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya vojna. Sovetsko-yaponskaya vojna. 18 (7—1). Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 g. Istoriya voenno-politicheskogo protivoborstva dvukh derzhav v 30—40-e gody: Dokumenty i materialy v 2 t. (1997). [Russian Archive: The Great Patriotic War. The Soviet-Japanese War. 18 (7—1). The Soviet-Japanese War of 1945. The History of the Military-Political Confrontation Between the Two Powers in the 30—40s: Documents and Materials. In 2 Vols.]. Moscow: TERRA. (In Russian).

Samoylov, N. A. (2015). Rossiisko-yaponskie otnosheniya v 1906—1916 gg. (po materialam iz fondov Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva) [The Russian-Japanese Relations in 1906—1916 (Based on the Materials of the Russian State Historical Archive)]. *Istoriya Peterburga*, 1 (75), 28—33. (In Russian).

SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voiny. (2010). [The USSR and the Oriental Countries on the Eve and During the Second World War]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Togo, S. (1996). *Vospominaniya yaponskogo diplomata* [The Memoirs of a Japanese Diplomat]. Moscow: Novina. (In Russian).

Voennaya razvedka informiruet. Dokumenty Razvedupravleniya Krasnoi Armii. Yanvar' 1939 — iyun' 1941 g. (2008) [Military Intelligence Informs. Documents of the Red Army Military Intelligence Administration. January 1939 — June 1941]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. (In Russian).

Поступила в редакцию: 12.10.2024
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 12 October 2024
Accepted: 23 April 2025

Е.О. Новосёлова

Японские буддийские журналы как средство поддержки миссионерской деятельности в конце XIX — начале XX века

Аннотация. В конце XIX — начале XX в. японский буддизм переживал трудные времена. Институциональный кризис, потеря правительственной поддержки, конкуренция с синтоизмом и христианством, гонения, вызванные как политическими, так и социальными факторами, способствовали консолидации *сангхи* внутри Японии и поиску единомышленников за рубежом. Существенную роль в этом процессе сыграли так называемые *объединяющие журналы* (総合雑誌, со:го: дзасси) — издания широкого профиля, включавшие статьи о политике, науке, обществе и культуре и служившие платформой для свободного обмена мнениями, как открытого, так и анонимного. Журналы буддийской направленности, таким образом, привлекали на свои страницы как религиозных активистов, так и ученых-буддологов, одновременно обмениваясь контактами с зарубежными изданиями и договариваясь о сотрудничестве.

Результатом стала внушительная «буддийская сеть» журналов, где представители различных буддийских школ могли обсуждать насущные проблемы, там публиковались труды молодых японских буддологов и перепечатывались статьи их западных коллег. Публиковались там также письма буддистов из других стран, например, Индии, Сиам и Цейлона, а также европейских симпатизантов учения. Срок существования многих изданий был сравнительно невелик, однако, известно по меньшей мере о 800 подобных журналах. Вестники отдельных школ выпускались параллельно межсектарным изданиям, существовали региональные журналы, например, «Народное учение» (国教, Коккё:), и журналы, ориентированные только на женскую аудиторию, например, журнал «Буддийская женщина» (佛教婦人, Буккё: фудзин).

Одной из важных функций «буддийской сети» стала информационная поддержка миссионерской деятельности японских буддистов за рубежом и освещение участия представителей *сангхи* в значимых международных культурных мероприятиях. Парадоксально, но в условиях правительственного давления японский буддизм сумел снискать существенную популярность за рубежом. Тому, как осуществлялась японская миссионерская деятельность и какую роль в этом сыграла буддийская периодика, посвящена данная статья.

Ключевые слова: японский буддизм, Мэйдзи, глобализация, Махаяна, буддийская периодика, кросс-культурные исследования.

Автор: Новосёлова Евгения Олеговна, аспирант Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

ORCID ID: 0000-0003-1376-8871. E-mail: estelens@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Новосёлова Е.О. Японские буддийские журналы как средство поддержки миссионерской деятельности в конце XIX — начале XX века // Японские исследования. 2025. № 2. С. 21—37.

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-21-37.

E.O. Novoselova

Japanese Buddhist journals as a means of supporting missionary activities in the late 19th — early 20th centuries

Abstract. In the late 19th — early 20th centuries, Japanese Buddhism was going through difficult times. Institutional crisis, loss of governmental support, competition with Shinto and Christianity, persecution caused by both political and social factors contributed to the consolidation of Japanese *sangha* and establishment of close relations with supporters abroad. A significant role in this process was played by the so-called *general journals* (総合雑誌, *sōgō zasshi*) — multitopic periodicals comprised of articles on politics, science, society and culture, which functioned as a platform for free exchange of opinions, both open and anonymous. Buddhist-oriented journals thus attracted both religious activists and scholars of Buddhology to their pages, while simultaneously exchanging contacts with foreign periodicals and promoting cooperation.

The result was an impressive “Buddhist network” of journals, where representatives of various Buddhist schools could discuss pressing issues together, the works of young Japanese Buddhologists were published, and articles by their Western colleagues reprinted. Letters from Buddhists from other countries, such as India, Siam, and Ceylon, as well as ones by European sympathizers, were also published. Many such periodicals had a relatively short lifespan, but at least 800 journals are known. These included intersectorian and individual schools’ bulletins, regional journals, such as *People’s Teaching* (国教, *Kokkyō*), and female-oriented journals, such as *Buddhist Woman* (佛教婦人, *Bukkyō fujin*). All of them served as means of building strong horizontal ties and supporting Japanese Buddhism.

One of the important functions of the “Buddhist network” was to provide information support for missionary work by Japanese Buddhists and coverage of *sangha*’s participation in important international cultural events. Paradoxically, despite governmental pressure, Japanese Buddhism managed to spread significantly abroad. This article examines said missions and their coverage.

Keywords: Japanese Buddhism, Meiji, globalization, Mahayana, Buddhist periodicals, cross-cultural studies.

Author: *Novoselova Evgenia O.*, postgraduate student of the Institute of Oriental Studies RAS (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russian Federation 107031).
ORCID ID: 0000-0003-1376-8871. E-mail: estelens@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Novoselova, E.O. (2024). Yaponskie buddiiskie zhurnaly kak sredstvo podderzhki missionerskoi deyatel’nosti v kontse XIX — nachale XX veka [Japanese Buddhist journals as a means of supporting missionary activities in the late 19th — early 20th centuries]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 21—37. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-21-37.

Введение

В период Мэйдзи (1868—1912) буддизм оказался лишен государственной поддержки, а для *сангхи* наступили трудные времена. В 1868 г. правительство выпустило эдикт, утверждавший синто государственной религией, и как следствие, был взят курс на размежевание традиционного для Японии синто-буддийского

синкретизма. Превращение синто в самостоятельную идеологическую систему требовало разделения и уменьшения влияния буддизма. В результате буддийские храмы утратили свои административные функции, часть имущества и земли была изъята, государственная поддержка буддизма была прекращена, и содержание храмов полностью легло на плечи прихожан. Возраставшая критика буддизма воплотилась в массовых гонениях и погромах под лозунгом «Долой будд, в прах Шакьямуни!» (廃仏棄釈, *хайбуцу-кисяку*), от которых в период с 1867 по 1871 г. пострадал не один храм. В подобных условиях японским буддистам из разных школ требовалась безопасная площадка для обмена мнениями, консолидации усилий по защите буддизма и финансовой поддержке храмов. Такой площадкой выступила зарождавшаяся японская религиозная периодика, включавшая сотни крупных и малых изданий.

Анализ буддийских журналов времен Мэйдзи достаточно сложен. Помимо их значительного количества и, в отдельных случаях, кратковременности существования, трудно оценить их реальную влияние, опираясь только на тиражи и число подписок — буддийская периодика часто передавалась среди знакомых непосредственно из рук в руки. Попытки исследователей восстановить историю крупнейших изданий демонстрируют, что к их созданию были зачастую причастны одни и те же люди. Многие из них оставили значительный след в истории японской буддологии либо как активисты — например, старейшина буддийской школы *Синсю: О:тани* (真宗大谷派, *Синсю: О:Тани-ха*) Симадзи Мокурай (嶋地黙雷, 1838—1911), участвовавший в 1871 г. в миссии Ивакура, либо как ученые — например, «отец» японской академической санскритологии Нандзё: Бунью (南条文雄, 1849—1927).

В 1874 г. вышел первый выпуск журнала «Сборник рассказов об уплате четырех обязательств» (報四叢談, *Хо:си со:дан*), первого в стране буддийского периодического издания. Его основателями стали Симадзи Мокурай и Оути Сэйран (大内青巒, 1845—1918), священник из школы *Сото—сю:* (曹洞宗). «Сборник рассказов об уплате четырех обязательств» был лишь первым среди ряда буддийских печатных изданий, созданных усилиями Симадзи Мокурай и Оути Сэйран. В том же 1874 г. была создана Ассоциация сосуществования (共存同衆, *Кё:дзон До:сю:*). Ассоциация представляла собой светское объединение патриотически настроенных интеллектуалов, получивших заграничное образование, но выступавших против слепого преклонения перед западными странами. Среди ее основателей были политический деятель Оно Адзуса (小野粹, 1852—1886), Симадзи Мокурай и его спутник времен миссии Ивакура, патриарх храма *Ниси Хонгандзи* (西本願寺) по имени Акамацу Рэндзё: (赤松連城, 1841—1919). У ассоциации также имелось свое издание — «Журнал сосуществования» (共存雜誌, *Кё:дзон дзассу*). Несмотря на светский характер, этот журнал одним из первых начал печатать стенограммы публичных речей и лекций буддийских деятелей, например, Маэда Эун (前田慧雲, 1855—1930) [Buddhism and Modernity 2021, p. 185]. Акамацу Рэндзё:, в свою очередь, в 1891 г. основал первый межсектарный буддийский журнал — «Журнал нового светлого учения» (明教新誌, *Мэйкё: синси*). Параллельно множились вестники отдельных буддийских школ, такие, как, «Вестник Дзё:до» (浄土教報, *Дзё:до Кё:хо:*) при школе *Дзё:до* (浄土宗, *Дзё:до-сю:*) и «Распространяя Свет» (傳燈, *Дэндо:*)

при школе *Сингон* (真言宗, *Сингон-сю*). Наконец, в августе 1886 г. увидел свет первый выпуск «Вестника Общества самоанализа» (反省会雑誌, *Хансэйкай Дзасси*, английское название — *The Temperance*). «Общество самоанализа», основанное в том же году священником Ниси Хонгандзи Сакураи Гитё: (桜井義肇, 1868—1926), выступало за строгое соблюдение монашеских уставов, считая обмирщение монашеского образа жизни и дурные привычки основной причиной кризиса японского буддизма. Главным редактором вестника стал коллега Нандзё: Бунью и его соученик по Оксфорду Такакусу Дзюндзиро: (高楠順次郎, 1866—1945). Оба они учились у основателя сравнительного религиоведения Макса Мюллера (1823—1900). Подобно тому, как «Сборник рассказов об уплате четырех обязательств» считался соперником пропагандиста светских западных ценностей — журнала «Мэйроку дзасси», «Вестник Общества самоанализа» считался соперником журнала «Друг народа» (國民之友, *Кокумин но Томо*), издаваемого христианским активистом Токутоми Сохо: (徳富蘇峰, 1863—1957). Отличительной чертой «Вестника Общества самоанализа» была его популярность не только в буддийских, но и в светских кругах, поскольку там печатались переводы западной литературы и философских сочинений. Впрочем, именно эта популярность привела журнал к отказу от буддийской тематики в 1899 г. и превращению в светское издание под названием «Центральное обозрение» (中央公論, *Тюокорон*) [Новосёлова 2024, с. 124].

Акамацу Рэндзё:, Такакусу Дзюндзиро:, Нандзё: Бунью, Оути Сэйран и Симадзи Мокурай составили костяк редакций многих ключевых буддийских изданий, именно их зарубежный опыт (миссия Ивакура, учеба в европейских университетах) позволяли выстраивать связи с зарубежными изданиями. Так, Такакусу входил в состав редакции немецкоязычного журнала Немецкого общества естественных и этнологических исследований Восточной Азии или OAG (*Die Deutsche Gesellschaft für Natur- und Volkerkunde Ostasiens*, *О-А-Гэ: Дойцу То:ё: бунка кэнкю: кё:кай*), а «Вестник Общества самоанализа» перепечатывал статьи из *The Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* и *Journal of the Pali Text Society* по его инициативе.

Таким образом, первые буддийские печатные издания создавались узким кругом лиц, принадлежавших преимущественно к наиболее популярной в Японии школе *Дзё:до—синсю:*. В то же время возникновение межсектарных журналов вроде «Журнала нового светлого учения» показывает, что амбиции буддийских редакций были направлены не только на укрепление влияния собственной школы, но и на защиту позиций буддийского учения в новом социально-политическом климате. Именно с этой целью и разрабатывалась концепция «научного буддизма», активно продвигавшаяся буддийской периодикой.

Концепция «научного буддизма»

Впервые идея взглянуть на буддийские догматы с научной точки зрения была высказана в опубликованной в январе 1875 г. в «Сборнике рассказов об уплате четырех обязательств» серии эссе за авторством секретаря храма *Хигаси Хонгандзи* Исикава Сунтай (石川舜台, 1842—1931). Эти три эссе под общим названием «Об-

зор веяний в современных учениях» (観教時様, *Канкё: дзиё:*), с опорой на учебник французского религиоведа Эжена Бюрнуфа (1801—1852) «Наука о религиях» (*La science des religions*), выпущенного за три года до эссе Исикава, призывали к объективному, непредвзятому подходу в оценке любого религиозного учения, включая буддизм. В первом эссе, «Современная мысль» (時様の思想, *Дзиё: но сисо:*), Исикава осудил некритично воспринимавших христианство японских интеллектуалов, подчеркнув, что те оценивают его лишь по современному состоянию и не учитывают историческую эволюцию, которую претерпевает любое религиозное учение. Для объективного же взгляда необходимо привлечение науки, *la science des religions* или религиоведения. Во втором эссе, «Недопонимания современной мысли» (時様思想の謬誤, *Дзиё: сисо: но бю:го*), Исикава выделил четыре «изящные» (高尚, *ко:сё:*) религии: католицизм, протестантизм, буддизм и брахманизм. Выбор именно этих учений также обусловлен влиянием Бюрнуфа, считавшего, что буддизм выделился из брахманизма в процессе своеобразной религиозной реформации, схожей с возникновением протестантизма. В то же время Исикава исключил из своей классификации конфуцианство, объяснив это тем, что данное учение является скорее философским, чем религиозным. В этом он противоречит Бюрнуфу, который видел уже буддизм изначально строго философским учением, вобравшим в себя религиозный компонент с течением времени [Гунский 2023, с. 101—106]. В качестве критериев оценки представленных религий, Исикава выделил догмы (фр. *Dogm*, 教旨, *кё:си*) и обряды и ритуалы (фр. *rites*; 教式あるいは祭式, *кё:сикү аруива сайсикү*), но отметил, что поскольку источником любых догм является метафизика (фр. *Metaphysique*, 性理, *сэйри*), а ритуалы могут быть некорректно истолкованы в отрыве от догм, судить лишь по одному критерию не следует. Наконец, в третьем эссе, «Война естественных наук и религии» (理学と宗教の戦争, *Ригаку то Сю:кё: но сэнсо:*) Исикава раскритиковал противопоставление науки и религии, характерное и для Японии, и для Европы, подчеркнув, что религия так же, как и наука, является средством познания мира и для успешной модернизации японского общества необходимо развивать оба аспекта, а посредником в спорах ученых и клириков должны стать религиоведы [Deneckere 2023, p. 110—118].

На фоне проникновения в Японию западных философских сочинений идея рационализировать буддизм высказывалась и во многих других изданиях. Например, на страницах издававшегося с 1900 г. журнала «Новый буддизм» (新仏教, *Синбуккё:*), принадлежавшего Ассоциации нового буддизма (新仏教同心会, *Синбуккё: до:синкай*), звучали призывы очистить учение от суеверий и эзотерического компонента. Последователи идей нового буддизма, подобно Обществу самоанализа, считали ныне существующий, старый буддизм, прогнившим. Но, в отличие от сторонников Общества самоанализа, они видели решение проблемы не в ужесточении уставов, а в возвращении к истокам учения, которое виделось им преимущественно философским, а не религиозным. Издававшийся с 1896 г. журнал «Своевременные слова для мира религии» (教界時言, *Кё:кай Дзигэн*) известного буддийского активиста и сторонника обновленческого движения Киёдзава Манси (清沢満之, 1863—1903) выступал за изучение буддийского канона без учета

комментариев [Лепехова 2021, с. 125]. Японскому духовенству было жизненно необходимо доказать прогрессивность буддизма и сочетаемость его с идеологией Мэйдзи. Не остались незамеченными и интерес европейцев к учению «без Бога-творца», и представление о буддизме как приближенной к естественнонаучной картине мира религии в сравнении с христианством, что также играло на руку представителям *сангхи* — ведь если даже европейцы признают превосходство буддизма, то это является несомненным аргументом в пользу укрепления позиций буддизма и внутри страны. Попытки японских буддистов определить критерии научной религии в европейском понимании отмечал в своих заметках учитель Бюрнуффа и друг Симадзи Мокурай, востоковед-санскритолог Леон де Рони (1837—1914). Его выводы о причинах данного интереса, впрочем, носили европоцентричный характер и сводились к тому, что японцы в стремлении приобщиться к технологическому прогрессу западных стран были уверены в том, что в странах с развитой наукой должна существовать гармонично сочетающаяся с ней развитая религия [Belouad 2020, p. 240].

Концепцию «научного буддизма» предложил основатель сингальского буддийского движения Анагарика Дхармапала (1864—1933) в своем эссе «Долг мира перед Буддой» (англ. *The World's Debt to Buddha*) в 1893 г. В нем Анагарика назвал буддизм научным учением и провел параллели между идеями о мононе как единстве природы и ее элементов в определении немецкого философа Эрнеста Геккеля (1834—1919), и буддистского космоса — Акаши. Схожим образом он сравнил идею Дарвина об эволюции организмов от низших форм к высшим с доктринами кармы и Дхармы [Dharmapala, 1965, p. 9—20]. Как и Исикава, Анагарика Дхармапала считал ученых-религиоведов ключевыми посредниками в диалоге религии и науки и настаивал на необходимости развития этой дисциплины. Анагарика также ссылался в этой работе на «Кесамутти-сутру», подчеркивая научность буддизма на том основании, что Будда рекомендовал ученикам не принимать ничего на веру.

Анагарика был популярной фигурой в Европе и США, он тесно взаимодействовал и с японской *сангхой*. В 1887 г. он посетил Японию в сопровождении первого президента Теософского общества Генри Стилла Олкотта (1832—1907), где завязал дружеские отношения с Сяку Унсё: (釈雲照, 1827—1909) — монахом школы *Сингон* и основателем первой в Японии межсектарной буддийской организации — Союза объединенных буддийских школ (諸宗同徳会盟, *Сосю: до:току каймэй*) [Окуяма 2008, p.27]. Его племянник и постоянный автор «Вестника Общества самоанализа» Сяку Ко:дзэн (釈興然, 1849—1924) стал первым японцем, обратившимся в буддизм Тхеравады. Он организовал серию стажировок японских студентов в Сиам и на Цейлон с целью изучения текстов Тхеравады. В 1891 г. Анагарика Дхармапала учредил Общество Махабодхи (大菩提会, *Дайбо-дайкай*), имевшее целью сохранение и реставрацию буддийских святынь Южной Азии. В его состав вошли и японские буддисты, включая Акамацу Рэндзё: и Сяку Ко:дзэн. Журнал Общества, *Journal of the MahaBodhi Society*, также стал дружественным для курируемого Сяку Со:эн журнала «Сокровищница десяти добродетелей» (十善宝窟, *Дзю:дзэн хо:куцу*). Лекции, проповеди и письма Анагарики перепе-

чатывались в японских журналах, в первую очередь, в «Вестнике Общества самоанализа», а в 1893 г. он участвовал во Всемирном парламенте религий в США вместе с японской делегацией как почетный спикер. Иными словами, в контексте подготовки почвы для миссионерской деятельности заслуги Анагарики Дхармапалы не менее значимы, чем вышеупомянутых японских священнослужителей и ученых, а его международные связи способствовали формированию ценных контактов с японской *сангхой*.

Симадзи Мокурай и его ученик Ода (Икута) Токуно: (生田(織田)得能, 1860—1911) предложили в 1890 г. концепцию «трех буддийских царств» (三国仏教, *санго-ку буккё:*) Согласно ей, Япония относилась к Восточному буддизму, представленному Махаяной, и считалась его основным «оплотом», поскольку в Китае и Корее, равно как и в Индии, буддизм пребывал в упадке. Буддизм Южной Азии воспринимался, как Хинаянский и более примитивный. Наконец, Северный, Тибетский буддизм сводился к эзотерической традиции. Симадзи писал: «Так называемый Южный буддизм — просто Хинаяна, и с Махаяной он никогда не смешивался. 60 тысяч Цейлонских монахов стремятся достичь Нирваны посредством только четырех благородных истин. Так называемый Северный буддизм — преимущественно эзотерический. Единственное, что в нем имеет значение — таинства и молитвы. Так называемый Восточный буддизм лишен недостатков — в нем нет практикующих Хинаяну, зато его учение включает в себя и Махаяну, и Хинаяну и эзотеризм»¹ [Shimaji, Ikuta 1890, p. 4—5].

Иными словами, японский буддизм, сочетавший лучшие черты всех направлений, но не отдававший предпочтение одному, лучше всего подходил для миссионерской деятельности, и потому продвижение буддизма на Западе должно было стать священной миссией японских монахов. Концепция оказалась весьма популярной и была взята на вооружение духовенством вместе с идеей «научного буддизма». Основной миссионерский нарратив был сформирован. Однако на первых этапах такой подход сыграл злую шутку с миссионерами. Европейские интеллектуалы были заинтересованы в первую очередь в изначальном учении Будды, полагая наиболее близким к нему источником Палийский канон, а традиция Махаяны виделась ими как поздняя и «искаженная». Японцы же напротив считали учение Махаяны с его гибкостью, доступностью мирянам и направленностью на всеобщее спасение более привлекательным для европейцев в сравнении с «эгоистичной» Хинаяной.

Так или иначе, эти две концепции стали ключевыми в первоначальной стратегии японских миссионеров. Со временем данная стратегия будет претерпевать определенные изменения. Для того чтобы проследить эти изменения в динамике, необходимо рассмотреть три крупнейшие миссии японского духовенства в данный период: британскую, цейлонскую и американскую.

¹ 所謂南部仏教は、唯小乗にして、嘗て大乘を雑えず。錫蘭六万の僧徒は、唯四諦を觀じて、涅槃那を希ふのみ。所謂北部仏教は、喇嘛宗にして、即ち密教の一部。唯咒禁祈禱を事とするのみ。所謂東部仏教は、金甌欠くる所なく、教徒を以て之を分たば、小乗の行人一も無しと雖も、教理を以て之を挙ぐれば、大小顕密、一も備はらざるなし。

Буддийская миссия в Великобританию

Первая японская буддийская миссия в Великобританию 1889—1892 гг., возглавленная ирландским буддийским активистом Чарльзом Фондесом (1840—1907) и финансируемая «Зарубежным миссионерским обществом» (海外宣教会, *Кайгай Сэнкё:кай*) часто рассматривается как самая первая буддийская миссия на Запад. Основанная в 1887 г. Акамацу Рэндзё (赤松連城, 1841—1919) организация изначально носила название «Общество общения с западными буддистами» (欧米仏教通信会, *О:бэй буккё: Цу:синкай*). Ее задачей стало распространение буддизма в Америке и Европе. В соответствии со взглядами Акамацу, организация настаивала на миссионерской деятельности без предпочтения учению одной школы, хотя редакторы и авторский костяк издания все же принадлежали преимущественно к *Дзё:до—синсю:*. С 1888 г. Общество начало издавать собственный журнал. Выпускался он дважды в месяц: в Японии под названием «Вестник зарубежного буддизма» (海外仏教事情, *Кайгай буккё: дзидзё:*), и с 1890 г. в Англии под названием «Жемчужина Азии» (*Bijou of Asia*; *アジアの宝珠*, *Адзия но хо:дзю*) [*Buddhism and Modernity 2021*, p.193]. Кроме японского и английского языков журнал распространялся также на французском и публиковался в 17 странах, включая, помимо Европы и Америки Бирму, Индию и Сиам [*Kaigai bukkyou jijou 2014*, p. 133—134]. В сравнении с «Журналом нового светлого учения» в большей степени рассчитанным на взаимодействие японских школ, «Жемчужина Азии» создавалась именно как международное издание, направленное на глобализацию буддизма. Важной особенностью «Жемчужины Азии», впоследствии перенятой другими крупными буддийскими изданиями, стала публикация писем буддистов со всего света.

Благодаря возможности поддерживать контакт посредством переписки японские буддисты обрели неожиданного союзника в лице европейских теософов, к числу которых принадлежал и будущий глава буддийской миссии в Британии Чарльз Фондес. Постоянный автор «Жемчужины Азии» и один из главных редакторов «Вестника Общества самоанализа» Мацуюма Мацутаро: (松山松太郎, годы жизни неизвестны) ровно за год до миссии начал переписываться с видным теософом Уильямом Куаном Джаджем (1851—1896). Оба журнала обменялись контактами с крупными теософскими изданиями (английский *Lucifer* и американский *The Buddhist Ray*), а «Зарубежное миссионерское общество» получило представительство в Великобритании.

Репортажи о пребывании делегации в Лондоне освещались преимущественно в «Вестнике зарубежного буддизма», где Фондес публиковался под именем Омоиэ Тэцуноскэ (重井哲之助). Миссия не имела успеха по ряду причин, начиная с непопулярности Махаяны у европейцев и заканчивая началом финансового кризиса в Японии в 1890 г., вызвавшим сокращение финансирования зарубежных проектов основного спонсора — *Ниси Хонгандзи*. И все же основной причиной неудачи следует назвать рассогласованность действий представителей миссии. Японское духовенство доверилось европейским сторонникам буддизма как более компетентным в понимании психологии европейцев, но не учло, что их понимание буддизма может быть другим. Уже сформированная цепь журналов

The Temperance — Bijou of Asia — Lucifer — The Buddhist Ray не смогла представить единого взгляда на природу буддизма для западного читателя. Что до авторитетных европейских теософов, то они продвигали свое видение буддизма как просвещенной, но элитарной по сути своей религии. Так, Елена Блаватская (1831—1891) объявила об общих корнях буддизма и немецкого материализма, отбросив всю метафизику учения, а Джордж Хоукинс Пембер (1837—1910) предположил, что буддизм, как и теософия в будущем, станет религией интеллектуалов, а уделом народных масс станет спиритуализм, что напрямую противоречило расчету японских миссионеров привлечь европейского обывателя учением Махаяны за счет его ориентации на широкие массы [Pember 1889, p. 458].

Теософы, напрямую общавшиеся с буддийскими священнослужителями и лучше понимавшие буддийские догматы, выступали с критикой своих европейских коллег, но именно поэтому не могли конструктивно совместить теософию и буддизм. В феврале 1889 г. Чарльз Фондес выпустил цикл статей для спиритуалистического журнала Two Worlds, где в статье Divyatchakchus настаивал на схожести мировоззрений теософов и буддийских эзотериков, а в августе того же года в завершающей статье цикла Buddhism: What it is not — напротив, противопоставил буддизм спиритуализму и теософии как более рациональное учение. Его коллега, Генри Олкотт (1832—1907), работавший журналистом в Японии, осознавал, что знания теософов о буддизме носят поверхностный характер, и надеялся указать читателям на это искажение. Его подход трудно назвать удачным как из-за противоречивости выводов и упора на критику теософии, так и потому, что параллельно в «Вестнике зарубежного буддизма» выходили статьи, подчеркивавшие общность буддизма и теософии. В качестве примера можно привести статью Е.П. Блаватской 1890 г. Buddhism and Theosophy, Questions and Answers (Extract from The Key to Theosophy). Взаимно поверхностное понимание теософами (основными сторонниками миссии в Европе), и буддийскими активистами идей друг друга привело к несогласованности стратегии и окончанию миссии вместе с отъездом Фондеса в Японию в 1892 г. Разочарование японской *сангхи* нашло отражение в серии разгромных статей 1893 г. в «Журнале нового светлого учения», обличавших ненадежность и невежество западных буддистов — первый прецедент подобной критики [Bocking 2014, p. 19—29].

Тем не менее построенные посредством журналов горизонтальные связи принесли плоды в организации последующих поездок японских делегаций за рубеж. Например, заметки о путешествиях и лекции Генри Олкотта продолжали публиковаться вплоть до 1896 г. как в крупных журналах вроде «Вестника Общества самоанализа», так и в таких небольших изданиях, как «Густые туманы горы Сымин» (四明餘霞, *Симэйёка*) при школе *Тэндай* (天台宗, *Тэндай-сю*:). В 1920 г. в Японии официально открылась Токийская теософская ложа.

Подготовленные в рамках миссии и опубликованные на страницах «Вестника» лекции Чарльза Фондеса о буддизме такжегодились японцам в последующих миссиях. Упор Фондес делал преимущественно на объяснении различий между христианством и буддизмом, а также подчеркивании приземленности буддийской картины мира и ее схожести с научной [Kaigai bukkyou jijou 2014, p. 32]. Успешность данного подхода подтвердил опыт проповедника Имамура

Эмё: (今村惠猛, 1867—1932), который с 1899 г. успешно проповедовал буддизм на Гавайских островах. Идея Имамура, подхваченная миссиями на Филиппинах и в Австралии, состояла в адаптации стратегии продвижения буддизма в небуддийских странах под местные культурные условия вместо попытки представить его частью общей традиции. Имамура также отмечал, что интерес к буддизму у европейских интеллектуалов сочетался с разочарованием в христианстве, все более критикуемом за ненаучность [Ата 2011, р. 133]. Таким образом, «ключ» к новому подходу в представлении за границей японского буддизма был подобран.

Буддийская миссия на Цейлон

В это же время японцы стремились выстраивать связи и с представителями Южного буддизма, изучали пали и тексты Тхеравады. Первопроходцем данного процесса стал ранее упомянутый Сяку Ко:дзэн. Оказавшись на Цейлоне в 1891 г., он стал одним из первых членов Общества Махабодхи. Чуть ранее, в мае 1888 г., в Сиам отправился соавтор концепции «трех буддийских царств» Ода Токуно:. Благодаря посредничеству Анагарики Дхармапалы японские монахи получили официальное приглашение обучаться у местных монахов, и вскоре за Ода и Сяку последовали их коллеги, а в августе 1900 г. по инициативе Исикава Сянтай и первого японского посланника в Сиаме Инагаки Мандзиро: (稻垣満次郎, 1861—1908) японская буддийская миссия приняла участие в кампании по реставрации и сохранению буддийских реликвий Южной Азии в Сиаме. В результате Япония получила от короля Чулалонгкорна (1853—1910) на хранение часть праха Будды, его бронзовую статую и коллекцию буддийских манускриптов. Данные реликвии были помещены в специально построенный в 1904 г. для их хранения храм *Какуодзан Ниттайдзи* (覺王山日泰寺) [Unebe 2017, р. 153].

Успех миссии во многом был обусловлен сотрудничеством с южно-азиатскими журналами. Буддийский «Журнал Общества «Мудрости Закона»» (令知会雜誌, *Рё:итикай дзасси*) сотрудничал с тайским журналом «Музей», основанном сиамским пхраей (маркизом) Партха Корнвонгом (1849—1920) [Murashima 2021, р. 30]. «Музей» позиционировался как просветительское издание гуманитарного профиля и включал в том числе научные религиоведческие статьи и новости буддизма в Сиаме и за рубежом. «Музей» активно перепечатывал японские статьи о буддизме из *Vijou of Asia* и «Вестника общества самоанализа». Корнвонг сам был глубоко верующим буддистом и считал учение неотъемлемым элементом просвещения. В 1878 г. он опубликовал «Учебник буддийских знаний», переведенный и опубликованный в Японии при посредничестве Ода Токуно. Партха Корнвонг спонсировал издание тайско-палийских и тайско-санскритских словарей, некоторые из которых, впоследствии, публиковались и в Японии. Парха Корнвонг стал также одним из покровителей японских буддистов, обучавшихся в Сиаме, он выступил официальным представителем со стороны Сиам в организации стажировок, а его близкий друг Эдмунд Гунератне (1845—1914), адъютант при генерал-губернаторе Цейлона и почетный член Общества Махабодхи, выступил в том же качестве со стороны Цейлона. Представителем же японской стороны вы-

ступил Нандзё: Бунью, и следует заметить, что в этой роли он оставался посредником и для других стажировок и экспедиций. В июле 1890 г. в «Вестнике Общества самоанализа» Нандзё: опубликовал статью «Пожелания к дорогим друзьям, обучающимся в Индии» (印度留學の諸兄に望む, *Индо рю:гаку-но сёкэй ни нодзому*) с призывом к сбору средств для путешествий в Тибет и на Цейлон для изучения текстов Северного и Южного буддизма. Нандзё: является также основным инициатором пяти экспедиций буддийских монахов в Тибет в 1889—1915 гг. Их участники принадлежали преимущественно к двум частным буддийским колледжам *Фуцу: Кё:ко:* (普通教皇) и *Тэцугакукан* (哲学館) под патронажем *Ниси Хонгандзи* и *Риндзай*, с которыми Нандзё: имел тесные связи.

С учетом вышеописанного, возникает вопрос о наличии подобных связей с буддистами в Китае — ведь глубокие историко-культурные связи двух стран наверняка побудили бы японскую *сангху* попытаться распространить свое влияние в первую очередь именно там. Однако буддизм в Цинском Китае стал объектом критики. Правительство обвиняло *сангху* в порочности, бездействии и коррупции, а в 1890-е гг. власти стали изымать храмовое имущество для финансирования новых школ западного образца [Reinke 2021, p. 26—27]. Первая буддийская периодика появилась в Китае уже после установления Китайской республики в январе 1912 г., хотя некоторые связи между китайскими и японскими буддистами все же имелись и в рассматриваемый период. В качестве примера можно назвать контакты Нандзё: Бунью с будущим отцом китайского буддийского возрождения Ян Вэньхуэем (楊文會, 1837—1911) из школы *Хуаянь* (華嚴). Ян Вэньхуэй познакомился Нандзё: в 1880 г. через сотрудника английского посольства Суэмацу Кэнтё: (末松謙澄, 1855—1920) и китайского дипломата Цзэн Цицизэ (曾紀澤, 1839—1890), на службе у которого состоял Ян Вэньхуэй. Вскоре двое буддистов начали переписываться. Ян не одобрял концепцию «трех буддийских царств», полагая, что буддизм должен быть универсальным учением вне границ и эпох, а утверждения превосходства одной ветви неприемлемы [Zamorski 2023, p. 235]. В то же время он был заинтересован опытом Нандзё: в изучении санскрита и с его помощью реимпортировал около 300 канонических текстов йогачары, потерянных во время Тайпинского восстания (1850—1864), а в 1897 г. основал Цзиньлинское издательства канонов (金陵刻經處, *Цзиньлин кэцзинчу*), где издавал буддийские книги и учебники. В 1895 г. он создал буддийский учебный центр Лекторий Джетавана (祇洹精舍, *Чжисхэн цзиншэ*) для обучения китайских санскриптологов при поддержке японских и европейских специалистов. Турбулентные времена не позволили лектории пережить 1909 г., но на смену ему годом позже, пришло Буддологическое Общество (佛學研究會, *Фосюэ яньцзю хуэй*), нацеленное на преподавание буддологии и издание буддийской литературы. Нандзё: Бунью, Анагарика Дхармапала и британский миссионер Тимоти Ричард (1845—1919) поддерживали эти начинания.

Таким образом, интересы японских монахов, заинтересованных в укреплении позиций в Южной Азии, и буддийских активистов Сиам и Цейлона, рассчитывавших на сохранение и развитие традиции Тхеравады, пересеклись, и положили начало плодотворному сотрудничеству. Иными словами, идея исключительности японского буддизма не останавливала японских буддистов от

изучения других ветвей учения. Этот процесс, подробно освещаемый как в крупных изданиях, так и в журналах отдельных школ, как, например, «Вестник Дзё:до» (浄土教報, *Дзё:до Кё:хо:*), выпустивший в 1889 г. статью об общественных буддийских движениях на Цейлоне, позволил японскому буддизму нарастить значительное влияние в Южной Азии [Joudou kyouhou 1889, p.7—13]. В отличие от британской миссии, вынужденной работать в принципиально отличном культурном поле, сотрудничество с монахами Сиама и Цейлона было сопряжено с большими выгодами и меньшими препятствиями. Поддержка буддийских активистов, подобных Ян Вэньхуэю, также показывает намерение японского духовенства помогать представителям других ветвей учения в глобализации буддизма. Аккумулированный опыт был использован японской делегацией в подготовке новой буддийской миссии — в США.

Буддийская миссия в США

Крупнейшей победой японского буддизма на международной арене стало участие японской делегации во главе со старейшиной дзэн—буддистского храма *Энгакудзи* (円覚寺) Сяку Со:эн во Всемирном парламенте религий, проходившем с 12 по 27 сентября 1893 г. в Чикаго в рамках одной из крупнейших научно-технологических выставок XIX в. — Всемирной Колумбовой выставки. Эта конференция положила начало глобализации японского дзэн-буддизма, а Сяку Со:эн был приглашен читать лекции по буддизму в США.

Еще на этапе подготовки к выставке буддийская общественность организовала масштабную кампанию информационной поддержки. Благодаря читателям аффилированного с *Хонгандзи* буддийского журнала «Три сокровища» (三宝雜誌, *Санбо: дзасси*) удалось собрать средства на проживание делегации. Было подготовлено несколько документов с основными положениями японского буддизма, а переводчик Ногуту Фукудо: (野口復堂 1864—?), сопровождавший в свое время Олкотта в Японии, перевел на английский язык первый труд Киёдзава Манси «Скелет религиозной философии» (宗教哲学骸骨, *Сюкё: тэцугаку гайкоцу*) и распространил его на конференции. Среди переводчиков отметились также будущий выдающийся буддолог Дайсэцу Судзуки (鈴木大拙, 1870—1966), выступивший в качестве ассистента и переводчика для американского философа Пола Каруса (1852—1919), чья книга «Провозвестие Будды» (*Gospel of Buddha, 仏陀の福音, Будда но фукуин*) вошла в материалы конференции, Ян Вэньхуэй и Тимоти Ричард выступили переводчиками Анагарики Дхармапалы. Пол Карус, впоследствии, стал близким соратником Сяку Со:эн и одним из инициаторов его американского тура, им же был приглашен в США Судзуки Дайсэцу, ставший официальным ассистентом Каруса [Гунский 2024, с. 111].

Основой подхода к представлению буддизма на выставке стало подчеркивание его гармоничного сочетания с научной картиной мира в противовес подвергнутому критике на Западе христианству. Труды таких деятелей, как Киёдзава, должны были доказать существование буддийской философии, соотносимой с философией в западном понимании. Ногуту также поддерживал связь с Мацумура Кайсэки (松村介石, 1859—1939), основателем Церкви Пути (道会, *До:кай*) — но-

вого религиозного движения, вдохновленного буддизмом, христианством и неоконфуцианством, и публиковался в его журнале «Путь» (道, *До:*). Благодаря ему, на Парламенте впервые прозвучала характеристика буддизма как «универсальной религии, объединяющей человечество».

Состав японской делегации на конференции демонстрирует изменение миссионерской стратегии. Если ранее европейское понимание буддизма критиковалось, а японская Махаяна превозносилась над всеми иными течениями, теперь японские миссионеры поддерживали интерес к буддизму в любой его форме, а стереотипы европейцев о японском буддизме намеренно поддерживались для его продвижения. Так, Асидзу Дзицудэн (葦津実全, 1850—1921) в своем докладе о японских школах буддизма ссылался на авторитет теософа Эммануила Сведенборга (1688—1772) [The Monist 1894, p.171]. Новая интерпретация буддизма подчеркивала его универсальность, совместимость с научной картиной мира и популярными на Западе и в США философскими учениями (будь то теософия или позитивизм). Парламент дал толчок к глобализации буддологической науки. Он стал первой серьезной конференцией для окончившего в 1892 г. университет Дайсэцу Судзуки. Другой спикер — христианин Кисимото Но:бута (岸本能武太, 1866—1928) — в 1896 г. совместно с отцом японского сравнительного религиоведения Анэсаки Масахару (姉崎正治, 1873—1949) основал Общество сравнительного изучения религий (比較宗教学会, *Хикаку сю:кё: гаккай*), выступавшее за свободное преподавание религиоведения. Составленные для него лекционные материалы вошли в учебную программу созданной в 1905 г. в Токийском университете религиоведческой кафедры. Впоследствии организация была переименована в Общество религиоведческих исследований (宗教研究会, *Сю:кё: Кэнкю:кай*) и в 1916 г. обзавелась собственным печатным органом — «Журналом религиоведческих исследований» (宗教研究, *Сю:кё: кэнкю:*). Сам Кисимото, хоть и не был буддистом по убеждениям, но прекрасно владел санскритом, пали и теорией сравнительного религиоведения, состоял в Американском востоковедческом обществе.

Освещением конференции озаботились практически все буддийские издания Японии, включая региональные — например, журнал «Народное учение» (国教, *Коккё:*), рассчитанный исключительно на буддистов префектуры Кумамото [Zheng 2019, p. 253]. По итогам Парламента религиозный интерес к японскому буддизму приобрел глобальный характер, а успех Парламента выразился в потоке восторженных статей с подробным разбором конференции как в японских, так и в зарубежных буддийских изданиях. Впрочем, не обошлось и без жертв. Участие в Парламенте религиозных также стало «лебединой песней» «Вестника зарубежного буддизма» — редакция журнала собрала коллекцию англоязычных книг, посвященных буддизму, и выслала в Чикаго, в этом же году журнал прекратил свое существование.

Заключение

Буддийская периодика стала неотъемлемым инструментом защиты позиций японского буддизма внутри страны и его распространения за рубежом. В данной статье кратко представлены примеры лишь трех японских буддийских миссий и

журнальных «сетей», способствовавших их формированию. Благодаря этим миссиям была сформирована глобальная стратегия представления японского буддизма на международной арене. Схожим образом японские журналы и связанные с ними организации устанавливали сотрудничество с буддистами на Филиппинах, Гавайских островах, в Китае, Сингапуре, Корее и Индии, чем способствовали дальнейшей глобализации японского буддизма.

Функции буддийской периодики в этом смысле можно свести к трем задачам. Первая из них — объединение *сангхи* внутри Японии, включая не только верующих и священнослужителей, но и ученых-буддологов. Такая консолидация помогала финансировать экспедиции без поддержки японского правительства, участвовать в международных конференциях и отправлять студентов-буддистов на учебу в другие страны. Вторая задача — налаживание связей с иностранными изданиями, учеными и активистами. Как показывает пример теософов и юго-восточных тхеравадинов, международная поддержка являлась ключевым аспектом результативности японской миссионерской деятельности. Наконец, третья задача — информационная поддержка посредством публикации писем, лекций, статей и репортажей о ходе миссий способствовала наращиванию престижа миссионеров.

Стратегия продвижения буддизма претерпевала изменения в ходе осуществления миссионерской деятельности — от ориентации на Махаяну и Восточный буддизм к продвижению глобального буддизма со всеми его течениями и использованием европейских стереотипов об учении для его популяризации. Крупнейшие издания, вроде «Вестника Общества самоанализа» и *Vijou of Asia*, позволяют увидеть, как трансформировалась стратегия организаторов миссий. Таким образом, исследование буддийской периодики обладает большим потенциалом для изучения межкультурных взаимодействий японской *сангхи* с международным сообществом, и это верно не только в контексте миссионерской деятельности, но и научных контактов. Остается надеяться, что в будущем религиоведы сумеют восстановить историю и малых изданий, и воссоздать картину международного взаимодействия буддийских журналов во всей ее полноте.

Библиографический список

Гунский А. Ю. Первый Всемирный Парламент религий в Чикаго (1893): цели, ход проведения, религиозные проекты Запада и Востока // *Религиоведческие исследования*. 2024. № 1 (29). С.80—114. DOI: 10.23761/trs2024-29.80-114.

Гунский А. Ю. Эжен Бюрнуф (1801—1852) и его работа «Введение в историю индийского буддизма» // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2023. № 1. С. 90—114. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-90-114.

Лепехова, Е. С. Этика и религиозное сознание в философии Киёдзавы Манси (1863—1903) // *Этическая мысль*. 2021. Т. 21, № 2. С. 116—128. DOI: 10.21146/2074-4870-2021-21-2-116-128.

Новосёлова Е.О. Буддийские журналы периода Мэйдзи (1868—1912) как медиатор глобализации японского буддизма // *Вестник БНЦ СО РАН*. 2024. № 2(54). С. 123—128. DOI: 10.31554/2222-9175-2024-54-123-128.

References

Gunskii, A. Yu. (2023). Ezhen Byurnuf (1801—1852) i ego rabota “Vvedenie v istoriyu indiiskogo buddizma”. [Eugene Burnouf (1801—1852) and His Work “Introduction to the History of Indian Buddhism”]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyi zhurnal o religii* [Studia Religiosa Rossica: Academic Journal on Religion], 1, 90—114. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-90-114. (In Russian).

Gunskii, A. Yu. (2024). Pervyi Vsemirnyi Parlament religii v Chikago (1893): tseli, khod provedeniya, religioznye proekty Zapada i Vostoka. [The First Parliament of the World’s Religions in Chicago (1893): Goals, Process, Religious Projects of the West and the East]. *Religovedcheskie issledovaniya* [Religious Studies], 1 (29), 80—114. DOI: 10.23761/rrs2024-29.80-114. (In Russian).

Lepekhova, E. S. (2021). Etika i religioznoe soznanie v filosofii Kiedzavy Mansi (1863—1903) [Ethics and Religious Consciousness in the Philosophy of Kiyozawa Manshi (1863—1903)]. *Ehticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 21 (2), 116—128. DOI: 10.21146/2074-4870-2021-21-2-116-128. (In Russian).

Novoselova, E. O. (2024). Buddiiskie zhurnaly perioda Meidzi (1868—1912) kak mediator globalizatsii yaponskogo buddizma [Buddhist Journals of the Meiji era (1868—1912) as a Mediator in the Globalization of Japanese Buddhism]. *Vestnik BNTS SO RAN*, 2 (54), 123—128. DOI: 10.31554/2222-9175-2024-54-123-128. (In Russian).

* * *

Ama, Michihiro (2011). *Immigrants to the Pure Land: The Modernization, Acculturation, and Globalization of Shin Buddhism, 1898—1941*. Honolulu: University of Hawai’i Press.

Ashitsu, Zitsuzen. (1894). The Fundamental teachings of Buddhism. *The Monist*, 4, 163—175.

Belouad, C. (2020). La reception du bouddhisme chez Leon de Rosny. De commentateur a acteur: evolution d’une trajectoire. In N.B. Kono, *La genese des etudes japonaises en Europe* (pp. 231—248). Villeneuve d’Ascq: Presses universitaires du Septentrion. (In French).

Bocking, B., Cox, L., Yoshinaga, S. (2014). The first Buddhist mission to the West: Charles Pfoundes and the London Buddhist mission of 1889 — 1892. *DISKUS, the Journal of the British Association for the Study of Religions*, 16 (3), 1—33. DOI:10.18792/diskus.v16i3.51.

Buddhism and Modernity: Sources from Nineteenth—Century Japan. (2021). Ed. by Klautau O., Kramer H. M. Honolulu: University of Hawai’i Press.

Carus, P. (1896). Devoted to the religion of science. *The Open Court*, 10-2 (446), 4839—4841.

Deneckere, M. (2023). Buddhism as an Object of Academic Inquiry in the Early Work of Ishikawa Shuntai (1842—1931). In S. K. Licha, H. M. Kramer (eds.), *Learning From the West, Learning From the East: The Emergence of the Study of Buddhism in Japan and Europe Before 1900 (Studies on East Asian Religions)* (pp. 93—125). Leiden, Boston: Brill.

Dharmapala Anagarika. (1965). *Return to Righteousness: A Collection of Speeches, Essays, and Letters of the Anagarika Dharmapala*. Ed. by Ananda Guugue. Colombo: Government Press.

Kaigai bukkyō jijō · The bijō of Asia. Daiikkan: Kaigai bukkyō jijō daiisshū daijūshū Meiji 22 (1889) nen shigatsu — Meiji 23 (1890) nen gogatsu. (2014). [News of Foreign Buddhism Bijou of Asia. In 3 volumes. Vol. 1. Issues 1—10, April 1889 — May 1890]. Ed. Nakanishi Naoki, Yoshinaga Shinichi. Kyoto: Sannin Press. (In Japanese).

Klautau, O., Kramer, H. M. (2021). *Buddhism and Modernity: Sources From Nineteenth—Century Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Murashima, Eiji. (2021). Saisho no Tai ryūgaku nihonjin Oda Tokunō (Ikuta Tokunō) to kindaika tojō no Tai bukkyō [The First Japanese to Study in Thailand, Tokuno Oda (Tokuno Ikuta) and Thai Buddhism in the Process of Modernization]. *Ajia taiheiyō tōkyū*, 41, 1—87. (In Japanese). DOI: https://doi.org/10.57278/wiapstokyu.41.0_1 (in Japanese).

Okuyama, Naoji. (2008). Nihon bukkyō to Seiron bukkyō to no deai: Shaku Kōzen no ryūgaku o chūshin ni [The Meeting of Japanese and Ceylonese Buddhism: Focus on Shaku Kozen's Training Abroad]. *Kontakuto zon*, 2, 23—36. DOI: <http://hdl.handle.net/2433/177215>. (In Japanese).

Pember, G.H. (1889). *Earth earliest ages: and their connection with modern spiritualism and theosophy*. London: Hodder and Stoughton.

Reinke, Jens. (2021). *Mapping Modern Mahayana: Chinese Buddhism and Migration in the Age of Global Modernity*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg.

Seiron bukkyōto undō [The Buddhist Groups Movement of Ceylon]. (1889). *Jōdō Kyōhō*, Meiji 22 (1889), 3(8), 7—13. Tokyo: Jōdō kyōhōsha. (In Japanese).

Shimaji Mokurai, Ikuta Tokunō. (1890). *Sangoku bykkyō ryakuji Makiage: Sōron Indokyūshi* [The History of Buddhism in the Three Kingdoms (3 vols.). Vol. 1. Essays on India and China]. Tokyo: Komeisha. (In Japanese).

Unebe, Toshiya. (2017). Manuscripts From the Kingdom of Siam in Japan. *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*, 2 (1), 151—173. DOI: <https://dx.doi.org/10.1353/mns.2017.0006>.

Zamorski, J. (2023). Yang Wenhui, Nanjo Bunyu. In S. K. Licha, H. M. Kramer (eds.), *Learning From the West, Learning From the East: The Emergence of the Study of Buddhism in Japan and Europe Before 1900 (Studies on East Asian Religions)* (pp. 215—252). Leiden, Boston: Brill.

Zheng Aihua. (2019). Buddhist Networks: The Japanese Preparation for the World's Parliament of Religions, 1892—1893. *Japanese Journal of Religious Studies*, 46 (2), 247—275. DOI:10.18874/jjrs.46.2.2019.247-275.

Поступила в редакцию: 03.12.2024

Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 03 December 2024

Accepted: 23 April 2025

В.Г. Дацышен

Японцы в Харбине в начале XX в. К проблеме русско-японских отношений на начальном этапе истории КВЖД

Аннотация. Статья посвящена проблемам русско-японских отношений на Китайско-Восточной железной дороге на начальном этапе ее истории. Рабочих из Японии не приглашали на строительство дороги, но японцы были уже в числе первых поселенцев в основанном в 1898 г. Обществом КВЖД городе Харбин. После небольшого перерыва, вызванного Русско-японской войной, двусторонние отношения были быстро восстановлены. В 1906 г., по мере вывода российских войск из Маньчжурии, японцы стали возвращаться на КВЖД. Начиная с 1907 г. японские официальные представители, предприниматели, деятели культуры и спорта стали принимать активное участие в общественно-политической, экономической и культурной жизни Харбина. Именно здесь было создано первое «Русско-Японское Общество». Японцы в Харбине были, в основном, заняты в таких сферах, как торговля, медицина, развлечения, домашняя прислуга. Важной составляющей двухстороннего взаимодействия было сотрудничество в железнодорожной сфере. В силу труднодоступности источников история японского населения Харбина в российской историографии изучена слабо. Целью работы является восстановление исторической картины и выявление проблем японского присутствия в Харбине и русско-японского взаимодействия на КВЖД в период между Русско-японской и Первой мировой войнами. Исследование выполнено на основе материалов периодической печати Харбина с привлечением выявленных в архивах материалов, собранных исследователем КВЖД Е.Х. Нилусом. Опубликованные в газетах «Харбинский Вестник», «Харбин», «Новая жизнь» и «Маньчжурский курьер» информационные и аналитические материалы, особенно реклама, позволяют составить представление о составе японской общины, занятиях японцев и некоторых проблемах русско-японских отношений в 1906—1914 гг. Изучение вопросов японского освоения КВЖД, их сосуществования и сотрудничества с русскими в Харбине, позволяет расширить знания по истории Китайско-Восточной железной дороги и достичь более полной и объективной картины истории русско-японских отношений в XX в.

Ключевые слова: японцы в Харбине, история КВЖД, история российско-японских отношений, харбинские газеты о русско-японском сотрудничестве.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Российской Академии наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета, РФ; 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой 89 (dazishen@mail.ru)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дацышен В.Г. Японцы в Харбине в начале XX в. К проблеме русско-японских отношений на начальном этапе истории КВЖД // Японские исследования. 2025. № 2. С. 38—52. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-38-52.

V.G. Datsyshen

Japanese in Harbin in the early 20th century. Russian-Japanese relations during the early history of the Chinese Eastern Railway

Abstract. The article is devoted to the problems of Russian-Japanese relations on the Chinese Eastern Railway at the initial stage of its history. Workers from Japan were not invited to build the road, but the Japanese were already among the first settlers in the city of Harbin, founded in 1898 by the Chinese Eastern Railway Society. After a short break caused by the Russo-Japanese War, bilateral relations were quickly restored. In 1906, as the Russian troops withdrew from Manchuria, the Japanese began to return to the Chinese Eastern Railway. Since 1907, Japanese officials, entrepreneurs, cultural and sports figures from Japan began to take an active part in the socio-political, economic, and cultural life of the city of Harbin. It was here that the first “Russian-Japanese Society” was created. The Japanese in Harbin were mainly engaged in such areas as trade, medicine, entertainment, and domestic service. An important component of bilateral interaction was cooperation in the railway sector. Due to tradition and the inaccessibility of sources, the history of the Japanese population of Harbin is poorly studied in Russian historiography. The aim of this work is to reconstruct the historical picture and identify the problems of the Japanese presence in Harbin and Russian-Japanese interaction on the Chinese Eastern Railway in the period between the Russo-Japanese and the First World Wars. The study is based on materials from the Harbin periodical press, with the involvement of materials found in the archives collected by the researcher of the Chinese Eastern Railway E.K. Nilus. The information and analytical materials published in the newspapers *Harbinskii Vestnik* (“Harbin Bulletin”), *Harbin, Novaya Zhizn’* (“New Life”), and *Man’chzhurskii Kur’er* (“Manchurian Courier”), especially advertising, allow one to get an idea of the composition of the Japanese community, the occupations of the Japanese and some problems of Russian-Japanese relations in 1906—1914. The study of development of the Chinese Eastern Railway by the Japanese, their coexistence and cooperation with Russians in Harbin will expand knowledge of the history of the Chinese Eastern Railway and achieve a more complete and objective picture of the history of Russian-Japanese relations in the 20th century.

Keywords: Japanese in Harbin, history of the CER, history of Russian-Japanese relations, Harbin newspapers on Russian-Japanese cooperation.

Author: *Datsyshen Vladimir G.*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher Institute for Demographic Research, FNIISTS of RAS, Professor, Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University: 89, A. Lebedeva St. Krasnoyarsk, Russian Federation, 660049.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Datsyshen, V.G. (2024). Yapontsy v Kharbine v nachale XX v. K probleme russko-yaponskikh otnoshenii na nachal'nom etape istorii KVZhD [Japanese in Harbin in the early 20th century. Russian-Japanese relations during the early history of the Chinese Eastern Railway]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 38—52. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-38-52.

Введение

На протяжении полувека, с конца XIX и до середины XX в., международные и межнациональные отношения на Дальнем Востоке были в значительной мере обусловлены строительством и функционированием Китайско-Восточной железной дороги. Русско-японские отношения на протяжении всего XX в. отличались нестабильностью, резкими перепадами от дружбы и взаимовыгодного сотрудничества до противостояния и кровавых военных конфликтов. Взаимный интерес и уважение формировались благодаря тому, что с конца XIX в. представители двух народов много взаимодействовали друг с другом, имели возможность близко познакомиться, приобрести опыт сосуществования и сотрудничества.

Китайско-Восточная железная дорога была важнейшей контактной зоной русско-японского взаимодействия. Первые японцы поселились в Харбине почти сразу после основания города в конце XIX в., а после окончания Русско-японской войны они постепенно стали одной из самых больших и активных национальных общин на КВЖД. Японцы жили и работали рядом и совместно с русским и китайским населением, став органичной частью русского Харбина в Северо-Восточном Китае. Но негативные последствия японской агрессии против Китая и советско-японской войны 1945 г. привели к утрате интереса к историческому опыту русско-китайского взаимодействия в Харбине. Тем не менее, история русско-японских отношений, как и собственно история КВЖД, не может быть сколько-нибудь полной без такого важного аспекта, как японское население Харбина в начале XX в.

Историография и источники

Проблемы японского населения на КВЖД на начальном этапе истории дороги затрагиваются в общих работах по истории КВЖД и русского Харбина. В 1920-х гг. вышло обобщающее исследование «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896—1923 гг.». Однако в этой работе не поднимается проблема японского присутствия в Харбине, хотя указываются некоторые факты. Например, Е.Х. Нилус пишет, что Японская улица получила такое название потому, что «здесь впервые появились какие-то японские предприятия» [Нилус 1923, с. 138]. Кроме того, в данном исследовании представлены статистические данные, согласно которым в общем составе населения Полосы отчуждения КВЖД в 1907 г. из 48 870 человек было 160 японцев [Нилус 1923, с. 621].

Современная историография японского присутствия на КВЖД начинается с опубликованной в 1991 г. обобщающей работы выходца из Харбина Г.В. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая», где указана численность японских подданных, зафиксированных первой переписью в полосе отчуждения Харбина — 462 человека [Мелихов 1991, с. 140]. Однако в исследовании имеются неточности и противоречивые тезисы, например, утверждается: «Первые японские купцы появились в Харбине после событий 1900 г.» [Мелихов 1991, с. 190]. В работе сна-

чала указывается, что построенный в 1901 г. первый японский храм в Харбине был буддийским, а затем утверждается, что синтоистским. В исследованиях по истории русско-японских отношений вопросы японского присутствия на КВЖД, как правило, не поднимались. Например, в работе В. Молодякова, посвященной проблеме железных дорог в русско-японских отношениях, много внимания уделено истории Харбина, однако собственно проблему японского населения на КВЖД исследователь не поднимает, указывая лишь численность японских подданных в полосе отчуждения Харбина по переписи 1903 г. [Молодяков 2006, с. 148]. В исследовании А.Н. Хохлова, посвященном проблемам японского населения русского Дальнего Востока, приводятся примеры отправки японцев из Харбина после начала Русско-японской войны в Европейскую часть России [Хохлов 2010, с. 82].

В последние годы в российской историографии появились работы, посвященные проблемам русско-японского взаимодействия на КВЖД. Правда, основное внимание уделено послереволюционному периоду истории [Якименко 2015, с. 45—57]. Но есть и исключения. Например, в работе московского японоведа А.М. Горбылева говорится о работе в Харбине японского тренера по борьбе [Горбылев 2022, с. 29—40]. Хабаровские исследователи В.В. Гончар и В.Д. Поволоцкий разрабатывают вопросы присутствия японских медиков на Дальнем Востоке [Гончар 2023а, Гончар 2023б]. Они пишут, что на КВЖД в 1898 г. было 8 японцев, а в 1904 г. их численность выросла до 1 тыс. человек. Эти исследователи утверждают, что 5 ноября 1901 г. в Харбине была создана организация японских резидентов, известная как «Сё:ка курабу, Сё:какай — Сунгарийский клуб» [Гончар 2023а, с. 116]. Некоторые утверждения этих авторов требуют уточнений. Например, говорится: «В японских источниках отмечается, что первые японские поселенцы прибыли в Харбин в мае 1897 г.» [Гончар 2023а, с. 116]. Но, как известно, Харбин был основан лишь в 1898 г., а в местности «Харбин» до этого не было значительных поселений, где могли бы жить японцы. Кроме того, в работах хабаровчан, написанных на основе японских источников, хорошо показана история первых японцев в Харбине, но практически не затрагивается история возвращения японцев на КВЖД после окончания Русско-японской войны.

Таким образом, история японцев в Харбине в начале XX в. остается почти не изученной. В работах по истории русско-японских отношений данная проблема не поднимается. В современной историографии появились статьи, где представлены лишь отдельные аспекты жизни и деятельности японцев в Харбине.

Слабая изученность проблемы японского присутствия в Харбине на начальном этапе истории КВЖД обусловлена ограниченностью и труднодоступностью источниковой базы. Наиболее доступным и довольно информативным источником по данной теме является периодическая печать. Введение в научный оборот материалов первых российских газет на КВЖД поможет восстановить историческую картину появления японцев в Харбине и выявить проблемы, связанные с японским присутствием в столице КВЖД.

Одним из первых периодических изданий Харбина была газета «Харбинский Вестник». Газета издавалась при коммерческой части Управления КВЖД на русском языке с 1903 г. В начале 1907 г. в этой газете была опубликована заметка

«Количество японцев в Харбине»¹. Другой газетой, взятой в качестве источника для нашего исследования, является «Новая Жизнь». Ее история начинается с основания в 1907 г. сотрудниками редакции газеты «Новый Край» газеты «Вестника Востока». Но вскоре «Вестник Востока» под редакцией Л.О. Левенциглера был преобразован в ежедневную газету «Новая Жизнь», выходящую до 1914 г. В качестве источников мы также использовали «прогрессивную, литературную, иллюстрированную газету» «Маньчжурский курьер», а также газету «Харбин». В качестве дополнительного источника мы привлекли черновые машинописные материалы, подготовленные бывшим штаб-офицером для поручений при Хорвате Е.Х. Нилус для второго тома «Истории КВЖД», которые хранятся в Стендфордском университете. Интересным источником являются фотографии, сделанные в Харбине в начале XX в. Сегодня эти фотографии можно найти как в различных фондах и коллекциях, так и на страницах современных изданий [Абеленцев 2022, с. 19].

Первые японцы в Харбине

Первые японцы приехали в основанный русскими в 1898 г. в Северо-Восточном Китае город Харбин уже в конце XIX в. Правда, среди первых строителей КВЖД японцев не было. Администрация КВЖД не стала привлекать японских рабочих для строительных работ в Северо-Восточном Китае. Сделано это было исходя из опыта использования японцев на строительстве Уссурийской железной дороги и по политическим причинам. В отчете говорилось: «Самое важное неудобство японских рабочих заключается в том, что высказавшийся явно враждебно к нам энергичный народ этот, под видом рабочих будет посылать к нам наиболее образованных и подготовленных представителей своих, которые всесторонне будут изучать наш край, его средства, пути в нем, знакомиться с нашими вооружёнными силами и хорошо будут знать наши слабые стороны» [Заветная 2011, с. 106—117].

Японцы появились в Харбине еще до начала Русско-японской войны. Дальневосточные исследователи В.В. Гончар и В.Д. Поволоцкий, ссылаясь на поздние источники, утверждают, что на КВЖД уже в 1898 г. проживало 8 японцев [Гончар 2023а, с. 116]. Кроме того, эти исследователи приводят примеры, когда японцы получали разрешение на врачебную деятельность в Харбине в 1899—1900 гг. По данным Г.В. Мелихова: «На 7-й Старопристанской в июле 1901 г. был построен первый в Харбине японский буддийский храм, предопределивший, тем самым будущее название этой улицы — Японская» [Мелихов 1991, с. 147]. Правда, в опубликованных в 1920-х гг. справочниках не указано ни одного японского храма на улице Японской [Весь 1926, с. 111]. В ноябре 1901 г. в Харбине была создана организация японских резидентов, известная как «Сё:ка курабу, Сё:какай — Сунгарийский клуб, Сунгарийское общество», по данным которой в 1902 г. в Харбине проживало 506 японцев [Гончар 2023а, с. 117].

¹ Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 5 января, с. 2.

Развитие японской миграции в Харбине было прервано Русско-японской войной 1904—1905 гг. Г.В. Мелихов пишет: «Перед самым началом войны японские предприниматели, побросав свое имущество, поспешно выехали из Харбина» [Мелихов 1991, с. 190]. Оставшиеся на КВЖД японцы были отправлены во Владивосток или депортированы в Сибирь и Европейскую Россию.

После русско-японской войны

Русско-японская война закончилась подписанием 23 августа (5 сентября) 1905 г. Портсмутского мирного договора. Согласно подписанному в декабре 1905 г. между Японией и Китаем «Соглашению о Маньчжурии» 16 городов Северо-Восточного Китая, включая Харбин, должны были быть открыты для международной торговли. В 1906 г. была проведена работа по открытию Генерального консульства Японии в Харбине, а в конце года русским царем был утвержден штат японского представительства [Нестерова 2023, с. 67—79]. После вывода российских войск в начале 1907 г. Харбин стал открытым для иностранцев, в том числе и для японцев, городом. Таким образом, ни со стороны России, ни со стороны Китая не было больше препятствий для возвращения японцев на проходившую через Маньчжурию Китайско-Восточную железную дорогу.

Сразу же после окончания войны, по мере вывода российских войск, японские представители развернули активную деятельность в Северной Маньчжурии. В опубликованной в начале 1907 г. в газете «Харбинский Вестник» заметке «Японские интенданты в сев. Маньчжурии» говорилось, что приехавшие в окрестности Харбина японцы «скупают огромными партиями пшеницу, жмыхи и бобы»¹. Газета указывала, что в местечке Бейлинцзы проживало 4 японца, а в Хуланьчене — 6 японцев. Газета приводила свидетельства очевидцев: «Ходят они в полной форме, в мундирах с иголки, несмотря на мороз. С китайцами обращаются изысканно вежливо. Все население от них в восторге... Все они говорят довольно чисто по-русски и по-китайски, а некоторые отлично владеют английским, немецким и французским языками»². Полоса отчуждения КВЖД стала транзитной территорией для японцев, отправляющихся на запад. В феврале 1907 г. «Харбинский Вестник» сообщал о «гейшах-актрисах»: «Едут они по приглашению из России в Москву и Петербург, где будут выступать в опереттах «Чайный цветок», «Гейша» и др.»³. В городах по пути следования, в том числе и в Харбине, они давали представления.

В конце 1906 г. японцы стали возвращаться и в сам город Харбин. В первых числах января 1907 г. газета «Харбинский Вестник» сообщила: «По статистике Харбинского дипломатического бюро, в течение двух месяцев с момента разрешения японцам въезда в Харбин, приехали в город с паспортами японцев 51 человек»⁴. В начале весны 1907 г. газеты уже писали, что «количество японцев,

¹ Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 26 января, с. 3.

² Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 26 января, с. 3.

³ Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 14 февраля, с. 3.

⁴ Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 5 января, с. 2.

прибывающих в Харбин, с каждым днем все увеличивается. Мало по малу, они начинают забирать в свои руки различные ремесла, являясь серьезными конкурентами русским и китайцам. В особенности много наблюдается японских вывесок с надписями: «парикмахер», «часовых дел мастер» и др. Незаметно только обилия японских магазинов, число которых до войны было значительно более, чем ныне»¹.

Действительно, в рекламных объявлениях в начале 1907 г. можно встретить указания на присутствие в городе различных японских мастерских, предприятий бытового обслуживания, например, «японской прачечной». В начале января в газете была помещена такая реклама — «Японский часовой мастер, помещается в 10-й Базарной улице, лавка № 247, Принимаю починку часов. Хадате»². Наиболее заметной частью японской общины с первых дней их проживания в Харбине стали врачи, медицинский персонал открытых японцами лечебниц. Уже в начале 1907 г. газета «Харбинский Вестник» писала: «Нам жалуются на грязь и нечистоплотность японских врачей, практикующих в Харбине. В особенности отличаются этими качествами два эскулапа, резидирующие на Рыночной улице... За советы меньше рубля ими не берется»³.

В феврале 1907 г. в Харбине развернул работу генеральный консул Японской империи Каваками Тосицунэ (川上俊彦). При этом японский представитель продемонстрировал признание российской власти в Полосе отчуждения КВЖД. Е.Х. Нилус отмечал, что иностранные консулы всячески старались игнорировать российскую власть в Харбине, и «лишь с Японским Генеральным Консулом г. Каваками у Начальника дороги сразу же установились нормальные и дружественные отношения»⁴. Возможно, такая ситуация была обусловлена тем, что генконсулом был назначен бывший секретарь посольства в Санкт-Петербурге и коммерческий агент во Владивостоке, имевший большой опыт взаимодействия с русскими властями и деловыми людьми. Сибирские исследователи приводят представленное в японском журнале описание японского генконсула: «Хотя ростом не велик, но человек весьма решительный и деятельный, владеет русским языком, весьма осведомлен по всем русским делам. Очень доступен при каких бы то ни было сношениях с ним. Работоспособен, обладает светлым умом, даром слова. Способен очаровать собеседника и совершенно завладеть им. Герой пирушек, имеет успех у женщин и, в свою очередь, чувствует к ним большую слабость. Мы полагаем, что Каваками — один из выдающихся наших дипломатов» [Иванов 2022, с. 23—24].

Действительно, Каваками Тосицунэ свободно владел русским, французским и английским языками, а в Харбине приступил к изучению китайского языка. В Харбине он проработал несколько лет, КВЖД стала ступенькой для его карьерного роста. Летом 1910 г. харбинская газета писала: «Японский генеральный кон-

¹ Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 27 марта, с. 2.

² Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 6 января, с. 4.

³ Харбинский Вестник. Харбин. 1907, 7 февраля, с. 2.

⁴ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:3. Русские консульства в Маньчжурии, л. 26.

сул в Харбине г. Каваками, по слухам, останется здесь не долго. Его назначают генеральным консулом в Москву»¹. В дальнейшем он станет первым послом Японии в Польше.

Помощником генконсула был вице-консул, тщательно был подобран весь персонал Генерального консульства. Русским языком владели секретарь консульства Сугино Хотаро, помощник секретаря драгоман китайского языка Фурусава Кокити, драгоман русского языка Найто Кюити и работавший переводчиком у начальника полицейской охраны Хацуми Окадзима воспитанник православной семинарии в Токио Игава Юлиан [Иванов 2022, с. 24].

Быстрая стабилизация русско-японских отношений в Маньчжурии во многом была обусловлена интересом японцев к сотрудничеству на КВЖД. С другой стороны, появление значительной японской общины в Харбине способствовало развитию русско-японских отношений. Согласно исследованию Е.Х. Нилуса, на Восточной линии Полосы отчуждения КВЖД, где располагался Харбин, по данным Земельного комитета дороги в 1907 г., проживало 160 японцев [Нилус 1923, с. 621]. Исследователи из Хабаровска В.В. Гончар и В.Д. Поволоцкий утверждают, что «количество резидентов в Харбине» в 1907 г. составляло 627 человек [Гончар 2023а, с. 122].

В феврале 1908 г. были проведены выборы в Собрание уполномоченных Харбинского общественного управления. Кроме русских подданных, в выборах участвовали лишь японцы, так как лишь японский консул поддержал этот проект. Г.В. Мелихов пишет, что уже в 1908 г. в Собрание уполномоченных Харбинского общественного управления был избран один японец [Мелихов 1991, с. 201].

Наиболее заметной и активной частью японской диаспоры, очевидно, были медицинские работники. По крайней мере, на первых полосах харбинских газет всегда была реклама японских врачей и лечебниц. Весной 1908 г. на страницах газеты «Харбин» были помещены такие рекламные объявления: «Японская лечебница И. Осафуне. Новый Город... При квартире имеются спокойные кровати...»; «Японская лечебница Д-ра С. Кубо. С постоянными кроватями... Новый Город»² []. В районе Пристань работали «Японский доктор С. Канада» и «Японский операцион. врач-доктор Накамура»³. Весной 1909 г. на страницах газеты «Харбин» были представлены следующие объявления: «Японская лечебница доктора С. Мураи. Пристань ежедневно во всякое время по внутренним, хирургическим, женским, венерическим и др. болезням. Специально излечивает ушные, глазные, носовые, горловые и трахому», «Японская лечебница д-ра Т. Мори», «Врачи при императ. Японск. Генер. Консульстве в г. Харбине и д-ра Осафуне кв. № 2, дом Общ. Южно-Маньчжурской ж. д. ... Новый Город», «Японская лечебница Д-ра Ж. Нарита. Новый Город... Детские, Туберкулёз (чахотка). Мужское бессилие, Геморрой... Венерические и др. болезни»⁴. Вскоре к этим врачам добавился «Зуб-

¹ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 9 июня, с. 2.

² Харбин. Харбин. 1908, 5 марта, с. 1.

³ Харбин. Харбин. 1908, 5 марта, с. 1.

⁴ Харбин. Харбин. 1909, 9 апреля, с. 1.

ной врач Х. Мацуура...»¹. На страницах газеты «Новая жизнь» в 1909 г., кроме вышеуказанных врачей и лечебниц, фигурировали «Зубной врач Ито Пан», «Японская лечебница Д-ра Т. Сиката»². В дополнение к регулярной рекламе в газетах появлялись и такие разовые объявления: «В японском аптекарском магазине Х. Умеда и К получено лекарство... изобретение японского профессора Фудзимото...»³. Дальневосточные исследователи пишут: «в отчете японского генерального консула в Харбине Каваками Тосицунэ, датированном 12 января 1910 г., сообщалось, что в Харбине проживало 5 дворов японских врачей общей практики, которые были представлены пятью мужчинами и двумя женщинами. Кроме того, в японских медицинских учреждениях Харбина было задействовано 8 наемных сотрудников, а также работал 1 зубной врач» [Гончар 2023а, с. 117].

На страницах харбинских газет встречается и реклама местных японских магазинов. Например, японский магазин «Восходящее солнце» на ул. Мостовая, что на Пристани, рекламировал: «отрезы на кофты, ширмы, альбомы, рамки и изящные металлические изделия, салфетки, зеркала, шелковые товары и разные японские вещи»⁴. В 1910 г. «Харбинский вестник» сообщал: «В текущем году на Пристани появилось несколько новых японских фирм, открывших оптовые склады аптекарских товаров, чая и различных японских изделий, а также розничную продажу их»⁵.

Сразу же после окончания Русско-японской войны в Харбин вернулись японки, ставшие работать нянями в русских семьях. На фотографии семьи начальника железнодорожной станции Харбин А.К. Крапивницкого, сделанной в Харбине в 1908 г., изображена, согласно подписи под этой фотографией, «няня — японка Еси» [Абеленцев 2022, с. 19].

В Харбине постоянно работали или приезжали на гастроли японские артисты. Газеты размещали такую рекламу: «В пятницу 14 и субботу 15 мая проездом на Одесск. выставку остановилась в Харб. только две гастроли Труппа японских гейш. Японский балет. Под управлением М-ме Кикуякко с участием известных артисток японских театров»⁶. Не всегда выступления японцев были успешными. На это указывает такое газетное сообщение: «Японский иллюзион на Пристани, привлекающий сначала своими картинами исключительно китайского и японского вкуса много русской публики, теперь пуст. Китайцы больше интересуются европейскими иллюзионами и за последнее время постоянно можно видеть в таких театрах по несколько человек китайцев, посещающих театры со всей своей семьей»⁷.

Сразу после Русско-японской войны Харбин стал важнейшим местом русско-японского взаимодействия. В начале 1909 г. газета «Новая жизнь» сообщала: «Заведующий учебных отделом квантунского генерал-губернаторства Такахаси,

¹ Харбин. Харбин. 1909, 29 сентября, с. 1.

² Новая Жизнь. Харбин. 1909, 1 января, с. 1.

³ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 2 февраля, с. 1.

⁴ Новая жизнь. Харбин. 1909, 20 марта, вкладной лист.

⁵ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 15 июня, с. 2.

⁶ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 14 мая, с. 1.

⁷ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 16 января, с.2.

подробно осмотревший харбинские коммерческие училища, торговую школу и... начальные железно-дорожные и городские училища, а также ознакомившись с изданными учебным отделом отчетам по школам дороги в письменных своих отзывах высказал, что, учебные заведения территории Китайской Восточной железной дороги отличаются образцовой постановкой дела, и что при осмотре им почерпнуто много новых полезных сведений»¹. Осенью 1909 г. в «частное путешествие для ознакомления с Маньчжурией», с целью «выяснения положения японских интересов в Маньчжурии»² направился один из самых известных и высокопоставленных японских государственных деятелей — Ито Хиробуми.

Его убийством в октябре 1909 г. на перроне Харбинского вокзала были осложнены Русско-японские отношения. Хотя террористический акт был совершен корейцем и, очевидно, не был напрямую связан с русско-японскими отношениями, но событие произошло именно в Харбине — месте активного развития русско-японского взаимодействия и сотрудничества. Однако Е.Х. Нилус утверждал: «Истинные цели прибытия Ито в Харбин не представляются до сих пор точно установленными, по-видимому встреча эта должна была явиться несколько неожиданной... Весьма вероятно, что намечавшаяся дружественная тенденция во взаимных отношениях... нашла бы через посредство этого свидания свое внешнее выражение в форме какого либо особого договора...»³. Таким образом, велика вероятность того, что целью это убийства было желание помешать развитию русско-японского сотрудничества. Е.Х. Нилус описал проводы тела убитого Ито Хиробуми японским населением Харбина: «Перед отходом поезда перед вагоном, где лежало тело почившего, собралась густая толпа японцев, спокойных, безстрастных, торжественно молчаливых»⁴.

Во время теракта в Харбине не пострадало ни одного русского представителя, но кроме смертельно раненного Ито Хиробуми было ранено еще несколько высокопоставленных японцев, в том числе генеральный консул Каваками Тосицунэ. Генеральный консул проходил лечение в Центральной железнодорожной больнице КВЖД. Харбинский «инцидент» не привел к ухудшению русско-японских отношений, в том числе и на КВЖД. Е.Х. Нилус пишет: «благоприятная тенденция в отношениях с Японией быстро восстановилась, что нашло свое выражение в образовании в Харбине особого русско-японского общества, открывшего свою деятельность 2 мая 1910 г.»⁵.

В обращении к населению Харбина инициаторы создания Общества на этапе подготовки к открытию этой организации указывали: «Исходя из этих положений, мы нижеподписавшиеся, решились взять на себя инициативу создания в Харбине соответствующей общественной организации. Признавая одним из

¹ Новая Жизнь. Харбин. 1909, 20 марта, с. 2

² Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:2. Япония и КВЖД, л. 19.

³ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:2. Япония и КВЖД, л. 14—15.

⁴ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:2. Япония и КВЖД, л. 16.

⁵ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:2. Япония и КВЖД, л. 23.

ближайших и необходимых способов к достижению намеченной цели изучение русскими японского языка, а японцами — русского, мы считаем учреждение в Харбине учебных курсов и лекций первым действием задуманной организации, не предвещая пока дальнейшей ее программы, которую укажет сама жизнь»¹.

Вскоре газета «Харбинский Вестник» сообщила: «В понедельник, 26 апреля, порог японского клуба в Харбине впервые переступили русские гости в лице президиума Русско-японского о-ва. Клуб занимает обширное помещение, состоящее из нескольких зал. Один из них отведен под школу для японских детей. Учредителями и членами клуба состоит всего 30 лиц, составляют сливки японской колонии в Харбине»².

Харбинские газеты так описали открытие Общества: «Ровно к 2 часам дня залы биржи наполняются многочисленной русской публикой. Появляются видные деятели из железнодорожного мира... Маленькая заминка — ни одного японца. Японцы предупреждены своими русскими друзьями, что на русских собраниях принято запаздывать на полчаса. Пробегает по залам сконфуженный г. Фусе и телефонирует своим, что русские в сборе и ждут. Через четверть часа явились японцы, все сразу, свыше полусотни человек»³. Проект устава Русско-японского общества составили председатель Горсовета П.С. Тишенко и известный японский предприниматель и общественный деятель К. Фусе. В документе говорилось: «Русско-японское Общество в Харбине имеет своей целью взаимное сближение русского и японского народов»⁴. В Совет Общества было выбрано по 7 членов от русского и японского населения города. Членами Совета стали Натсуаки⁵, Фусе, Гундзи, Фурусавы, Цудзи, Такаки. Место отказавшегося секретаря генконсульства Сугино занял Ковайяги. Устав «Русско-Японского Общества в Харбине» был утвержден властями КВЖД 31 мая 1910 г., одновременно с уставами «Общества Русско-Китайского Торгово-Промышленного музея» и «Общества Русских Ориенталистов»⁶.

К 1910 г. относятся первые попытки издания японцами в Харбине газет и журналов. Уже в январском номере «Харбинского Вестника» упоминается «журнал «Северная Маньчжурия», под редакцией г. Фусе»⁷. В рукописной работе Е.Х. Нилуса по истории КВЖД говорится: «С 15 марта 1912 г. стала выходить газета «Восток». Издателем ее был японец Фусе, редактором сначала П.М. Федоров, а затем г. Полетика. Газета просуществовала недолго и была закрыта по распоряжению властей в 1915 г.»⁸ [Hoover, Пресса, л. 10].

¹ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:2. Япония и КВЖД, л. 24.

² Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 28 апреля, с. 3.

³ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 13 апреля, с. 2.

⁴ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 13 апреля, с. 2.

⁵ Здесь и далее сохранена транскрипция источников.

⁶ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 10 июня, с. 1.

⁷ Харбинский Вестник, 1910, 5 января, с. 2.

⁸ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:2. Пресса.

Харбин остался привлекателен для разных форм сотрудничества. В частности, русские железнодорожники обменивались опытом с коллегами, приехавшими на отошедшую Японии Южную ветку КВЖД, получившую название Южно-Маньчжурская железная дорога. Японские железнодорожники приезжали в Харбин на стажировку. О некоторых фактах можно узнать «благодаря» инцидентам и происшествиям, освещавшимся в местной прессе. В феврале 1910 г. «Харбинский Вестник» сообщил: «Вчера в Старом Харине на мельнице г. Лобачева... произошла катастрофа... Взрывом котла убиты двое: японец и китаец, и тяжело ранены четверо: японец, китаец и двое русских»¹. Позднее газета привела больше подробностей: «Во время взрыва в отделении находились два японца от Южно-Маньчжурской жел. дороги, которые производили пробу отоплению углем»². Таким образом, после Русско-японской войны было налажено тесное взаимодействие и обмен опытом между японскими и русскими железнодорожниками в Маньчжурии.

Накануне Первой мировой войны в Харбине продолжали жить и работать японские медики. В 1914 г. в харбинских газетах печаталась реклама следующих японских медицинских заведений: «Опытный японский массажист Такеда», «Японский зубной врач Джен-тун-я-ша», «Японский д-р Ж. Нарита», «Японский зубной врач Х. Мацуура»³. В это время в Харбине расширилась сеть японских ателье и магазинов: «Японская дамская мастерская Кидзуки», «Японский портной и мастерская бамбуковых изделий», «Мужской японский портной Саки-такэ», «Штатский японский портной Киорицу», «Японский магазин Банзай, искусственные цветы, открытки и прочие японские товары»⁴.

К предвоенному времени относится появление в Харбине японских мастеров боевых искусств. Московский японовед А.М. Горбылев упоминает «преподавателя «Джиу-Джитсу» г. Сигиура» и утверждает: «В харбинской полицейской школе обучение дзюдо осуществлялось в интервале минимум с 1912 по 1916 г. ... За это время здесь сложился... коллектив преподавателей дзюдо» [Горбылев 2022, с. 35].

После начала войны в Европе, Россия и Япония окончательно стали союзниками, к их союзу позже присоединился Китай. Япония почти сразу после начала войны объявила Германии ультиматум с требованием передачи ей своих колоний в Китае. Ультиматум был поддержан японской общественностью. А в Харбине еще до объявления Японией войны Германии состоялась массовая манифестация японцев в поддержку России и других стран Антанты в войне против Германии.

С началом Первой мировой войны начался новый этап японского освоения КВЖД. Он характеризовался усилением позиций японского бизнеса в Северо-Восточном Китае, ростом числа японских предприятий и японского населения на КВЖД, в том числе в Харбине. Накопленный в период между Рус-

¹ Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 5 февраля, с. 3.

² Харбинский Вестник. Харбин. 1910, 6 февраля, с. 2.

³ Маньчжурский Курьер. Харбин. 1914, 8 ноября, с. 1.

⁴ Маньчжурский Курьер. Харбин. 1914, 8 ноября, с. 4.

ско-японской и Первой мировой войнами опыт проживания и работы японцев в Харбине позволил японской общине успешно развиваться в новых исторических условиях.

Заключение

Таким образом, японское присутствие в Харбине стало важным фактором общественно-политической, торгово-экономической и культурной жизни Китайско-Восточной железной дороги в период между Русско-японской и Первой мировой войнами. Японцы в Харбине были заняты в таких сферах, как торговля, медицина, развлечения, домашняя прислуга и др. Харбин стал местом развития сотрудничества в сфере народного образования, важной составляющей двухстороннего взаимодействия было сотрудничество в железнодорожной сфере. Не случайно, именно в Харбине было создано первое «Русско-Японское Общество». Именно японские представители среди представителей других стран наиболее последовательно поддерживали инициативы и начинания русских властей на КВЖД. Опыт русско-японского взаимодействия на КВЖД способствовал развитию двухстороннего сотрудничества во всех сферах и способствовал оформлению союзных отношений между Россией, Японией и Китаем в годы Первой мировой войны.

Библиографический список

Абеленцев В.Н. Легенда станции Харбин-Центральная — А.К. Крапивницкий // Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2022. С. 16—20.

Весь Харбин на 1926 г. Адресная и справочная книга. Издатель С.Т. Тернавский. Харбин: Типография КВЖД, 1926. 534 с.

Горбылев А.М. Дзюдо в школе полицейского надзора города Харбин: Неизвестная страница истории проникновения японской борьбы в Россию // Интеграция науки и спортивной практики в единоборствах: Материалы XXI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции молодых ученых, посвященной памяти... Евгения Михайловича Чумакова (Россия, Москва, 16 февраля 2022 года) / под общ. ред. С.Е. Табакова. М.: Лица, 2022. С. 29—40.

Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японское медицинское присутствие на территории строительства и эксплуатации КВЖД (1897—1922 гг.) // *Журнал Фронтирных Исследований*. 2023а. № 2. С. 115—132.

Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японское зубоврачевание и его представители на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX в.) // *Японские исследования*. 2023б. № 2. С. 6—17.

Заветная мечта императора. К 120-летию начала строительства Уссурийской железной дороги. Документы и материалы. Владивосток: Дальнаука, 2011. 156 с.

Иванов А.А., Кузнецов С.И. Деятельность политической полиции среди японцев на территории Иркутской губернии в конце XIX — начале XX века. Ч. II. Разведывательная деятельность на Дальнем Востоке и сотрудничество с Японией // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2022. № 3 (47). С. 22—28.

Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 319 с.

Молодяков В. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891—1945). М.: АСТ, Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.

Нестерова Е.И. Открытие Российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906—1907) // *Исторический курьер*. 2023. № 3 (29). С. 67—79.

Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896—1923 г.г. По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной Комиссии составил Агент Правления О-ва Е.Х. Нилус. Т. 1. Харбин: Типография Кит. Вост. жел. дор. и Тов-ва «Озо», 1923. 690 с.

Хохлов А.Н. Положение японцев на русском Дальнем Востоке. 1904—1905 гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 4. С. 78—87.

Якименко Р.Н. Особенности контактов японцев и русских, проживавших в Маньчжурии в 1920—1940 гг. По материалам японских мемуаров // *Известия Восточного Института*. 2015. № 4 (28). С. 45—57.

References

Abelentsev, V.N. (2022). Legenda stantsii Kharbin-Tsentral'naya — A.K. Krapivnitskii [Legend of the Harbin-Central Station — A.K. Krapivnitsky]. In A.P. Zabayko (ed.), *Legendy starogo Kharbina. Istoricheskii putevoditel'* [Legends of Old Harbin. Historical Guidebook] (pp. 16—20). Blagoveshchensk: Amur State University. (In Russian).

Gonchar, V.V., Povolotsky, V.D. (2023a). Yaponskoe meditsinskoe prisutstvie na territorii stroitel'stva i ekspluatatsii KVZhD (1897—1922 gg.) [Japanese Medical Presence in the Territory of Construction and Operation of the CER (1897—1922)]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2, 115—132. (In Russian).

Gonchar, V.V., Povolotsky, V.D. (2023b). Yaponskoe zubovrachevanie i ego predstaviteli na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX — nachalo XX v.) [Japanese Dentistry and Its Representatives in the Russian Far East (Late 19th — Early 20th Centuries)]. *Japanese Studies in Russia*, 2, 6—17. (In Russian).

Gorbylev, A.M. (2022). Dzyudo v shkole politseiskogo nadzora goroda Kharbin: Neizvestnaya stranitsa istorii proniknoveniya yaponskoi bor'by v Rossiyu [Judo in the Harbin Police Supervision School: An Unknown Page in the History of the Penetration of Japanese Wrestling Into Russia]. In S.E. Tabakov (ed.), *Integratsiya nauki i sportivnoi praktiki v edinoborstvakh: Materialy XXI Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoi pamyati...*

Evgeniya Mikhailovicha Chumakova (Rossiya, Moskva, 16 fevralya 2022 goda) [Integration of Science and Sports Practice in Martial Arts: Proceedings of the 21st All-Russian Scientific-Practical Young Scholars' Conference With International Participation Dedicated to the Memory of... E.M. Chumakov (Russia, Moscow, February 16, 2022)]. Moscow: Lika. (In Russian).

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. (2022). Deyatel'nost' politicheskoi politsii sredi yaponsev na territorii irkutskoi gubernii v kontse XIX — nachale XX veka. Ch. II. Razvedyvatel'naya deyatel'nost' na Dal'nem Vostoke i sotrudnichestvo s Yaponiei [Activities of the Political Police Among the Japanese in the Irkutsk Province in the Late 19th — Early 20th Century. Part II. Intelligence Activities in the Far East and Cooperation with Japan]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN*, 3(47), 22—28. (In Russian).

Khokhlov, A.N. (2010). Polozhenie yaponsev na rusском Dal'nem Vostoke. 1904—1905 gg. [The Situation of the Japanese in the Russian Far East. 1904—1905]. *Voprosy istorii*, 4, 78—87. (In Russian).

Melikhov, G.V. (1991). *Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya* [Manchuria Far and Near]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Molodyakov, V.E. (2006). *Rossiya i Yaponiya: rel'sy gudyat. Zheleznodorozhnyi uzel rossiisko- yaponskikh otnoshenii (1891—1945)* [Russia and Japan: The Rails Are Humming. The Railway Junction of Russian-Japanese Relations (1891—1945)]. Moscow: AST. (In Russian).

Nesterova, E.I. (2023). Otkrytie Rossiiskogo general'nogo konsul'stva v Kharbine: predystoriya (1906—1907) [Opening of the Russian Consulate General in Harbin: Prehistory (1906—1907)]. *Istoricheskii kur'er*, 3 (29), 67—79. (In Russian).

Nilus, E.K. (1923). *Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1896—1923 g.g.* [Historical Review of the Chinese Eastern Railway. 1896—1923]. Vol. 1. Harbin. (In Russian).

Ves' Kharbin na 1926 g. Adresnaya i spravoch'naya kniga. (1926). [All of Harbin in 1926. Address and Reference Book]. Harbin: Tipografiya KVZhD. (In Russian).

Yakimenko, R.N. (2015). Osobennosti kontaktov yaponsev i russkikh, prozhivavshikh v Man'chzhurii v 1920—1940 gg. Po materialam yaponskikh memuarov [Features of Contacts Between the Japanese and Russians Living in Manchuria in the 1920—1940s. Based on Japanese Memoirs]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 4 (28), 45—57. (In Russian).

Zavetnaya mechta imperatora. K 120-letiyu nachala stroitel'stva Ussuriiskoi zheleznoi dorogi. Dokumenty i materialy. (2011). [The Emperor's Cherished Dream. On the 120th Anniversary of the Beginning of Construction of the Ussuri Railway. Documents and Materials]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

В.Н. Шкунов

Аборигенное население Дальнего Востока в российско-японской торговле в XVIII—XIX вв. (по дореволюционным источникам)

Аннотация. Статья посвящена определению роли и значения участия коренных народов Дальнего Востока в становлении и развитии российско-японской торговли на протяжении XVIII—XIX вв. Традиционные промыслы аборигенов Дальневосточного края представляли несомненный интерес для русских предпринимателей, стремившихся к расширению торговых связей с соседней Японией. До заключения Симодского договора в 1855 г. нуждавшиеся в необходимых товарах российские купцы прибегали к посредническим услугам айнов, обменивавших японские товары на отечественные. В статье приводятся конкретные факты опосредованного участия аборигенов Дальнего Востока в российско-японской торговле, сведения о товарах, ценах, каналах поставок и пр. Отмечены изменения в жизни аборигенного населения под воздействием меновой торговли, переход к оседлости, заимствования традиций быта от русских жителей, переориентация на новые промыслы с учетом потребностей внешней торговли. В частности, раскрыты особенности традиционных промыслов аборигенов Дальнего Востока: тазов, негидальцев, ороков, нивхов, гиляков, тунгусов, гольдов, ороحوнов и др., а также способы их включения в меновую торговлю и реализацию предметов традиционных промыслов на японском рынке. Особый акцент в статье сделан на участии в российско-японской торговле айнов, подданных Японии и Российской империи, отмечены особенности отношения российских и японских властей к айнам, их взаимодействие с отечественными предпринимателями. Также отмечено участие корейцев и китайцев, проживавших на территории российского Дальнего Востока, в российско-японской торговле. Подчеркнута значимость реализации отечественными предпринимателями на японском рынке пушнины, рыбы, морепродуктов, морской капусты, женьшеня, морского зверя, полученных в ходе меновой торговли от коренных жителей Дальнего Востока. Представлен анализ двусторонних межгосударственных договоров в сфере торговли между Российской империей и Японией в рассматриваемый период. В статье использованы редкие дореволюционные архивные документы, а также источники на русском, английском, французском, испанском, немецком языках.

Ключевые слова: Япония, Хоккайдо, Российская империя, внешняя торговля, айны, товары, экспорт, импорт.

Автор: Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН (адрес: Россия, 443001, Самара, Студенческий пер., 3А). ORCID: 0000-0002-0311-9061. E-mail: orientru@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шкунов В.Н. Аборигенное население Дальнего Востока в российско-японской торговле в XVIII—XIX в. (по дореволюционным источникам) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 53—68.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-53-68.

V.N. Shkunov

The aboriginal population of the Far East in the Russian-Japanese trade in the 18th—19th centuries (based on pre-revolutionary sources)

Abstract. The article is devoted to the definition of the role and importance of the participation of the indigenous peoples of the Far East in the formation and development of Russian-Japanese trade during the 18th — 19th centuries. The traditional crafts of the aborigines of the Far Eastern Territory were of undoubted interest to Russian entrepreneurs who sought to expand trade relations with neighboring Japan. Before the conclusion of the Treaty of Shimoda in 1855, Russian merchants in need of certain goods resorted to the intermediary services of the Ainu, who exchanged Japanese goods for Russian ones. The article provides concrete facts about the indirect participation of the aborigines of the Far East in Russian-Japanese trade, information about goods, prices, supply channels, etc. It notes the changes in the life of the aboriginal population under the influence of barter trade, their transition to settled life, borrowing of traditions of everyday life from Russians, and their reorientation to new occupations, influenced by the needs of foreign trade. In particular, it discusses the specific features of traditional occupations of the aborigines of the Far East: the Taz, the Negidals, the Oroks, the Nivkh, the Gilyaks, the Tungus, the Goldi, the Orochen, etc., as well as ways of their involvement in barter trade and realization of products of traditional crafts in the Japanese market. The article specifically focuses on the participation of the Ainu subjects of Japan and the Russian Empire in Russian-Japanese trade, notes the peculiarities of the attitude of Russian and Japanese authorities to the Ainu, their interaction with Russian entrepreneurs. It also notes the participation of Koreans and the Chinese residing in the Russian Far East in Russian-Japanese trade. The article emphasizes the importance of Russian entrepreneurs' selling furs, fish, seafoods, seaweed, ginseng, marine mammals products obtained through barter trade from the Far Eastern aborigines in the Japanese market. It analyzes the bilateral international trade treaties between the Russian Empire and Japan in the studied period. The article uses rare pre-revolutionary archival documents, as well as sources in Russian, English, French, Spanish, and German.

Keywords: Japan, Hokkaido, Russian Empire, foreign trade, Ainu, goods, exports, imports.

Author: *Shkunov Vladimir N.*, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (address: 3A Studenchesky Lane, Samara, 443001, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0311-9061. E-mail: orientru@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shkunov, V.N. (2025). Aборигенное население Дал'него Востока в российско-японской торговле в XVIII — XIX вв. (по доревольютсионным источникам) [The aboriginal population of the Far East in the Russian-Japanese trade in the 18th — 19th centuries (based on pre-revolutionary sources)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 53—68. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-53-68.

Введение

История становления и развития российско-японской торговли — поучительная страница внешней торговли Российской империи в XVIII—XIX вв. Активное освоение Дальнего Востока, отдаленность региона от промышленных и торговых центров страны стимулировали интерес местного населения к соседним странам и народам. Доставка необходимых товаров из Европейской части и Урала была долгой по времени и дорогостоящей по логистическим расходам. Именно поэтому жители Камчатки, Приморского края и других регионов Дальнего Востока были заинтересованы в прямых поставках нужных товаров из соседней Японии. Однако достижению этой цели препятствовали изоляция страны, установление полного запрета на торговлю с иностранными государствами, болезненная реакция японских властей на укрепление позиций Российской империи на Дальнем Востоке. Вместе с тем, как мы уже неоднократно подчеркивали в наших публикациях, внешняя торговля даже в самых неблагоприятных условиях проявляла исключительную живучесть, способность преодолевать всевозможные препятствия. Если русские купцы не могли напрямую участвовать в торговле с Японией, они прибегали к посреднической роли айнов, проживавших на острове Сахалин, Курильских островах, а также на Хоккайдо. Именно айны в рамках меновой торговли стали поставлять российским предпринимателям некоторые японские товары. Вместе с открытием Японии и заключением Симодского договора во внешнеторговые связи Российской империи с Японией стали активно вовлекаться другие коренные народы Дальнего Востока, главные поставщики пушнины, меда, рыбы и рыбопродуктов, морепродуктов, продуктов морского звероловства, женьшеня, маралых пантов и т. д. Потребности внешней торговли России вносили существенные изменения в промыслах, быте коренных народов региона, религии, языковой культуре и т. д.

Несмотря на значительный пласт специальной литературы, посвященной истории коренных народов Дальнего Востока, вопросы их опосредованного участия в российско-японской торговле в рассматриваемый период остаются до сих пор малоизученными. Практически не исследована роль аборигенного населения Дальнего Востока (тазы, негидальцы, ороки, нивхи, тунгусы, гиляки, орочны, гольды и др.) в развитии российско-японских торгово-экономических отношений в рассматриваемый период. Нашей статьей мы проливаем свет на эти малоизученные страницы отечественной истории.

Автор настоящей статьи также неоднократно обращался к данной теме, исследуя, в частности, роль коренных народов (прежде всего, айнов) в становлении и развитии российско-японских торгово-экономических отношений в XVIII—XIX вв.¹

¹ Шкунов В.Н. Айны как посредники в торговых контактах России и Японии в XVIII — первой половине XIX в. // *Время, события, исторический опыт в дискурсе современной историка: XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского*. Н.-Новгород, 2009. Ч. 1. С. 316—320; Шкунов В.Н. Государственно-правовое регулирование российско-японских отношений и двусторонняя торговля в середине — второй половине XIX в. // *История государства и права*. 2011. № 15. С. 46—48; Шкунов В.Н. *Торговля России и Японии в последней чет-*

Статья дает стимул к проведению дальнейших междисциплинарных исследований в сфере экономической истории России, акцентирует внимание на учете этноконфессиональных особенностей организации внешней торговли на дальневосточных рубежах Отечества в рассматриваемый период.

Коренные народы Дальнего Востока в развитии российско-японской торговли

В XVIII в. сведения о Японии поступали в Россию от европейских путешественников и ученых. Интерес к Стране восходящего солнца усилился в России в связи с активным освоением региона Дальнего Востока. Этот интерес был вызван естественными причинами: новые регионы освоения находились в большом отдалении от отечественных промышленных и торговых центров, а потребность в необходимых товарах (промышленные и мануфактурные изделия, продукты питания, предметы быта и пр.) вызывали необходимость в установлении прямых контактов с соседними странами и народами. В этом отношении Япония представляла особый интерес. В работах Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, Н.Г. Спафария и др. приводились сведения о Японии, ее жителях. Так, адмирал И.Ф. Крузенштерн в своей работе отмечал интерес айнов к установлению прямых торговых контактов с русскими: айны посещали русские острова с торговыми целями, чему препятствовали японские власти [Айны 1835, с. 306]. В.М. Головин также упоминал об айнах, отмечая, что «...теперь четыре века, как японцы торгуют с ними...» [Головин 1864, с. 372]. Японцы доставляли айнам рис, табак, сакэ, саго, хлопчатобумажную и шелковую одежду, сабли и т. д.

В самом начале XIX в. (20 февраля 1803 г.) Министр коммерции Российской империи Н.П. Румянцев представил императору Александру I записку «О торговле с Японией», в которой подчеркивалась значимость японского рынка для развития Приморского края, предлагались конкретные меры по установлению торговых отношений с Японией¹.

И.Ф. Крузенштерн, посетивший Хоккайдо с 26 сентября 1804 г. по 5 апреля 1805 г., упоминал о посещении русских айнами, доставлявшими для обмена на русские товары сушеные сельди, а также о встрече с японским судном в заливе Анива, которое доставило груз с солью и рисом из Осаки для обмена на сушеную рыбу и меха у сахалинских айнов. О торговых связях японцев с айнами писал и чиновник Мамя Риндзо (экспедиция 1807—1809 гг.), отметивший, что для айнов «торговля занимает очень важное место в их жизни, поскольку дает средства к существованию» [Cullen 2003, p. 157]. Также автор заметил, что айны приезжа-

верти XIX века // Тринадцатые Ознобишинские чтения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (30 июля 2015 года). Инза-Ульяновск: УлГУ, 2015. С. 88—90; Шкунов В.Н. Роль коренных народов Дальнего Востока в становлении и развитии российско-японской торговли в XVIII—XIX вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. № 6. С. 11—17; Шкунов В.Н. Ведущие центры внешней торговли Японии и российские торговые интересы в 60—70-е гг. XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2017. Т.19. № 3 (2). С. 327—331.

¹ АВПРИ. Ф. СПб. ГА, 1-7. Оп. 6, 1802 г. Д 1, П. 2. Л. 6-9 об.,

ли в Сирануси для торговли с японцами и имели меновую торговлю с сантанами, ороками и сумеренкуру.

Как отмечали отечественные исследователи, «главной причиной захвата южной части Сахалина японцами» было обилие сельди в прибрежных водах [Восточные окраины 1895, с. 243]. Действительно, на протяжении нескольких десятилетий сельдяной промысел в прибрежных водах Сахалина играл особую роль в российско-японской торговле. Как отметил профессор Н. Слюнин в 1895 г., «устройство сельдяного промысла на Сахалине будет способствовать уменьшению ввоза (на сумму ежегодно теперь до 7 млн руб.) иностранной селедки, а солено-вяленая треска и лососина могут иметь громадный сбыт в Китай и Японию как любимая пища народа». [Слюнин 1895, с. 2]. Кроме сельди, с Камчатки в Японию поступало много соленой и сушеной трески. Промыслом на полуострове занимались преимущественно камчадалы, а в последней четверти XIX в. так называемые трескопромышленники. Вылов трески осуществлялся преимущественно в водах у западного берега Сахалина. В начале 1890-х гг. в Японию с Сахалина доставлялось около 10 тыс. пудов трески (владивостокский купец Семенов) [Слюнин 1895, с. 82]. Кроме того, айны Сахалина добывали семгу, кету, чавычу и другие виды рыбы, которая экспортировалась в Японию.

Ценные сведения о торговых связях сахалинских айнов сохранились в воспоминаниях первого начальника Сахалина (1853—1854 гг.) Николая Васильевича Буссе. В частности, автор упомянул о существовании торговых связей айнов, нивхов и ороков с маньчжурами еще до появления японцев на Сахалине. В ходе меновой торговли коренные народы острова получали от маньчжуров одежду, различную домашнюю утварь, табак, вино, оружие. Эти торговые связи сохранялись до середины XIX в. С приходом же японцев условия существенно изменились, поскольку деятельность их на острове больше напоминала спекуляцию, «основанную на силе» [Буссе 1872, с. 72]. Именно японцы установили новые правила меновой торговли на Сахалине: теперь вся мена осуществлялась под пристальным контролем японского офицера. При этом выменянные у айнов товары японцы с большой выгодой для себя сбывали маньчжурским купцам в Сирануси и Нойоро. Взяв под контроль промысловую деятельность айнов, японцы запретили им вступать в меновую торговлю с русскими, нивхами, ороками и маньчжурами. Однако русские торговцы смогли обойти все японские запреты и завели меновую торговлю с айнами. Более того, сами японцы вскоре вынуждены были начать торговлю с российскими подданными, продавая последним уголь, рыбу, овощи и другие продукты питания.

Японцы на острове расширяли свою предпринимательскую деятельность. Более того, поскольку у них не хватало собственных сил, они все чаще прибегали к услугам айнов: «...японцы для производства в больших размерах столь выгодной по берегам Сахалина рыбной ловли принуждены были прибегать к помощи айнов» [Шренк 1883, с. 76].

К концу XIX в. на севере Сахалина промысел зверей вели кочующие якуты и тунгусы, а на западном берегу острова, а также в долине рек Пильво и Тымь промышляли гиляки. В низовьях и в среднем течении реки Пильво жили орочане. Все эти аборигенные народы поддерживали тесные связи как с российскими

предпринимателями, так и с японцами, от которых они получали необходимые товары в обмен на пушнину, рыбу, морепродукты, морских животных и пр.

В первой половине 1850-х гг. остров Сахалин все больше привлекал внимание российских властей. С одной стороны, Россия стремилась обезопасить свои дальневосточные рубежи от проникновения иностранцев (прежде всего, американцев); с другой стороны, остров представлял несомненный интерес для российских предпринимателей с чисто торгово-экономических позиций. Коренные жители острова вели здесь активную охоту на медведей, оленей, соболей, волков, лисиц, зайцев и водоплавающую птицу. При этом между собой они также вступали в меновую торговлю. Например, нивхи меняли айнам товары, приобретенные ими у русских (в Петровске) и у маньчжуров [Буссе 1872, с. 85]. Вместе с тем, к концу 1880-х гг. количество аборигенного населения на Сахалине значительно сократилось: в 1889 г. количество гиляков, ороchon и айнов оценивалось всего в 4300 человек [Кириллов 1894, с. 362]. Уменьшение коренных жителей острова объяснялось миграционными процессами: аборигены переселялись в иные места Дальнего Востока, где для них были лучшие условия для жизни и промыслов. Так, ороchonы нашли удобное местожительство в долине реки Синель (приток Буреи), где охотились на кабанов, лосей и косуль. Поселились они и в верхнем течении реки Бикин. Здесь они жили по соседству с манзами (манзы — уссурийские китайцы), при этом сохраняли традиционный уклад (жили в юртах, в то время как манзы — в избах).

Власти Сахалина уделяли особое внимание развитию пушного промысла, защите участков промысла коренных народов острова, выделению им ареалов добычи зверя и пр. Военный губернатор Сахалина в конце 1880-х — 1890-е гг. издал целый ряд законодательных актов в этой сфере, в том числе по активному освоению природных богатств острова¹.

В середине XIX в. японские товары стали активно проникать на рынки Приморья. Сюда доставлялись некоторые продукты питания (рис, чай, овощи, рыба и пр.), хлопчатобумажные и шелковые ткани и изделия, табак, камфара, фарфоровая и лакированная японская посуда и пр. В свою очередь из Российской империи в пределы Японии вывозились свинец, цинк, конопля, некоторые шерстяные изделия и т. д. [Ravenstein 1861, p. 412]. Это способствовало вовлечению в меновую торговлю коренных жителей Приморья: нивхов, эвенков, уличей, негидальцев, удэгейцев, орочей, которые меняли добытую пушнину на рис, муку, чай и другие продукты питания, оружие, рыболовные снасти, ткани, одежду и пр. В Приморском крае в то время было немало китайских и маньчжурских поселений, в том числе торговцев, которые осуществляли меновую торговлю с гольдами (нанайцами). «При Уссури есть несколько гольдовских селений, но крайне незначительных. Зато при устье каждой речки или против устья есть китайские юрты, где живут торгоши-китайцы» [Носков 1865, с. 25]. Подробные сведения о гольдах и орочах привел в своем сочинении И. Надаров [Надаров 1887]. Здесь же, в долине реки Уссури нанайцы добывали много соболя и хорька, шкуры которых

¹ Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф.20-и «Канцелярия Военного губернатора острова Сахалин». Д. 29.

продавали китайцам. Цена 1 шкурки соболя была от 3 до 5 руб., а хорька — от 30 до 50 коп. [Носков 1865, с. 31].

Российские власти уделяли особое внимание развитию судоходства по Амуру. Эта река рассматривалась сибирским и дальневосточным купечеством как важнейший транспортный путь для доставки товаров в сопредельные страны Азии: «... предметов, которые можно было бы привозить на Амур морем из Японии и Китая, было бы довольно» [Носков 1865, с. 46].

С 1858 г. особые надежды возлагались на учрежденную Амурскую компанию. Именно она «должна была стараться о распространении собственной торговли через внешние сношения с Китаем и Японией» [Носков 1865, с. 53]. Однако дела у компании шли не очень хорошо: практически все ее корабли, отправленные «кругом света», терпели крушение в лимане между заливом Де-Кастри и Николаевским портом. Товары, доставляемые из Японии (порт Хакодате находился в двух днях пути), были востребованы в Приморье не только среди русского населения, но и у коренных народов края. Так, большим спросом пользовалась японская соль, которая стоила 8 коп. за 1 пуд. Соль использовалась аборигенным населением для посола рыбы, выделки шкур добытых животных и т. д.

Во внешнеторговые связи России с Японией были вовлечены и другие коренные жители Приморья — тазы. Они также поддерживали тесные торговые контакты с китайцами. Тазы традиционно занимались рыболовством (в основном, ловом лососевых пород), охотой (на пушных зверей, изюбра, лосей и т. д.), заготавливали женьшень, добывали морскую капусту, трепангов, морских грешков. Все это они сбывали на иностранные суда. Только морской капусты они поставляли в Японию и Китай до 600 тыс. пуд. [Боголюбский 1876, с. 44]. Примечательно, что со временем Япония стала реэкспортировать российскую морскую капусту в Китай из портов Нагасаки и Кобе (преимущественно в Тяньцзинь). В одном из источников читаем: «С развитием русской колонизации на тихоокеанском побережье капустный и трепанговый промыслы должны, несомненно, перейти в руки русских, которые при правильной постановке дела легко явятся главными поставщиками морской капусты и трепангов». [Покотилов 1895, с. 153]. Кроме того, российские власти и предприниматели особое внимание обращали на увеличение добычи и экспорта дальневосточного женьшеня и маралых рогов в противовес расширявшемуся экспорту американского культивируемого женьшеня. В поставках природного женьшеня и пантов особую роль играли коренные малые народы Дальнего Востока.

Негидальцы, традиционно занимавшиеся охотой, рыболовством и морским промыслом, также сбывали свою продукцию преимущественно русским торговцам в обмен на необходимые товары. Они добывали соболя, лисиц, выдр, а также тюленей. В вылове рыбы у них преобладали кета и горбуша [Кириллов 1894, с. 268—269]. Для морского промысла негидальцы уходили к побережью Охотского моря (Ульбанский и Тугульский заливы). Близ негидальцев жили самагиры и ольчи, которые также занимались охотой и промыслами. Так, ольчи «при выборе места для своих поселений в чужой стране руководствовались близостью родственного им племени негидальцев и, вместе с тем, надеждой на легкую и выгодную с ними торговлю» [Шренк 1883, с. 32]. Несмотря на наличие примитивной

меново́й торговли между аборигенными народами края, продукты их промыслов рано или поздно попадали в руки русских и китайских торговцев. Последние же находили способы сбыта этой продукции японцам.

Дальний Восток во второй половине 1860-х гг.: новые реалии и вызовы

Продажа Аляски, утрата Россией Алеутских и других островов кардинально изменили ситуацию на Дальнем Востоке. Российские власти столкнулись с новыми проблемами и вызовами. Отчасти это было связано с наступательной, порой даже агрессивной политикой США в северной части Тихого океана. В Санкт-Петербурге и Приморье с тревогой восприняли заявление бывшего министра финансов США Р.Д. Уокера, который в своем письме 1868 г. к Госсекретарю У. Сьюарду прямо заявлял о необходимости доминирования в Тихом океане. Такой подход, по мнению американского политика, призван был обеспечить «политический и коммерческий контроль над миром» [История 1999, с. 477]. В этих условиях российские власти должны были позаботиться о защите интересов государства на дальневосточных рубежах, а также интересов отечественных купцов в этом макрорегионе мира. Менялась отечественная политика и в отношении коренных народов Дальнего Востока. В первую очередь, это касалось айнов. Теснимые японцами, они все больше устремлялись на север. При этом вся жизнь народа представляла «бесконечный ряд восстаний айнов против японского ига, перемежающихся с более мирными отношениями к японским рыбопромышленникам» [Киридов 1898, с. 41].

Айны активно вовлекались в торговые отношения. Причем эта деятельность приобретала все более многоступенчатый характер. Так, айны обменивали у гилляков с севера Сахалина соболя, жир и шкуры морских животных на китайские и маньчжурские товары (в основном, ткани и украшения), которые, в свою очередь, обменивали японцам на их товары [Кирилов 1898, с. 43]. Известный русский путешественник и знаток Востока М.И. Венюков отмечал, что нивхи и айны сбывали добытые им меха российским, японским и американским торговцам. Причем, нивхи часто отправлялись на лодках в южную часть Сахалина для приобретения у айнов мехов с целью их перепродажи российским купцам из Николаева [Венюков 1871, с. 8]. Автор полагал, что с ростом числа российских и японских предпринимателей на острове «торговля, особенно рисом, мукой и европейскими заводскими произведениями, должна значительно вырасти» [Венюков 1871, с. 12].

Со временем айны стали сблизаться не только с японцами, но и с русским населением Сахалина, постепенно перенимая от них некоторые традиции и особенности быта (посещение бани, ношение русской одежды, посещение больницы, изучение русского языка и т. д.). Айны показали русским поселенцам места залегания каменного угля и добычи янтаря [Глен 1868, с. 118].

Важным событием в российско-японской торговле стало заключение 18 марта 1867 г. Конвенции между правительствами Российской империи и Японии о совместном использовании природных ресурсов Сахалина. Этим документом, в

частности, было определено право аборигенного населения острова на личную свободу и собственность, а также возможность поступать «в услужение к русским и японцам» [Венюков 1871, с. 40]. Также 11 декабря 1867 г. в Хакодате Россия и Япония подписали новую конвенцию о регулировании двусторонней торговли и тарифах. Однако заключение этих документов не сняло психологические барьеры во взаимоотношениях российских и японских торговцев, воздерживавшихся от прямых контактов. Более того, японцы настраивали айнов против дружбы с русскими и торговли с ними. Такая же позиция была у японских властей и купцов по отношению к нивхам, орокам, ульчам. Но коренные народы Сахалина руководствовались своими меркантильными интересами и часто пренебрегали «рекомендациями» японцев. Например, те же ульчи отправлялись для охоты в южную часть острова и впоследствии сбывали меха иностранцам.

Важным шагом на пути развития двусторонней торговли стало официальное оформление дипломатических отношений между Российской империей и Японией. В 1873 г. в Санкт-Петербурге была вручена верительная грамота Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Японии в России вице-адмирала Энмото Такэаки¹.

Со времен экспедиции Мартына Петровича Шпанберга к Курильским островам и берегам Японии в 1738—1739 гг. (вторая Камчатская экспедиция) усиливается интерес российских властей и предпринимателей к Курилам. Примечательно, что во время своего путешествия Шпанберг общался с айнами и обменивался с ними товарами. Местные жители островов, которых в Российской империи называли курильцами, находились в тесном общении с айнами Хоккайдо, откуда получали и японские товары. В частности, аборигены, проживавшие на южных островах Курильской гряды, использовали японскую одежду и ткани [Восточные окраины 1895, с. 206]. Главным занятием курильцев (айнов) были рыболовство, охота и морские промыслы: «Большая прибыль, получавшаяся от откупа рыбных промыслов, побудила японцев открыть торговлю с жителями Кунашира, Итурупа, Урупа и других южных Курильских островов [Восточные окраины 1895, с. 209]. Ускорение японской колонизации этих островов было ответом на появление русских в этом регионе.

С 1863 г. началось переселение корейцев в пределы Российской империи. Процесс этот был сложным и противоречивым. Первые корейцы селились близ самой границы Уссурийского края. При этом российские власти благосклонно восприняли новых мигрантов. Более того, зная, что на родине корейцев ждет суровое наказание за оставление отечества, российские власти не депортировали мигрантов. С этого времени начинается процесс интеграции корейцев в российское общество. К 1872 г. их насчитывалось уже примерно 8 тыс. человек [Вагин 1875, с. 21]. Со временем некоторые корейцы активно включились в торговую деятельность. На своей родине корейцы были ограничены во внешнеэкономических операциях: сношения с японцами имели место исключительно на море в форме контрабанды. В России же корейцы получили полную свободу для предпринимательской деятельности. В 1884 г. российские власти заключили договор с Ко-

¹ АВПРИ. Ф. СПб. ГА, I-9. Оп. 8, 1873 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 26—27.

реей о взаимной торговле. К этому времени страна стала «открытой» для Японии и европейских держав. Это позволило увеличить реэкспорт японских товаров из Кореи в Уссурийский край [Шкунов 2015, с. 358—363].

В середине 1880-х гг. в связи с расширением импорта японские власти стали проявлять озабоченность по поводу состояния национальной внешней торговли. В июле 1886 г. в *The Japan Weekly Mail* отмечалось: «Желательно, чтобы правительство должным образом защищало внешнюю торговлю страны» [Okura 1886, p. 45].

В последней четверти XIX в. японский рынок стал местом настоящих коммерческих войн европейских держав. Заинтересованность в экспорте своих хлопчатобумажных, шерстяных и иных изделий в Японию побуждало правительства и предпринимателей США, Великобритании и других стран усиливать давление на японские власти, добиваться новых преференций и уступок, чтобы расширять вывоз своих товаров. Так, посол США в Японии, анализируя повышение объемов английского экспорта, отмечал необходимость расширить вывоз американских товаров, поскольку баланс торговли его страны с Японией был отрицательным: США закупали в Японии местных товаров в три раза больше, чем Великобритания [Japanese 1877, p. 266]. Россия также наращивала объемы торговли с Японией. Например, только в порт Нагасаки в 1886 г. прибыло 28 торговых судов, в 1887 г. — 25, в 1888 г. — 24, в 1889 г. — 25, в 1890 — 25, 1891 — 35, в 1892 г. — 45, в 1893 — 48, в 1894 г. — 51, в 1895 — 62, в 1896 — 86, в 1899 г. — 157 [Japan 1888, p. 27]. В британском издании того времени отмечалось: «Российское судоходство продолжает уверенно развиваться в ногу с развитием национальных интересов России в Восточной Азии и в сфере судоходства. Русское судоходство в порту Нагасаки в настоящее время занимает второе место, как по количеству, так и по тоннажу, после судоходства под британским флагом» [Japan 1888, p. 27]. Расширялся ассортимент российского экспорта в Японию: наряду с традиционными товарами отечественного вывоза заметное место в экспорте стала играть российская нефть. При этом уменьшалась доля традиционных отечественных товаров, которые российские купцы приобретали у аборигенного населения Дальнего Востока.

В сравнительно короткое время Владивосток превратился в важный торговый центр империи на Дальнем Востоке. Так, в 1894 г. торговые обороты города (при населении в 20,2 тыс. человек) составили 10 741 400 руб. [Забутин 1896, с. 22]. В этом же году из Японии в порты Приморской области было доставлено товаров на 1 020 348 иен [Забутин 1896, с. 38]. В пределы России доставлялись пшеница, мука, рис, соль, каменный уголь, некоторые готовые японские и европейские изделия.

Н.П. Забугин в своем сочинении точно подметил: «Как ни незначительны сами по себе наши торговые обороты по торговле с Японией, но постоянный рост их доказывает, что с японскими рынками у нас завязываются прочные торговые сношения» [Забутин 1896, с. 47]. Действительно, близость Японии и острая потребность Приморского края и иных территорий Дальнего Востока в продуктах питания, хозяйственных и иных товарах определяли важность российско-японских торговых отношений. Например, весь отечественный рыболовный

промысел в большой степени зависел от импорта японской соли. С каждым годом ее экспорт в Россию увеличивался. Соль в больших объемах закупали как местные рыбопромышленники, так и коренные малые народы.

Российские власти были заинтересованы в укреплении своих позиций на Дальнем Востоке. Это отчасти было связано с расширением промысловой деятельности иностранцев в акватории морей, омывающих территорию Российской империи. Так, в середине века американские, английские и французские компании вели обширный промысел китов в Охотском море, получая доход до 8 млн долл. Ежегодно только из США в акваторию Охотского моря для промысла прибывало не менее 200 промысловых судов. За период с 1847 по 1861 г. американцы вывезли из Охотского моря китового жира и уса на 130 млн долл. (180 млн руб.) [Восточные окраины 1895, с. 179]. Это привело к истощению ресурсов моря и вызывало понятную тревогу у российских властей. Российские предприниматели практически не участвовали в китобойном промысле, но акцентировали внимание на промысле других животных, в частности, на Курильских островах. Например, в целях расширения промысла в 1846 г. власти Российско-Американской компании даже переселили на остров Уруп алеутов.

В соответствии с Петербургским договором 1875 г. Россия и Япония обменялись территориями: Сахалин целиком переходил под управление Российской империи, а Курильские острова — к Японии. Это привело к непростому выбору подданства для местных айнов: часть из них (с островов Уруп, Симушир и Шумшу) отправились на Камчатку, а жители Парамушира остались в подданстве Японии. В соответствии со статьей 6 договора, японцы получали право беспрепятственно посещать порт Корсаков на Сахалине и порты Охотского моря и Камчатки в торговых целях без оплаты таможенных пошлин в течение 10 лет. Также японские рыболовецкие компании получали право лова рыбы у берегов российского Дальнего Востока. Это способствовало расширению торгового взаимодействия между Россией и Японией.

Установление прямого почтового, пассажирского и торгового сообщения между Владивостоком и портами Японии вывело торгово-экономические отношения Японии и Российской империи на новый уровень. В столице Уссурийского края поселились японские торговцы. Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск стали местом притяжения японского купеческого капитала. В начале 1890-х гг. на долю Японии приходилось 13 % всех ввозимых иностранных товаров [Сибирь 1893, с. 246]. В это же время весь отпуск товаров через порт Владивостока оценивался в 3 млн руб. (продукты китового и моржового промыслов, морская капуста, панты маралов, лес, трепанги и пр.). Из приведенного списка видно, что на отпускную торговлю Владивостока значительная доля приходилась на предметы традиционных промыслов коренных народов Дальнего Востока. В 1891 г. в порт Владивостока прибыло 111 иностранных торговых судов (102 из них — пароходы), а в порт Николаевска — 33 (27 — пароходы) [Сибирь 1893, с. 247]. Примечательно, что значительная доля торговли во Владивостоке была сосредоточена в руках иностранцев (73 % всей торговли), при этом японцы и китайцы торговали в городе преимущественно товарами национального производства. Большие надежды местные и иностранные торговцы возлагали на строи-

тельство железной дороги в Приморском крае. Впервые ходатайство о ее сооружении было возбуждено еще в 1875 г. Строительство же Уссурийской железной дороги началось лишь в мае 1891 г.

Об уровне развития российско-японской торговли в 1890-е гг. свидетельствовал тот факт, что продавцы всех больших магазинов в Нагасаки говорили по-русски и охотно принимали к оплате русские рубли [Гребенщиков 1896, с. 269]. В японских лавках, магазинах приветливо встречали российских купцов и предпринимателей, путешественников и чиновников.

За сравнительно короткое время с начала эпохи Мэйдзи в Японии сформировалась коммерческая статистика европейского уровня, стали публиковаться отчеты о состоянии внешней торговли с разными странами мира, появились многочисленные публикации о внешнеторговых связях империи. В американской, российской и европейской прессе также публиковались аналитические статьи о состоянии японской внешней торговли. Так, в периодическом издании *The Board of Trade Journal* содержится богатый материал, характеризующий российско-японскую торговлю за разные годы [Statistical 1889, p. 100—104]. Ценный статистический материал, характеризующий внешнюю торговлю с зарубежными странами, включая Российскую империю, содержится в публикациях на английском, французском, испанском языках [Bourgarel 1891; Brauer 1873; Ravenstein 1861 и др.]. Все это свидетельствовало о повышенном внимании в мире к японскому рынку.

Заключение

Внешнеторговые отношения Российской империи и Японии прошли сложный и во многом противоречивый путь. Становление этих отношений начиналось с посредничества айнов, проживавших на Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах. Симодский трактат открыл новую страницу в российско-японских отношениях. С этого времени торговые связи двух стран стали осуществляться как непосредственно на территории Японии, так и на Сахалине, в Приморье и других местах Дальнего Востока. Во внешнеторговые отношения были вовлечены коренные народы региона. Продукты их промыслов играли заметную роль в российском экспорте в Японию. Японский рынок поглощал значительные объемы моржового и китового промысла, рыбы и рыбопродуктов, морепродуктов, пантов марала, женьшена и т. д. Потребности внешней торговли приводили к переходу аборигенного населения Дальнего Востока к занятию иными промыслами, расширению меновой торговли с русскими купцами. Некоторые коренные народы Сахалина, Курильских островов, Камчатки одновременно взаимодействовали как с русскими, так и японскими торговцами. К концу XIX в. между Российской империей и Японией утвердились прочные и разносторонние внешнеторговые связи, рос взаимный интерес друг к другу, расширялась география внешнеторговых отношений. В новых условиях коренные народы Дальнего Востока находились в поиске собственной ниши в этих отношениях, возлагая особые надежды на меновую торговлю.

Несомненно, исследование хозяйственной деятельности, традиционных промыслов коренных народов Дальнего Востока, их опосредованного участия во внешнеторговых отношениях России и Японии требуют дальнейшего исследования. Кроме того, сравнительный анализ политики российских властей по отношению к инородцам и американских властей к коренным жителям США дает возможность сравнить разные подходы органов государственной власти некоторых стран к аборигенному населению, его участию во внешнеторговых связях. Таким образом, обращение к интересующей нас теме открывает новые перспективы в исторических исследованиях, определяет актуальность темы применительно к современным условиям кардинальных перемен в сфере международной торговли, смещения каналов поставок товаров, вовлечения регионов с компактным проживанием аборигенного населения во внешнеторговые отношения с сопредельными странами.

Библиографический список

- Айны или курильцы // *Энциклопедический лексикон*. Т. 1. Санкт-Петербург, 1835.
- Боголюбский И.* Очерк Амурского края, южной части Приморской области и острова Сахалин в геологическом и горно-промышленном отношении. Санкт-Петербург: Типография В.П. Воленс, 1876. 91 с.
- Буссе Н.В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. Санкт-Петербург, 1872.
- Вагин В.И.* Корейцы на Амуре // *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах*. Т.1. Санкт-Петербург: Русская скоропечатня (П.С. Нахимова). 1875. 1008 с.
- Венюков М.И.* Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Вып.1—2. Санкт-Петербург: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. 154 с.
- Восточные окраины России. Приморская и Амурская области // *Живописная Россия*. 1895. Т. 12. Ч. 2. 470 с.
- Глен П.П.* Отчет о путешествии по острову Сахалин // *Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества*. Т.1: *Исторические отчеты*. Санкт-Петербург, 1868.
- Головнин В.М.* Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина. Т. 2. 1864.
- Гребенщиков М.Г.* В японском городе // *Наблюдатель*. 1896. № 8. С. 263—277.
- Забутин Н.П.* О судоходстве на русском Дальнем Востоке. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1896. 193 с.
- История Русской Америки (1732—1867): В 3-х тт.: Т. III: Русская Америка: от зенита к закату (1825—1867) / отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. Москва: Международные отношения. 1999. 632 с.

Кириллов А. Негидалцы // *Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей*. Благовещенск: Типография товарищества Д.О. Мокин и Ко. 1894. С. 268—269.

Кирилов Н. Аино (Предварительное сообщение) // *Сахалинский календарь*. Александровский: Типография о-ва Сахалин, 1898. С. 38—80.

Надаров И. Северно-Уссурийский край. Санкт-Петербург: Военная типография, 1887. 169 с.

Носков И. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношении. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1865. 61 с.

Покотилов Д.Д. Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Ч.1. Санкт-Петербург: Типография Ю.И. Эрлих, 1895. 158 с.

Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. Санкт-Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1893. 283 с.

Шкунов В.Н. Торговые связи Российской империи и Кореи в XVIII—XIX вв. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 358—363.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т.1. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1883. 323 с.

References

Ainy ili kuril'tsy [Ainu or Kuril people]. (1835). In *Entsiklopedicheskii leksikon* [Encyclopedic Lexicon], Vol. 1. Saint Petersburg. (In Russian).

Bogolyubskii, I. (1876). *Ocherk Amurskogo kraia, yuzhnoi chasti Primorskoi oblasti i ostrova Sakhalin v geologicheskoi i gorno-promyshlennom otnoshenii* [An Outline of the Amur Region, the Southern Part of the Primorsky Region and Sakhalin Island in Geological and Mining-Industrial Terms]. Saint Petersburg: Tipografiya V.P. Volens. (In Russian).

Busse, N. V. (1872). *Ostrov Sakhalin i ekspeditsiya 1853—1854 gg.* [Sakhalin Island and the Expedition of 1853—1854]. Saint Petersburg: Tipografiya F.S. Sushhinskogo. (In Russian).

Glen, P. P. (1868). Otchet o puteshestvii po ostrovu Sakhalin [Sakhalin Island Trip Report]. In *Trudy Sibirskoi ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T.1: Istoricheskie otchety* [Proceedings of the Siberian Expedition of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 1: Historical Reports]. Saint Petersburg. (In Russian).

Golovnin, V. M. (1864). *Sochineniya i perevody Vasiliya Mikhailovicha Golovnina* [Works and Translations by Vasily Mikhailovich Golovnin], Vol. 2. Saint Petersburg. (In Russian).

Grebenshnikov, M. G. (1896). V yaponskom gorode [In a Japanese City]. *Nablyudatel'* [Observer], 8, 263—277. (In Russian).

Istoriya Russkoi Ameriki (1732—1867). (1999). [The History of Russian America (1732—1867)]. T. III: Russkaya Amerika: ot zenita k zakatu (1825—1867) [Vol. 3: Russian America: From Zenith to Dusk]. Ed. by Academician N. N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Kirillov, A. (1894). Negidal'tsy [Negidals]. In *Geograficheskoye i statisticheskoye slovar'* *Amurskoi i Primorskoi oblastei* [Geographical and Statistical Dictionary of the Amur and Maritime Regions] (pp. 268—269). Blagoveshchensk: Tipografiya tovarishchestva D.O. Mokin i Ko. (In Russian).

Kirilov, N. (1898). Aino (Predvaritel'noe soobshchenie) [Aino (Preliminary Report)]. *Sakhalinskii kalendar'* [Sakhalin Calendar], 38—80. Aleksandrovskii: Tipografiya o-va Sakhalin. (In Russian).

Nadarov, I. (1887). *Severno-Ussuriiskii krai* [North-Ussuri Region.]. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russian).

Noskov, I. (1865). *Amurskii krai v kommercheskom, promyshlennom i khozyaistvennom otnosheniyakh* [Amur Region in Commercial, Industrial, and Economic Aspects]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian).

Pokotilov, D. D. (1895). *Kitaiskie porty, imeyushchie znachenie dlya russkoi trgovli na Dal'nem Vostoke* [Chinese Ports of Importance for Russian Trade in the Far East]. Part 1. Saint Petersburg: Tipografiya Yu. I. Erlikh. (In Russian).

Shkunov, V. N. (2015). Torgovye svyazi Rossiiskoi imperii i Korei v XVIII—XIX vv. [Trade Relations Between the Russian Empire and Korea in the 18th — 19th Centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 17, 3 (2), 358—363. (In Russian).

Shrenk, L. (1883). *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya* [About the Aliens of the Amur Region]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian).

Sibir' i Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga. (1893). [Siberia and the Great Siberian Railway]. Saint Petersburg: Tipografiya I. A. Efrona. (In Russian).

Vagin, V. I. (1875). Koreitsy na Amure [Koreans on Amur]. In *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri i sopredel'nykh ei stranakh* [Collection of Historical-Statistical Data on Siberia and Neighboring Countries], Vol. 1. Saint Petersburg: Russkaya skoropechatnya (P. S. Nakhimova). (In Russian).

Venyukov, M. I. (1871). *Obozrenie Yaponskogo arhipelaga v sovremennom ego sostoyanii* [A Survey of the Japanese Archipelago in Its Present State]. Is. 1—2. Saint Petersburg: Skoropechatnya Yu. O. Shreiera. (In Russian).

Vostochnye okrainy Rossii. Primorskaya i Amurskaya oblasti. (1895). [The Eastern Outskirts of Russia. Primorsky and Amur Regions]. *Zhivopisnaya Rossiya*, 12 (2). (In Russian).

Zabutin, N. P. (1896). *O sudokhodstve na russkom Dal'nem Vostoke* [About Shipping in the Russian Far East]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. (In Russian).

* * *

Bourgarel, G. (1891). Le commerce du Japon, son histoire et sa situation actuelle. *Rapports commerciaux avec la France (Memoires de la Societe sinico-japonaise)*, X, 89—108 and 156—175. Paris. (In French).

Brauer, L. (1873). Eine verkommene Hafenstadt (Niegata) in Japan. *Der Welt-Handel*, V, 534—536. Stuttgart. (In German).

Cullen, L.M. (2003). *A History of Japan, 1582—1941*. New York: Cambridge University Press.

Japanese Trade Statistics. (1877). *The Public*, October 25, 266.

Japan. Report or the Year 1886 on the Trade of Nagasaki. (1887). London: Printed for Her Majesty's Stationery Office.

Japon: Informes generals. (1888). *El Monitor de la Educacion Comun*, 141, 156—158. Buenos Aires. (In Spanish). Okura, Kinachiro. (1886). On Commerce (Translated from the Nichi Nichi Shinbun). *The Japan Weekly Mail*, July 10, 45—46.

Ravenstein, E. G. (1861). *The Russians on the Amur; discovery, conquest and colonization*. London: Trubner and Co.

Statistical Sketch of Japan. (1889). *The Board of Trade Journal*, VII (36), 100—104.

Поступила в редакцию: 22.01.2025
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 22 January 2025
Accepted: 23 April 2025

А.Н. Мещеряков

Личность Фукудзава Юкити: быть самим собой

Аннотация. Фукудзава Юкити (1835—1901) считается «великим просветителем». Имеется в виду, что после открытия Японии в середине XIX века он сделал очень много в деле знакомства японцев с западной культурой и цивилизацией. Анализ достижений Фукудзава на nive просветительства посвящено множество исследований. В то же время личность самого Фукудзава не привлекала сколько-то пристального внимания, что кажется нам большим упущением. Революция Мэйдзи была не только эпохой великих реформ, но и временем формирования нового типа японца, который порывал с прошлым и устремлялся к другим горизонтам. В этом отношении личность Фукудзава представляет огромный интерес, ибо именно он подавал пример того, каким надлежит быть «новому» японцу.

Личность Фукудзава плохо отражена в мемуарной литературе. Люди, которые знали его в детстве и молодости, мемуаров не оставили. Мемуарный жанр не был тогда распространен в Японии. Что до второй половины жизни Фукудзава, когда он уже вышел на публичную арену, то его близкое окружение составляли его ученики и люди, которые были намного младше его. Жанр мемуаров постепенно укоренялся в Японии, и ученики Фукудзава оставили нам некоторые сведения, полезные для понимания его личности. Следует отметить, что воспоминания учеников о своем учителе имеют по преимуществу хвалебный характер, что не способствует адекватному пониманию его характера. Однако он «позаботился» сам о себе — на склоне лет, в 1898 г., он опубликовал свою автобиографию под названием «Фукуо дзидэн» — «Автобиография старца Фукудзава». Она дает яркое представление не только о духовной атмосфере позднетокугавской и мэйдзийской Японии, но и рисует тот человеческий тип, который являлся ниспровергателем прежних основ и созидателем нового. Именно автобиография Фукудзава послужила основным источником для написания данной работы.

Ключевые слова: Япония, Фукудзава Юкити, автобиография, «Фукуо дзидэн», личность.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Высшей школы экономики (Москва, 101000, Мясницкая, д. 20).
ORCID: 0000-0001-6004-5743.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Личность Фукудзава Юкити: быть самим собой // Японские исследования. 2025. № 2. С. 69—84.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-69-84.

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований «От древности до модерности: эпистемология и концептуализация развития материальных и духовных культур Востока» НИУ ВШЭ.

A.N. Meshcheryakov

Fukuzawa Yukichi's personality: Being yourself

Abstract. Fukuzawa Yukichi (1835—1901) is considered a “great enlightener.” This means that, after the opening of Japan in the mid-19th century, he did a lot to introduce Western culture and civilization to the Japanese. Many studies have been devoted to analyzing Fukuzawa's achievements in the field of enlightenment. At the same time, Fukuzawa's personality has not attracted much attention, which seems a great omission to us. The Meiji Revolution was not only an era of great reforms, but also a time of formation of a new type of Japanese, who broke with the past and aspired to other horizons. In this regard, Fukuzawa's personality is of great interest, because it was he who set an example of what a “new” Japanese should be.

Fukuzawa's personality is poorly reflected in memoir literature. People who knew Fukuzawa in childhood and youth did not leave memoirs. The memoir genre was not widespread in Japan at that time. As for the second half of Fukuzawa's life, when he had already entered the public arena, his close circle consisted of his students and people who were much younger than him. The genre of memoirs gradually took root in Japan, and Fukuzawa's students left us some information useful for understanding his personality. But the students' recollections of their teacher are mostly laudatory, which does not contribute to an adequate understanding of Fukuzawa's character. However, he “took care” of himself — in his declining years, in 1898, he published his autobiography under the title *Fukuo Jiden*, or *Autobiography of the Elder Fukuzawa*. It gives a vivid idea not only of the spiritual atmosphere of Tokugawa and Meiji Japan but also depicts the human type who was the overthrower of old foundations and the creator of new ones. It was Fukuzawa's autobiography that served as the main source for writing this work.

Keywords: Japan, Fukuzawa Yukichi, autobiography, personality, *Fukuo Jiden*.

Author: *Meshcheryakov Alexander N.*, Dr. of Letters (History), Chief Researcher, Institute of Classical Oriental and Antiquity, Higher School of Economics (Moscow, 101000, Myasnitskaya, 20). ORCID: 0000-0001-6004-5743.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Meshcheryakov, A.N. (2025). Lichnost' Fukudzava Yukiti: byt' samim soboi [Fukuzawa Yukichi's personality: Being yourself]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 69—84. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-69-84.

Acknowledgements. This research was carried out within the framework of the HSE University research project “From Antiquity to Modernity: epistemology and conceptualization of the development of material and spiritual cultures”.

Введение

Фукудзава Юкити (1835—1901) считается ныне «великим просветителем». Имеется в виду, что после открытия Японии в середине XIX в. он сделал очень много в деле знакомства японцев с западной культурой и цивилизацией. Для этого он использовал три основных инструмента: образовательные книги (авторские и переведенные), а также основанные им школу (впоследствии университет) Кэйю Гидзюку и газету «Дзидзи симпо». Анализу достижений Фукудзава на

ниве просветительства посвящено множество исследований. В то же время личность самого Фукудзава не привлекала сколько-то пристального внимания, что кажется нам большим упущением. Революция Мэйдзи была не только эпохой великих социальных реформ, но и временем формирования нового типа японца, который порывал с прошлым и устремлялся к другим горизонтам. В этом отношении личность Фукудзава представляет огромный интерес, ибо именно он подавал пример того, каким надлежит быть «новому» японцу.

Фукудзава родился еще при сёгунате Токугава в бедной самурайской семье в захолустном княжестве Накацу на острове Кюсю. Его социализация происходила в рамках привычных представлений об обществе и человеке. На классических китайских текстах он учился (и учился успешно) конфуцианским добродетелям: верности сюзерену и родителям, повиновению и смирению. Его приучали к неизменности социальной стратификации, где каждый человек занимает раз и навсегда место, доставшееся ему по наследству. Однако уже в юношестве Фукудзава стал учить голландский язык, через который он узнавал, что японская картина мира не является единственно возможной. Западный мир с его упором на индивидуализм и прогресс настолько пленил Фукудзава, что он сделался одним из самых активных пропагандистов Запада.

«Фукуо дзидэн»

Как это ни странно, личность Фукудзава плохо отражена в мемуарной литературе. Люди, которые знали его в детстве и молодости, мемуаров не оставили. Мемуарный жанр не был тогда распространен в Японии. Что до второй половины жизни, когда Фукудзава уже вышел на публичную арену, то его близкое окружение составляли ученики и люди, которые были намного младше его. Жанр мемуаров постепенно укоренялся в Японии, и ученики Фукудзава оставили нам некоторые сведения, полезные для понимания его личности, но эти воспоминания имеют столь естественный налет панегиричности, что не способствует адекватному пониманию характера Фукудзава. Однако он «позаботился» сам о себе — на склоне лет, в 1898 г., он опубликовал свою автобиографию под названием «Фукуо дзидэн» — «Автобиография старца Фукудзава». Она дает яркое представление не только о духовной атмосфере позднетокугавской и мэйдзийской Японии, но и рисует тот человеческий тип, который являлся ниспровергателем прежних основ и созидателем нового. Именно автобиография Фукудзава послужила основным источником для написания данной работы.

«Фукуо дзидэн» является первым японским образчиком автобиографического жанра в современном понимании этого термина. Традиционная Япония практически не знала жанра полноценной личной автобиографии, рассчитанной на широкую аудиторию. Там существовала имеющая давнее происхождение «коллективная автобиография» (история) того или иного социального института: государства, рода, княжества, семьи, профессионального или религиозного объединения. Понимание человека как подчиненной части целого, а не как автономной единицы, препятствовала развитию жанра автобиографии.

Фукудзава был человеком, который во многих отношениях был «первым». Его «Автобиография» не является исключением. Она смоделирована по западным (прежде всего, американским) образцам и представляет собой историю жизненного успеха (success story). Такой дискурс был совершенно чужд традиционным представлениям, согласно которым «бахвальство» являлось нарушением установки на скромность. Ты должен был прожить свою жизнь так, чтобы удостоиться похвалы «со стороны», превознесение же собственных достоинств и успехов отвергалось культурой.

Разрушитель традиции

Для того, чтобы быть первым в созидании, надо быть первым и в разрушении — иметь смелость (или наглость) отказываться от старого и уничтожать его. Фукудзава был именно таким человеком. Временами такая смелость отдавала вызовом, нахальством и даже святотатством. Здесь сказалась и натура самого Фукудзава, и годы, проведенные во время учения в медицинской школе Огата в Осаке — городе портовом и торговом, где строгие правила этикетности, принятые в самурайской среде, размывались вольным и разудалым духом торгашества.

По типу мышления и свойствам личности Фукудзава был ниспровергателем основ. В «Автобиографии» он с удовольствием повествует, как еще в детстве и отрочестве он нарушал нормы того общества, в котором ему довелось родиться. Поскольку эти нормы казались ему абсурдными, Фукудзава с легкой душой нарушал общепринятые каноны поведения.

Люди «старой закалки» казались ему никчемными: упертые и ригористичные, они не были способны усвоить «передовые» (западные) теории и знания. Они были ненавистны юноше, и когда в родительском доме собирались гости, он немедленно уходил спать — только чтобы не слышать их «идиотских» разговоров. Фукудзава отвергал и этих людей, и их рабскую мораль. Санносукэ, его старший брат, так определил свое кредо, которое полностью совпадало с тогдашним моральным канонам: до конца жизни быть верным сыном, братом и слугой сюзеру. Чтобы подчеркнуть приверженность своим принципам, Санносукэ даже высказал решимость стать приемным сыном в какой-нибудь другой семье и беззаветно служить не своим биологическим, а приемным родителям. Такое намерение вызвало недоумение у мальчика Юкити: с какой стати он должен угождать людям, которые не являются кровными родственниками? (с. 23)¹. Он и своим родственникам служить не стал: ради получения «прогрессивного» (западного) образования он без долгих раздумий отправился в Эдо и покинул мать, которая в одиночку воспитывала дочь покойного Санносукэ.

С бесподобной для тогдашней Японии легкостью и без всякого зазрения совести Фукудзава нарушал общепринятые нормы, поскольку не считал их носителей достойными людьми, которым и должно принадлежать светлое будущее. Чего стоит один его рассказ об осквернении синтоистских святынь! Он растоп-

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся отсылки к тексту «Автобиографии» по изданию [Fukuzawa 2021].

тал священную бумагу с именем синтоистского божества и выкинул ее в отхожее место. В другом случае выкинул из божницы священный камень, положив на его место подобранный на улице. Поскольку никакого «божественного» воздаяния не последовало, он посчитал веру в богов верхом скудоумия (с. 25—27). И пусть эти поступки были совершены в детстве и отрочестве, мысль о том, что они могут задевать или ранить чувства других — «обычных» и «косных» людей — не приходила в седую голову Фукудзава даже в старости.

Не без удовольствия он рассказывает, как в юности подделывал рекомендательные письма, выдавал себя за заклинателя и с готовностью получал плату за вознесенные молитвы, в которые он не верил и которых не знал — вместо них он бормотал какую-то абракадабру. Желая покинуть родное княжество Накацу для изучения голландского языка в Осаке, он написал обращение к главе клана, объясняя отъезд необходимостью изучения военного дела, ибо такая мотивировка повышала его шансы на разрешение покинуть дом. Предпосылок к этому не было: отец Юкити и его старший брат уже умерли, он стал главой семьи, и самурайско-конфуцианский долг велел ему заботиться о матери. Однако «жажда знаний» послужила достаточным оправданием для нарушения моральных норм, и он уехал в Осаку. Когда Фукудзава захотелось обзавестись редкой и дорогостоящей голландской книгой по фортификации, он попросил ее у хозяина на пару дней — чтобы «просто посмотреть» оглавление и иллюстрации — но вернул книгу только через несколько недель, которые употребил на копирование. Наивный хозяин хотел приберечь европейские премудрости для себя, но хитрый Фукудзава провел его: боясь разоблачения, он переписывал книгу по ночам. Хозяин и окружающие так ничего и не заподозрили, чему Фукудзава несказанно обрадовался (с. 60—63). Он считал, что цель оправдывает средства. В данном случае конечной целью тоже выступает получение знаний, которые стоят выше моральных установлений.

Соученики Фукудзава в осакской школе Огата походили на него. Все они были «западниками» и оставались в стране абсолютным меньшинством. Для создания и поддержания своей «особой» идентичности они вели себя подчеркнуто вызывающим образом и гордились этим. Они пили саке до упаду, воровали посуду в едальнях, устраивали на улицах показушные драки, угрожали убийством не понравившемуся торговцу, задирали прохожих, подделывали письма, расхаживали по школе голыми. Ради бесплатного посещения представлений, выдавали себя за театральных инспекторов. Будучи самураями, закладывали мечи у ростовщиков. Одевались ужасно — прохожие шарахались. Они не соблюдали элементарных гигиенических норм и обитали в общежитии в непролазной грязи. Неудивительно, что вши были их лучшими друзьями (с. 75—90).

Невозможно представить себе конфуцианскую школу, где ученики вели бы себя таким вызывающим образом. Но студенты Огата относились к ученикам таких школ с нескрываемым презрением. «Западники» настолько ненавидели конфуцианские обыкновения, что нарушение приличий казалось им делом хорошим. Так же беззастенчиво они относились и к традиционным пищевым запретам — спокойно столовались в тех крайне малочисленных заведениях, где подавали мясо. Кроме них, там угощались только представители сословия отвер-

женных, с которыми «нормальный» японец не желал иметь ничего общего. В тогдашней Японии только эти отверженные и студенты школы Огата занимались разделкой туш. Последние делали это потому, что изучали анатомию и хирургию (традиционная китайско-японская медицина хирургии не знала).

Целью рассказов Фукудзава о своем «хулиганстве» в молодости является стремление показать, что автор с самого начала обладал независимой натурой, не признающей сложившихся норм. В эпизодах, посвященных девиантному поведению, запятан и еще один смысл: вызов обозначившемуся с начала 1880-х гг. курсу правительства на возрождение конфуцианских поведенческих норм и превращение синто в государственную религию. Эпизод с осквернением синтоистских святынь был призван продемонстрировать издевательское отношение к этой религии, которую Фукудзава считал средоточием предрассудков.

Традиция мало что значила для него. Несколько утрируя, можно сказать и так: она существовала только для того, чтобы нарушать ее. Если раньше идеальным типажом считался человек, неукоснительно следующий заветам предков, то теперь настала очередь японцев, для которых традиция потеряла абсолютную ценность. Эти люди верили не в «золотой век», а в «прогресс». При таком подходе «новое» очень часто казалось лучше «старого». Ратуя за вестернизацию страны, Фукудзава не призывал сохранять японское культурное наследие. В своих сочинениях он настойчиво подчеркивал, что целью образования является познание того, каким образом можно удовлетворять свои потребности в пище, жилье и одежде. Что до умения читать древнюю книгу или же сочинять стихи, то эти навыки не имеют практического применения, а потому нет никакой нужды превозносить древних китайцев и японцев.

Фукудзава с легкостью отказывался от принятых обыкновений. Под западным влиянием он сильно изменил свой стиль жизни: сменил прическу, переоделся в европейское платье, приобрелся к западной кухне и т. д. Он отбросил самурайское презрение к деньгам и зарабатывал немало, что считал гарантией своей свободы и независимости, которые он так ценил и которыми так гордился. Фукудзава утверждал, что не обладает предпринимательскими способностями, но на самом деле он, безусловно, обладал прекрасной деловой хваткой, без которой не смог бы добиться успеха в образовательной и издательской деятельности. К выявлению в себе предпринимательской жилки он призывал и всех остальных японцев.

Эмпатия

Несмотря на многие примеры вызывающего поведения Фукудзава, имеется и немало свидетельств его порядочности и эмпатических качеств. Он охотно одалживал деньги и помогал тем, кто в этом нуждался. В последние годы существования сёгуната вызволял заключенных из тюрьмы, давал кров диссидентам. Помнил старых друзей и благодетелей. Фукудзава яростно выступал за демонтаж «феодальной» системы и упразднение княжеств. Эта цель была в результате достигнута. Однако после революции Мэйдзи он посчитал, что его бывшему союзе-

рену князю Окудайра, который был теперь лишен всяких привилегий и полномочий, придется несладко в родном княжестве Накацу и, позабыв прежние обиды, вывез его вместе с семьей в Токио. После этого не забывал являться к нему каждый год в парадной японской одежде с новогодними поздравлениями [Matsunaga 2008, p. 48]. Возможно, здесь сказалось и раскаяние — ведь в молодости, как признавался сам Фукудзава, он беззастенчиво «обдирал» свое княжество и «был таким же алчным, как нынешние корейцы» (с. 318).

Фукудзава поселил престарелую вдову бывшего князя Накацу на территории кампуса Кэйо. Там же построил домик для удалившегося от дел американского доктора Симмонса (Фукудзава пользовался его услугами) и его матери. Для талантливого врача и бактериолога Китасато Сибасабуру (1852—1931), которого, несмотря на его квалификацию и достижения, нещадно травил группировка медиков из Токийского императорского университета (одним из них был врач и знаменитый писатель Мори Огай, 1862—1922), открыл в 1892 г. первый в Японии научно-исследовательский институт эпидемиологии [Tsuchiya 1996, с. 137—192]. Отношение к Китасато со стороны императорского университета послужило для Фукудзава еще одним доказательством того, что наука должна быть независима от государства, и только академическая свобода является условием для успешного развития науки.

Самокритичность

Несмотря на приводимые Фукудзава примеры своего девиантного поведения, следует признать: временами он умел признавать свои ошибки и сожалел о них. В «Автобиографии» он несколько раз сетует на то, что в прошлом вел себя неподобающим образом и испытывает теперь угрызения совести. Фукудзава повествует о своих недостатках с подкупающей откровенностью. Главным из них он считал пьянство. К борьбе с ним он неоднократно возвращается в «Автобиографии». На такие откровения способен только человек состоявшийся и уверенный в том, что его достоинства с лихвой перекрывают недостатки.

К числу своих недостатков Фукудзава относил и художественную необразованность. Духовная культура и изящное искусство мало интересовали его. Купив «за глаза» прекрасную коллекцию антикварных вещей, он распорядился поместить их в кладовку и никогда не любовался ими (с. 349—350).

О любви японцев к природе написано много — как верного, так и придуманного [Мещеряков 2022]. Художественная необразованность Фукудзава сочеталась в нем с равнодушием к природным красотам. Много путешествуя по стране в молодые годы, он посещал и прославленные японскими поэтами и художниками места, но они оставляли его совершенно равнодушным. Когда молодой Фукудзава направлялся морским путем в Эдо, корабль сделал остановку в Миядзиме — месте, известном своей живописностью. «Обычный» японец не преминул бы восхититься тамошними красотами, но вот как описывает это событие уже пожилой Фукудзава: «Дел у меня там не было. Но раз уж очутился здесь, отправился осматривать остров. Другие путешественники были друг с другом на ко-

роткой ногое, им было хорошо, все угощались sake. Я тоже был не против выпить, но у меня не было денег, поэтому я ограничился осмотром достопримечательностей. Вернулся на корабль, жадно проглотил корабельную стряпню. Капитану такой пассажир пришелся не по вкусу, он состроил рожу и злобно наблюдал за мной. Он мне тоже запомнился. На прошлой стоянке в Ивакуни я тоже без всякого удовольствия осмотрел [знаменитый] мост Кинтай» (с. 43).

Столь популярное среди японцев любование сакурой тоже оставляло Фукудзава равнодушным: «Я даже на цветение сакуры в Уэно поглазеть не ходил! Я приехал в Эдо в 5-м году Ансэй (1858). Выпить любил — это правда. В этом отношении я был рабом своего нутра, и когда выпивки не оказывалось дома, отправлялся куда-нибудь с приятелями. Но это чтобы выпить, а не для того, чтобы на цветы пялиться» (с. 340).

Приобретенная в юности ненависть к «китайщине» была настолько велика, что все чем занимались знатоки китайской культуры, вызывало в нем отторжение. Это касается, в частности, каллиграфии, которой он, по собственному признанию, владел плохо. В зрелые годы Фукудзава сожалел об этом и начал учиться владению кистью. Но в результате не стал, как это было принято, воспроизводить классические образцы, а выработал свой собственный, совершенно уникальный новаторский стиль [Aida 2005, с. 264]. В этом — весь Фукудзава: ему не нравилось следовать нормам, он предпочитал пересматривать их и создавать новые.

Похожим оказался и его подход к театру. В летописях его жизни специально отмечается, что в первый раз он посетил токийский театр Кабуки только в 1887 г., когда ему уже минуло полвека. Здесь сказывалась и занятость, и нежелание «попусту» тратить время, и непривычка к такому увеселению — семья Фукудзава придерживалась строгих самурайских правил, запрещавших посещение театра. В первые годы Мэйдзи Фукудзава посещал сольные выступления рассказчиков, но с сугубо прагматической целью — овладеть навыком общения с многочисленной и не всегда образованной аудиторией, чтобы научиться лучше читать научно-популярные лекции. После 1887 г. Фукудзава бывал на представлениях Кабуки несколько раз, временами даже приглашал актеров к себе домой, но, похоже, больше всего его интересовал не существующий традиционный театр, а то, каким образом следует его реформировать, чтобы приспособить к требованиям современности. Движение по реформированию Кабуки находилось тогда на подъеме, Фукудзава даже было начал писать пьесу, но так и не закончил ее. Он любил строить и продвигал идею воздвижения современного театрального здания в центре столицы, но из-за войны с Китаем (1894—1895) она не была осуществлена. Фукудзава отнесся к той войне с восторгом, и война была для него много важнее искусства.

Показателен следующий эпизод его жизни. Помимо основного жилища, у Фукудзава имелся уединенный домик. Иногда там играли его дети, иногда он работал там сам. При доме имелся небольшой сад. Когда Япония воевала с Китаем, молодой сотрудник Фукудзава решил привести садик в соответствие с канонами садового искусства: он придумывал поэтические названия для деревьев и камней. Таблички с названиями втыкал рядом с соответствующими объектами. В это время явился хозяин и устроил сотруднику настоящий разнос: в нынешней

политической обстановке нужно думать о пушках, а не об изяществе! Разгневавшись, стал выдергивать таблички с такими красивыми названиями [Matsunaga 2008, с. 197].

Слава разрушителя традиции прочно закрепилась за Фукудзава. В рассказе Акутагава Рюноскэ «Сад» приверженец Фукудзава без зазрения совести разрушает традиционный сад, сажая там «полезные» фруктовые деревья [Акутагава 2023, с. 286].

Многие иностранцы восхищались японскими садами, в японских экспозициях на всемирных выставках такие сады тоже устраивались, но Фукудзава намного больше интересовали промышленные, научные и военные успехи его страны. «Мягкая сила» волновала его намного меньше.

Тем не менее, назвать его человеком совсем уж «глухим» к искусству тоже нельзя. Вот рассказ его ученика. Помещение редакции «Дзидзи симпо» находилось рядом с театром, в котором демонстрировали модную историческую пьесу. Дело было летом, окна — нараспашку, так что голоса актеров хорошо слышались в комнате, где работал Фукудзава. В кульминационный момент, когда главный герой грабит и убивает свою жену, Фукудзава расчувствовался и тихо произнес: «Подлец, какой все-таки подлец...». Пьеса шла регулярно, Фукудзава слышал ее не в первый раз, но все-таки был тронут до слез. Но пойти на само представление он, похоже, так и не удосужился. Шутил, что находясь в редакции, он и так имеет возможность слушать пьесу бесплатно [Matsunaga 2008, с. 174].

Выпуск ежедневной газеты — дело хлопотное, оно плохо совмещается с посещением театра. Фукудзава был любопытным человеком, его интересовало много, но он не мог позволить себе отвлекаться от главных дел. Отказавшись от самурайских представлений о деньгах как о субстанции «грязной», он внимательно следил, как развивается японская экономика. В коридоре его дома висела сводка биржевых новостей. Взглянув на нее, он громко возвещал: «Сегодня я в плюсе!» или «Проигрался!» В действительности же у Фукудзава не было ни времени, ни сил заниматься биржевыми операциями, все свои «делки» он проделывал исключительно «в уме» [Matsunaga 2008, с. 237].

Временами Фукудзава сочинял короткие стихи «по случаю» на китайском языке (прежняя выучка все-таки давала о себе знать), но они были откровенно плохи и лишены малейшего намека на поэтический талант. Унаследовав пренебрежительное отношение токугавских конфуцианцев к художественной прозе, занятия которой они почитали делом недостойным для серьезных людей, Фукудзава отзывался об одном из главных зачинателей современной японской прозы Цубоути Сёю (1859—1935) с неприкрытым презрением: «Такое вульгарное занятие, как писание романов, для обладателя диплома бакалавра является занятием совершенно недостойным». При таком подходе к художественной литературе трудно ожидать, чтобы сами сочинители художественных произведений жаловали Фукудзава. Действительно, отношение к нему в литературных кругах было весьма прохладным [Saeki 1991, с. 103].

Дочери и внуки Фукудзава занимались японскими танцами и музыкой, что грело его душу. Но все равно это было занятие «несерьезное», не для сыновей. К тому же Фукудзава считал, что танцы полезны для здоровья его девочек, а физкультуре и двигательной активности он уделял огромное внимание.

Духовная культура и искусство Запада тоже оставляли Фукудзава равнодушным. Его не интересовали европейская литература, музыка, живопись и т. д. Он перевел немало европейских книг по самым разным отраслям знания, но до художественной литературы ему не было дела, хотя многие интеллектуалы того времени искали ключ к пониманию «души» Запада именно в литературе. В отличие от многих других японских западников, которые приняли крещение или хотя бы подумывали об этом, христианством Фукудзава тоже не увлеклся.

Отношение к конфликтам

Избегание открытых конфликтов с людьми было поведенческой стратегией Фукудзава. Он охотно и даже яростно обличал «феодализм», говорил об узколобом «чиновничестве», но это было «безымянное» негодование: при рассказе о конкретных людях его пыл пропадает, и в «Автобиографии» мало отрицательных и эмоциональных оценок людей с именами. В случае угрозы конфликта Фукудзава предпочитал ретироваться. Когда в «Обществе 6-го года Мэйдзи» («Мэйрокуся»), которое представляло собой сборище интеллектуалов-западников, возникли противоречия, Фукудзава вышел из него. Когда в 1879 г. в Токийской ассоциации ученых не прошли его инициативы, он попросту покинул свой председательский пост. Когда в 1881 г. влиятельнейшие политики Ито Хиробуми и Иноуэ Каору отказались от замысла издавать газету во главе с Фукудзава и вычистили выпускников Кэйо из государственного аппарата, он не стал вступать в борьбу и тут же приступил к изданию своей собственной газеты с помощью своих выпускников, а студентов стал ориентировать на карьеру в бизнесе. Но слов, осуждающих Ито и Иноуэ, в «Автобиографии» не содержится.

В таком модусе поведения видна прозорливая осторожность. Зная обидчивый и даже мстительный характер японцев (это была общепризнанная точка зрения), он не хотел окончательно ссориться с людьми, которые в силу своего положения могли легко навредить его собственным начинаниям. Фукудзава был знаком практически со всеми представителями политической и финансовой элиты. Но их имена появляются на страницах «Автобиографии» чрезвычайно редко. Зато часты упоминания о людях, которые не оказывали непосредственного влияния на текущую ситуацию. В этом видна не столько внимательность к «маленькому» человеку, сколько нежелание «связываться» с сильными мира сего.

Подводя итоги прожитой жизни, Фукудзава говорил: «С молодости я слыл болтуном, круг моего общения был широк, но с людьми я предпочитал не ссориться. У меня очень много друзей, но в общении с ними я не забываю об осторожности. Я водил дружбу со многими, но трудно ожидать, чтобы человек всегда оставался прежним. Если он и вправду изменился, дружбу надо прекращать. Но и в таком случае, если, конечно, человек не навредил тебе, ты не должен держать на него зла. Надо просто отдалиться, вот и всё. Предположим, одного друга лишили, потом другого, но все равно не следует страдать от одиночества. Еще в молодости я решил, что не буду ломать себя и водить дружбу с неприятными людьми. Так и получилось. За свои шестьдесят с лишним лет я был знаком с ты-

сячами, с десятками тысяч людей, но ни с кем не разругался, полностью не поврал отношений. Вот так любопытно распорядилась жизнь. И по отношению к работе, и в общении с друзьями, и во всем остальном я придерживался одного и того же правила — быть готовым ко всему. Потерпел неудачу — не расстраивайся, не смотри на этот мир тяжелым взглядом... Но цени свою свободу, не оставляйся в делах. Именно так я воспитал себя и сумел пройти свой путь без особых потрясений и со спокойной душой» (с. 380).

По приведенному пассажу видно, что к понятию «дружба» Фукудзава не прикладывал эпитета «вечная». Он охотно давал советы, но сам предпочитал не советовать. Обратной стороной такого характера является душевное одиночество. Диапазон его знакомств был огромен, но даже в детстве и юношестве среди этих знакомых не находилось закадычных друзей. Душа Фукудзава в них и не нуждалась.

Фукудзава предпочитал не ссориться с людьми, но это вовсе не означает, что он был трусом. В 1860-е и в начале 1870-х гг. покушения на «западников» со стороны «патриотов» превратились в обыденность. Фукудзава проявлял известную осторожность, не выходил из дома вечерами, но не изменял своим убеждениям и продолжал твердить, что вестернизация — единственно возможный путь для страны, которая хочет остаться независимой. Однако культ революционной жертвенности был ему, безусловно, чужд. Его статную фигуру невозможно представить на баррикадах, Фукудзава не стал участвовать в свержении «прогнившего» сёгуната, ибо боялся, что революционеры окажутся такими же косными, как и прежние правители, но неизменно продолжал гнуть свою просветительскую линию: только образование способно сделать Японию сильной.

Готовность к переменам и принципиальность

Фукудзава формировал свой собственный поведенческий канон и мало зависел от «трендов» и «моды». Когда чиновников обязали являться на службу в европейской одежде, все «передовые» японцы последовали их примеру. Но Фукудзава был независимым человеком — облачившись на какое-то время в европейское платье, затем он решил, что японское полезнее для его здоровья, и стал носить именно его. В токугавской Японии борода и усы приняты не были. Однако после революции почти все «прогрессисты» отрасли на западный манер усы или бороду. Но Фукудзава остался в стороне от этого веяния, удовлетворившись европейской стрижкой. Не нравился ему и европейский обычай вскрывать завещание после смерти. «Я совершенно не согласен с таким обыкновением. Это очень странно — после смерти хозяина делать явным то, о чем он мог бы уведомить при жизни. Я нахожу завещание на западный лад обычаем нелепым и вредным и сказал всем, что не собираюсь ему следовать. Я написал завещание, положил его в комод и велел жене и детям, чтобы они внимательно прочли его» (с. 351). Но Фукудзава не пошел и по японскому пути, когда старшему сыну достается основная часть состояния: он разделил его на десять равных долей, из которых старшему сыну досталось две, а остальным восьмерым детям — по одной.

Во многих отношениях Фукудзава был человеком «естественным», то есть вел себя в соответствии со своими личными вкусами и пристрастиями. Во время утреннего моциона, который стал в последние годы неотъемлемой частью его жизни, Фукудзава заговаривал с незнакомыми людьми, одаривал детей сладостями, а своего приятеля-нищего — деньгами [Matsunaga 2008, с. 36]. Такие «свободные» манеры тоже мало вязались с привычными нормами и вызывали удивление — традиционный модус поведения не предполагал общения с «чужими», особенно если они принадлежали к другой социальной страте.

Восходящая к конфуцианству традиция предписывала образованному человеку хранить бесстрастное выражение лица. Эта установка сохранялась и в период Мэйдзи (во многом она жива и сейчас). Однако современники с удивлением отмечали необычайную живость и переменчивость лица Фукудзавы [Matsunaga 2008, с. 44—45]. Богатая мимика отражала важное свойство его характера — непосредственность и готовность к переменам. Европеизация стиля мышления и бытового поведения Фукудзавы служит тому наилучшим подтверждением. Его поведение никак не вписывалось в привычные представления о пожизненной верности раз и навсегда выбранному пути. В рамках этих представлений переход от одной дисциплины к другой, от одного наставника к другому приравнивался к измене. Но натура Фукудзавы была шире, у него не было одного Учителя, он учился у всех, у кого можно было научиться чему-нибудь полезному. Самым важным в жизни он считал приобретение новых знаний, а перед этой целью пасует верность догме, в которой отсутствует потенциал для новых открытий. В детстве и юношестве он, как то и было тогда положено, зубрил (и при этом весьма успешно) китайскую классику, но потом без колебаний забросил «мертвящую китайщину» и приступил к изучению голландского языка, который давал доступ к достижениям западной цивилизации. После того, как были открыты первые японские порты, он побывал в Иокогаме и тут же убедился, что никто из пребывавших там иностранцев не понимает голландского, а языком общения является английский. И тогда он мгновенно переключился на занятия этим языком. Когда члены правительства предложили издавать ему газету, но потом дело не сложилось, он без промедления приступил к изданию своей собственной газеты.

Фукудзава считал проституцию явлением аморальным. Тем не менее, когда бедные японцы в поисках заработка стали уезжать за границу (прежде всего, в США), он легко скорректировал свои убеждения. Некоторые деятели полагали, что следует запретить выезд проституток, поскольку это нанесет ущерб имиджу Японии. Однако Фукудзава не согласился с этим мнением: эмигранты — это в подавляющем большинстве молодые холостые мужчины, для которых следует создать максимально комфортные условия в незнакомой обстановке. Только в таком случае они принесут наибольшую пользу своей родине, ибо смогут успешнее трудиться и создавать условия для укрепления позиций Японии за границей [Mihalopoulos 2012, p. 5—29].

Готовность к переменам вовсе не означает, что Фукудзава можно назвать «флюгером». Определенная осторожность и нежелание обострять отношения с людьми не означали отказа от своей позиции. У него имелись твердые убеждения относительно своего человеческого долга, которых он неукоснительно придержи-

живался. Его мнение о необходимости ограничения полномочий императорского дома никогда не менялось. «Независимость и самоуважение» всегда оставались его лозунгом. При любых обстоятельствах он ратовал за независимость образования и науки от государственного вмешательства. Так, в 1891 г. Фукудзава отказался присутствовать на презентации толкового словаря, когда узнал, что вечер будет открывать тогдашний премьер Ито Хиробуми, объяснив это таким образом: «Общество ученых не может иметь ничего общего с собранием политиков. Обсуждать научные проблемы в присутствии политиков, не имеющих к науке никакого отношения, не только ошибочно, но и недостойно ученого» [Бугаева 1978, с. 54]. Фукудзава вызвал на себя бурную критику за те пассажи в «Призыве к учению» (1875 г.), которые касались бессмысленности смерти за сюзерена только ради того, чтобы показать свою преданность. Но и в последующих изданиях «Призыва» он не стал менять свой текст или как-то смягчать его.

Фукудзава видел в своих студентах будущее Японии. Для него не существовало такого понятия, как «учебное время», поскольку все время было учебным — он не упускал случая, чтобы присоветовать молодым людям что-нибудь полезное. Он жил на территории кампуса и всегда находился «на работе», так что от него не ускользала никакая мелочь в студенческой жизни. Учащаяся молодежь в то время бредила Западом, студенты Кэйю Гидзюку тоже пытались подражать западным обычаям. В частности, в моду вошел хлеб. Его покупали, чтобы доказать самим себе причастность к западным ценностям. Но непривычным к хлебу студентам он казался безвкусным, они посыпали его сахарным песком, намазывали на куски хлеба джем. При этом ели только мякиш, а корку выбрасывали, считая, что она несъедобна — вроде корки у арбуза. Однажды Фукудзава заметил, как студенты выбрасывают хлебные корки в мусорный ящик. Он пристыдил их: как же так, вы ведь занимаетесь изучением Запада, но не знаете такой элементарной вещи, как едят хлеб! [Matsunaga 2008, с.170—171].

Бывший студент вспоминал такой случай. После собрания, на котором жарко обсуждались политические вопросы, Фукудзава с молодыми людьми собрался возвращаться в Кэйю Гидзюку. Они уже проголодались и хотели поскорее добраться до места и поесть там. Поэтому сговорились нанять рикш. Однако Фукудзава урезонил их, сказав, что дела окончены, торопиться некуда, а поездка на рикшах обойдется в копеечку. И велел возвращаться вместе с ним, стариком, на своих двоих. По пути он решительно зашел в сусечную и накормил всех до отвала. Расплачиваясь, сказал: на эту сумму можно как следует наесться, а можно прокатать ее зря [Matsunaga 2008, с.169—170].

Всесторонняя опека учеников всегда входила в поведенческий канон японского учителя. Это и называется «миссией». В этом отношении Фукудзава мало чем отличался от учителей эпохи Токугава, которые ощущали себя не просто преподавателями какого-нибудь предмета или умения, а и наставниками жизни.

Фукудзава был человеком самодостаточным и удовлетворялся сознанием своих достоинств. К почестям же относился спокойно. В 1893 г. праздновали 35-летие со дня основания Кэйю Гидзюку (на самом деле школа Кэйю была учреждена только в 1868 г., но «для важности» датой основания стали считать 1858 год, когда Фукудзава начал преподавать голландский язык). По этому случаю ему

преподнесли его бронзовый бюст. В благодарственной речи Фукудзава отметил: самому мне скульптура не нужна, но ее судьба — навсегда остаться в стенах Кэйю, поскольку никогда не найдется такого дурака, который купил бы ее или даже захотел получить даром [Keio gijuku 1907, с. 180—181]. Фукудзава был остроумным и самоироничным человеком. Бюст какое-то время находился в его кабинете, но потом хозяин убрал его.

Фукудзава был лидером и не терпел, чтобы над ним стоял «руководитель». Даже в молодые годы он неоднократно отказывался подчиняться непосредственному начальству, о чем со смесью гордости и раскаяния рассказал в «Автобиографии». Так, во время поездки в Америку в 1867 г., когда он находился на службе в министерстве иностранных дел, он перечил старшим по положению и почти открыто поносил сёгунат. За это его отстранили от службы, но он был только рад этому и отдался сочинительству. И здесь уже он был хозяином сам себе. Но это было еще при сёгунате, в те времена, когда он не мог не служить, ибо был самураем, то есть человеком военным и подневольным. Что касается послереволюционного времени, то оно принесло совсем другие степени свободы.

После революции Мэйдзи Фукудзава не раз предлагали стать чиновником или принять участие в каком-нибудь придуманном государством проекте, но он либо отказывался, либо быстро выходил из него. Это были проекты, придуманные другими людьми, которые и определяли правила игры. После того, как сошелся план по созданию проправительственной газеты, его больше никуда и не звали, ибо стало понятно, что Фукудзава не годится для подневольной работы. Он ощущал себя комфортно только в своих собственных начинаниях.

Фукудзава начал свою «вольную» жизнь с создания школы Кэйю Гидзюку. Это весьма показательно для его натуры: ратуя за всеобщее равенство, он первым делом приступил к образовательному проекту, который по своей исконной сути предполагает неотменяемое и непреодолимое неравенство между учителем и учеником. Во время утренних прогулок его сопровождали ученики. Следуя по раз и навсегда заведенному маршруту протяженностью около 6 километров, Фукудзава, бывало, стучал в двери знакомых преподавателей и студентов, требуя, чтобы они немедленно поднимались с постели и присоединялись к гуляющим (или, вернее, к гуляющему). Что бы он ни говорил о «равенстве», в повседневной жизни он ощущал себя начальником, полномочия которого распространяются не только на учебное или рабочее время. Фукудзава совершал прогулки с двухметровым бамбуковым посохом и походил в это время на деревенского старосту прежних времен, который совершает обход подведомственной ему территории [Tsuchiya 1903, с. 92].

Заключение

Однако масштаб школы или околотка был для Фукудзава мал. Он хотел быть учителем не только для сотен студентов, но и для всех японцев. Поэтому и основал газету «Дзидзи симпо». Поэтому и финальным аккордом его жизни стал «Моральный кодекс», где представлено его видение идеального японца [Меще-

ряков 2025]. Во многих отношениях этот японец напоминает самого автора. Прежде всего, своей самостоятельностью, независимостью, стремлением к новому, преклонением перед «прогрессом». Однако после смерти Фукудзава развитие Японии пошло совсем по другому пути, и в период тоталитаризма такой тип личности оказался не востребован: государство требовало от японца не самостоятельности, а полного растворения в государственных интересах. Семена свободы личности и ее независимости долго пролежали в земле без настоящего дела, их время настало только после окончания Второй мировой войны. Но они все-таки проросли, и нынешняя Япония со всеми ее неизбежными проблемами является страной, которую уважают во всем мире за ее мирные достижения, которые невозможны в рабской стране. При жизни Фукудзава он был уважаемым человеком, но отношение к нему бывало разным. После войны был создан настоящий культ Фукудзава [Мещеряков 2024]. Не все черты его личности оказались созвучны послевоенным японцам. Так, его несколько пренебрежительное отношение к национальной культуре не вызвало сочувствия. Однако главная идея Фукудзава о независимой, самостоятельной, предприимчивой и высокообразованной личности, которая и обеспечивает «прогресс» в масштабах всей страны, все-таки внесла существенный вклад в послевоенное развитие Японии. Без такой личности экономические и научно-технические достижения современной Японии были бы попросту невозможны.

Библиографический список

- Акутагава Рюноскэ в переводах Наталии Фельдман. СПб.: Гиперион, 2023.
- Бугаева Д. П. Японские публицисты конца XIX века. М.: Наука, 1978.
- Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Лингвистика, 2022.
- Мещеряков А. Н. Японский мыслитель Фукудзава Юкити: трансформация образа // *Вопросы философии*. 2024. № 2. С. 160—172.
- Мещеряков А. Н. Фукудзава Юкити и его «Моральный кодекс». История и культура Японии XIX—XX века. Новые исследования российских ученых. М.: издательский дом ВШЭ, 2025.

References

- Akutagawa. (2023). *Akutagawa Ryunosuke v perevodakh Natalii Fel'dman* [Akutagawa Ryunosuke in Natalia Feldman's Translations]. Saint Petersburg: Hyperion. (In Russian).
- Bugaeva, D. P. (1978). *Yaponskie publitsisty kontsa XIX veka* [Japanese Publicists of the Late 19th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. N. (2022). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya* [Terra Nipponica: Natural Environment and Its Perception]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2024). Yaponskii myslitel' Fukudzava Yukiti: transformatsiya obraza [Japanese Thinker Fukuzawa Yukichi: Image Transformation.]. *Voprosy filosofii*, 2, 160—172. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N. (2025). *Fukudzava Yukiti i ego «Moral'nyi kodeks»* [Fukuzawa Yukichi and His Moral Code]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).

* * *

Aida, Kurakichi. (2005). *Fukuzawa Yukichi*. Tokyo: Yoshikawa Kobunkan. (In Japanese).

Fukuzawa, Yukichi. (2021). *Fukuo Jiden* [The Autobiography of Fukuzawa Yukichi]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Keiyo Gijuku Gojunenshi. (1907). [50 Years of Keio Gijuku's History]. Tokyo: Keio Gijuku. (In Japanese).

Matsunaga, Yasuzaemon. (2008). *Ningen Fukuzawa Yukichi* [Fukuzawa Yukichi as a Person]. Tokyo: Jitsugyo no Nihonsha. (In Japanese).

Mihalopoulos, Bill. (2012). An Exercise in Good Government: Fukuzawa Yukichi on Emigration and Nation-Building. *Journal of Northeast Asian History*, Summer, 5—29.

Saeki, Shoichi. (1991). *Nihonjin no jiden* [Autobiography of the Japanese]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Tsuchiya, Masaharu. (1996). *Isha no mita Fukuzawa Yukichi* [Fukuzawa Yukichi as Seen by a Doctor]. Tokyo: Chuo Koronsha. (In Japanese).

Tsuchiya, Motosaku. (1903). *Yo ga mitaru Fukuzawa sensei* [Fukuzawa-Sensei as I Saw Him]. Osaka: Sanwa Shizo. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 27.01.2025
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 27 January 2025
Accepted: 23 April 2025

В.Г. Швыдко

Три года премьерства Кисида Фумио: «новый капитализм» и преемственность экономического курса

Аннотация. В статье рассматриваются итоги трехлетнего пребывания на посту премьер-министра Японии Кисида Фумио с точки зрения практики и идейного сопровождения экономической политики возглавлявшихся им кабинетов министров. Анализируется теоретическая концепция «новой формы капитализма», положенная Ф. Кисида в основу своего политического имиджа, и ее связь с практической политикой. Отмечается, что между идеологической составляющей данной концепции и текущими мерами экономической политики имеется существенный зазор. Акцент на повышение в структуре доходов доли труда как фактора производства, на инклюзивность экономической системы и значение распределительных отношений не сопровождался крупными изменениями в налоговой и бюджетной системах, трудовых отношениях и отношениях между государством и бизнесом. Роль движущей силы социально-экономических изменений фактически отводилась прогрессу технологии и эволюции общественных практик, что подтверждает характер Либерально-демократической партии как политической силы, опирающейся на консервативный консенсус и не склонной к радикальным шагам и решительным институциональным преобразованиям.

Статья характеризует практическую экономическую политику кабинетов Ф. Кисида как преемственную по отношению к линии второй половины 2010-х гг., в частности комплексу взглядов и мер, связанных с именем тогдашнего лидера ЛДП премьера Абэ Синдзо («*абэномика*»). Отмечается, что преемственность была характерна для основных моментов налогово-бюджетной, денежно-кредитной и институциональной политики правящих кабинетов. При этом результативность выдерживаемой линии оказалась выше, чем у кабинетов предшественников.

В период премьерства Кисида оформился и ряд новых моментов в экономических подходах правительства. Вместе с тем отмечается, что большей частью они выражались в перемене приоритетов в рамках традиционной линии либо в ее новом идейно-концептуальном оформлении. Новым сущностным моментам пока не удалось завоевать заметное место в практике макроэкономического регулирования либо в долгосрочных приоритетах налогово-бюджетной стратегии.

Ключевые слова: Япония, экономическая политика, социально-экономические реформы, «новый капитализм», экономическая безопасность.

Автор: Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы экономики и политики Японии Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23).
ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Швыдко В.Г. Три года премьерства Кисиды Фумио: «новый капитализм» и преемственность экономического курса // Японские исследования. 2025. № 2. С. 85—100. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-85-100.

V.G. Shvydko

Fumio Kishida's three years as prime minister: “New capitalism” and familiar economic policy

Abstract. The article explores practical and ideological aspects of economic policy of the Japanese government during the three-year tenure of Kishida Fumio as Prime Minister of Japan. It analyzes the theoretical concept of the “new form of capitalism,” which F. Kishida made the basis of his political image, and its connection with practical politics, noting a significant gap between the ideological characteristics of this concept and current economic policy. The emphasis on increasing the share of labor as a factor of production in the income structure, on the inclusiveness of the economic system, and on the importance of distribution relations has not been accompanied by major changes in the tax and budget policy, labor relations, and relations between government and business. The role of the driving force of socio-economic change has in fact been assigned to technological progress and the evolution of social practices. This confirms the nature of Japan's Liberal Democratic Party as a political force based on the conservative consensus and not inclined to radical steps and bold institutional transformations.

The article describes practical economic policy of Fumio Kishida's cabinets as succeeding that of the second half of the 2010s, in particular, the set of views and measures associated with the name of the then-leader of the LDP, Prime Minister Shinzō Abe (“*Abenomics*”). It is noted that continuity was characteristic of the main aspects of fiscal, monetary, and institutional policies of Kishida cabinets. Also, the effect of the pursued policy turned out to be higher than that of the predecessors.

The period of Kishida's premiership witnessed a number of new aspects in the government's economic approaches. At the same time, it is noted that, for the most part, they were nothing more than a change in priorities within the old framework or merely marks of a new ideological and conceptual formulation. Significant changes have not been seen so far in macroeconomic regulation or in the long-term priorities of the fiscal strategy of the Japanese government.

Keywords: Japan, economic policy, social and economic reforms, “new capitalism”, economic security.

Author: *Shvydko Vitaly G.*, Candidate of Sciences (Economics), Leading researcher, Head of Japan Economy and Politics Group, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation).

ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shvydko, V.G. (2025). Tri goda prem'erstva Kisida Fumio: «novyi kapitalizm» i preemstvennost' ekonomicheskogo kursa [Fumio Kishida's three years as prime minister: “New capitalism” and familiar economic policy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 85—100. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-85-100.

«Новый капитализм» как лозунг нового лидера

Три года, с октября 2021 г. по октябрь 2024 г., крупнейшую политическую партию Японии и, соответственно, формируемое ею коалиционное правительство возглавлял опытный политик консервативного направления Кисида Фумио. Примечательно, что накануне выборов председателя Либерально-демократической партии (ЛДП) в конце сентября 2021 г., будучи претендентом на этот пост, Ф. Кисида сделал ставку на имидж реформатора, обещая в случае своего избрания не просто обеспечивать слаженную работу существующих механизмов управления, а работать над коренным преобразованием общественных отношений. Уже на этом этапе он попытался связать свое имя с лозунгом-клише «новый капитализм», демонстрируя тем самым не только аппаратные, но и идейные амбиции с прицелом на личную популярность в обществе и лидерство по отношению к активной части японского политического класса.

Пытаясь выделиться из ряда претендентов на лидерство в своей партии и учитывая опыт предшественников, он выступил с рядом публичных заявлений, которые в европейской системе политических координат характерны скорее для деятелей левой, а не правоконсервативной ориентации. Во-первых, он настойчиво подчеркивал важность функции распределения и перераспределения экономических благ, тем самым отодвигая в сторону традиционную правую повестку с ее апологией бизнеса и эффективности частной инициативы в противовес регулятивно-распределительным функциям «социального государства».

Во-вторых, выводя на передний план вопрос о «справедливом» распределении создаваемых экономикой благ, он делал упор не столько на рыночную эффективность, сколько на инклюзивность социально-экономической системы: востребован и вознагражден в этой системе должен быть каждый, независимо от его ценности как субъекта рыночных отношений.

И, наконец, в-третьих, в его выступлениях отчетливо звучала тема моральных требований к бизнесу, который в новых условиях должен в своих действиях руководствоваться не краткосрочными, а долгосрочными соображениями, и не столько мотивами извлечения прибыли, сколько интересами реализации стратегических общественных целей.

Все эти рассуждения были кодифицированы Ф. Кисидой в форме идеи «нового капитализма», которую впоследствии, уже после своего избрания, он сделал главным лозунгом своего премьерства и возглавляемых им кабинетов министров. На этом этапе Ф. Кисида попытался придать этому лозунгу форму полноценной, тщательно проработанной концепции, чтобы ЛДП как партия и как ведущая политическая сила взяла ее на вооружение.

Уже в своей инаугурационной речи на первой для новоизбранного премьера сессии парламента он заявил о намерении не ограничиваться созданием условий для экономического роста и оздоровления финансов, а попытаться перенести на японскую почву идеи «преодоления порочных последствий неолиберальной политики», к которым он отнес имущественные разрывы, экологические проблемы и чрезмерную зависимость от транснациональных торгово-производственных цепочек, и тем самым реализовать концепцию «капитализма нового типа». В ка-

честве столпов последнего было продекларировано формирование «созидательного круга роста и распределения» и «посткоронавирусного нового общества»¹, что, впрочем, не проясняло, в какие конкретные решения и действия эти лозунги должны трансформироваться.

Несколько большую ясность, как предполагалось, должен был внести созданный новым премьером Совет по реализации «нового капитализма» (*Атарасий сихонсюги дзицугэн кайги*), для организации работы которого при кабинете министров был учрежден соответствующий постоянный секретариат (*Атарасий сихонсюги дзицугэн хомбу*)². Первый и главный документ, подготовленный в рамках деятельности совета и опубликованный в июне 2022 г.³, представлял собой своего рода политический манифест, излагавший различные аспекты видения будущего японского общества.

Однако внимательное знакомство с содержанием этого текста обнаруживает в нем скорее добросовестное изложение уже знакомых по документам предыдущих кабинетов нарративов, нежели радикальное их изменение. В качестве задач и вызовов для государства и правительства называются все те же моменты — улучшение ситуации с людскими ресурсами («накопление человеческого капитала») и стимулирование прогресса технологий и инновационного бизнеса («выращивание стартапов»). Разница лишь в том, что в новой интерпретации эти задачи, равно как и способы их реализации, «упакованы» в идею преодоления вековой дихотомии «рынок или государство», или «частный или общественный сектор», путем синтеза их составляющих по формуле «и то, и другое». То есть ответом, по словам авторов документа, должно стать сочетание и соединение рынка и государства, частного и общественного секторов. Сам же синтез был объявлен сутью «грандиозной трансформации» капитализма и перехода к новой его форме, означающей смену исторических эпох.

На самом деле, идею сочетания, синтеза общественного и частного, государства и рынка вряд ли можно назвать революционной. В той или иной форме она лежит в основе идеологии и практической деятельности всех мейнстримных политических сил на современном Западе, где главные водоразделы уже давно проходят скорее по линии «изоляция vs открытость международной конкуренции», нежели «рынок vs государство». Все наиболее острые формы реальной (а не придуманной) политической конкуренции в современных западных обществах концентрируются вокруг проблем, связанных с оценкой желательной степени открытости экономики и общества, диалектическим сочетанием национального суверенитета и наднационального регулирования. Это, в первую очередь,

¹ *Dainihyakugokai kokkai ni okeru Kishida naikaku sōridaijin shoshin hyōmei enzetsu* [Policy Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio to the 205th Session of the Diet]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/100_kishida/statement/2021/1008shoshinhyomei.html (дата обращения: 25.12.2024).

² URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/index.html (дата обращения: 25.12.2024).

³ *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku. Hito, gijutsu, stātoappusu he no tōshi no jitsugen. Reiwa 4 nen 6 gatsu 7 nichi* [Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~ Investing in People, Technology, and Startups. 07.06. 2022]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022.pdf (дата обращения: 25.12. 2024).

возможность делегирования части процесса принятия решений внешним или многосторонним институтам; свобода или ограничение трансграничного движения людей и капиталов; дисбалансы товарных потоков во внешней торговле и сопутствующие риски. Есть и другие остро дебатлируемые проблемы и противоречия, но вряд ли к ним можно отнести выбор между государственным и рыночным регулированием. Разумное использование обоих этих начал сегодня не подвергается сомнению ни одной из системных политических сил.

Это же относится и к необходимости учета соображений экономической безопасности, которую данный документ преподносит как еще один важный момент «новой формы» капитализма. Независимо от степени артикулированности, соображения национальной безопасности всегда присутствовали в экономической политике правительств и учитывались ими при принятии решений в «чувствительных» областях.

Вопрос о социальной ответственности бизнеса и согласования стратегии корпоративного управления с долгосрочными социальными целями также стоит в повестке уже в течение длительного времени, а постулируемые новации, например необходимость комплексного государственно-частного партнерства и институционализированных консультаций, как отмечает, в частности, И.Л. Тимонина, не противоречат традиционной практике японского бизнеса [Тимонина 2023, с. 105].

В этом отношении включение в публичную повестку концепции «нового капитализма» и мер по ее реализации не превращает ЛДП в партию реформирования общественных основ, что наглядно показали последние три года. Более того, оно не внесло ничего существенно нового по сравнению с предшествующими двумя десятилетиями: ЛДП была и остается консервативной политической силой, стремящейся не совершать резких разворотов и новаций, способных потрясти основы японского общества и разрушить его относительную стабильность. И это в полной мере может быть отнесено и к лозунгу «грандиозной трансформации», внесенному в политическую повестку Ф. Кисида.

Пожалуй, наиболее выпукло это проявляется в нарративе о том, как формирование «нового капитализма» будет смягчать и решать социальные проблемы японского общества — имущественное неравенство, «выпадение» из общества различных категорий его членов, имеющих физические, психологические или бытовые ограничения; разрывы между процветающими и депрессивными территориями, и др. Описание будущего улучшения ситуации по этим направлениям изобилует ссылками на формулируемые в самом общем виде «меры помощи и поддержки» со стороны государства, а также на ожидаемую преобразующую силу новых технологий. В немалой степени надежды на прогресс в решении социальных проблем связываются также с ожидаемым развитием общественной культуры, облагораживанием нравов и отношений, укреплением духа солидарности и поддержки нуждающихся, и т. п.

Характерно, например, что планы сокращения имущественных разрывов связываются с прогрессом и доступностью образования, распространением различных форм профессионального обучения и переобучения, финансовой грамотности. Новые финансовые и цифровые технологии должны распространить

на широкие слои населения растущие возможности финансового инвестирования и оптимизации использования сбережений. В то же время не ведется и речи о таких исторически известных приемах радикального реформирования социальных условий, как основательный пересмотр параметров налоговой системы; масштабное увеличение размеров социальных трансфертов; резкое ужесточение норм, определяющих режим труда и его оплаты.

В целом, описание предстоящего пути к «новому капитализму» удивительным образом напоминает уже предпринимавшиеся попытки кабинетов второй половины 2010-х гг. обрисовать грядущее пришествие нового общества (в официальных документах оно именовалось «постинформационным» укладом, или «обществом 5.0») в результате прогресса технологий и инноваций благодаря добродетельной роли просвещенного государства. Разница лишь в том, что роль движущего звена в цепочке позитивных взаимодействий различных факторов и компонентов развития теперь отводится правильному распределению (*бумпай*) создаваемых капитализмом благ в результате просвещенной политики государства, бизнеса и общества в целом. При этом сама идея прогресса как результата позитивных взаимодействий («созидательного круга», по-японски — *ко:дзюнкан*) элементов экономической системы остается неизменной, равно как и набор направлений и инструментов этого прогресса.

С этой точки зрения, видение процесса формирования «нового капитализма», изложенное в документах Совета по реализации «нового капитализма», выглядит вполне естественным именно для консервативной политической силы, выступающей за осторожное, аккуратное обращение со сложившимися экономическими институтами, но никак не для силы, олицетворяющей собой радикальное реформаторство.

Экономическая политика для «нового капитализма»

Весьма интересным моментом является и содержание экономической политики, которую авторы документа предлагали для реализации провозглашенного ими «нового капитализма».

На первое место в качестве экономических инструментов реализации новой концепции было поставлено *увеличение ценности «человеческого капитала»*, которое должно происходить двояким образом. С одной стороны, это государственные и частные вложения в образование и профессиональную подготовку населения, включая такие их аспекты, как гибкое содержание и адаптивность к меняющимся требованиям.

С другой — повышение хозяйственной активности населения и доли вознаграждения труда в структуре ВВП по видам доходов, то есть вознаграждения труда как фактора производства¹. В целях выполнения этой задачи предлагается стимулировать рост зарплат наемных работников через пересмотр условий, фик-

¹ Как справедливо подчеркивает И.П. Лебедева, при всей значимости иных источников дохода, основным источником средств к существованию для абсолютного большинства японцев является работа, главным образом по найму [Лебедева 2021, с. 60].

сируемых в ежегодных трудовых договорах, а также через повышение законодательно устанавливаемых минимумов оплаты труда. Этой же цели должно служить повышение нормативов, позволяющих исключать из налогооблагаемой базы часть прироста фонда оплаты труда, а также субсидировать повышение зарплаты на убыточных предприятиях. Отдельным предметом внимания должно стать доминирующее положение крупных предприятий-заказчиков по отношению к мелким подрядчикам и субподрядчикам, заставляющее последних удерживать зарплаты своих работников на неоправданно низком уровне.

Повышение рыночной ценности трудовых ресурсов, помимо вложений в образование и обучение, должно подкрепляться устранением институциональных барьеров для роста их мобильности. Это, в частности, возможность построения индивидуальных карьер путем более частой смены работодателя, формы занятости и сферы деятельности. По всем этим направлениям возможно и необходимо содействие со стороны органов власти. Следствием также должен стать рост зарплат и иных форм доходов от труда как фактора производства.

При этом предполагается, что рост стоимости труда будет компенсироваться повышением его производительности, так что конкурентоспособность японской экономики в целом, как минимум, не пострадает, а в оптимальном случае должна заметно вырасти.

Другим инструментом реализации идеи «нового капитализма» называлось *поощрение исследований и инноваций* путем сочетания государственной поддержки и частной инициативы. В качестве необходимых действий государства, помимо непосредственной финансовой поддержки, назывались меры по абсорбции рисков венчурного бизнеса и селективной поддержке талантливой молодежи в ее обучении и предпринимательской активности.

Довольно много слов в документе было посвящено необходимости обеспечить условия для массового применения и развития *цифровых технологий*, стимулировать их эффективное и безопасное использование как в частном секторе, так и в сфере общественных услуг. «Цифровой переход» преподносился как ключ к повышению эффективности и как средство демократизации экономики, стимулирования хозяйственной активности ранее не вовлеченных в нее групп населения.

Наконец, определенное место было отведено инструментам *воздействия на мотивацию бизнеса*, ориентирования его на долгосрочные и социально значимые задачи. В документе неоднократно упоминается задача «переориентирования бизнеса с показателей объема продаж и текущей рентабельности на создание новой добавленной стоимости». Однако конкретные инструменты такой переориентации ограничиваются изменением системы отчетности и оценки деятельности компаний с исключением из нее части текущих (квартальных) показателей. Как и в остальной части документа, в разделах, посвященных этой теме, налицо разрыв между постановкой амбициозных задач, часто излагаемых на японском бюрократическом новоязе, и крайне общим и часто невнятным описанием политического и экономического инструментария, призванного обеспечить решение этих задач.

В целом, знакомство с первоначальным программным документом Совета по реализации «нового капитализма», равно как и с его актуализациями 2023 и

2024 гг.¹, оставляет впечатление, что эта концепция является более или менее удачным пи-ар ходом, позволяющим создать впечатление нового подхода к старым проблемам, не накладывая на правительство никаких жестких обязательств. Новизна, как правило, состоит в дополнительной аргументации сформулированных предшественниками тезисов и подведении их под рамочную концепцию «новой формы капитализма», которая в дальнейшем обогащается социалистическими по сути идеями отказа от прибыли как критерия успеха в бизнесе, социальной и материальной эмансипации менее конкурентоспособных на рынке индивидов и групп населения, примата стабильности и безопасности в противовес высоким темпам экономического роста и рыночной эффективности. При этом из фокуса внимания фактически выводятся параметры текущего макроэкономического регулирования, его количественные ориентиры.

Так, в программном документе 2022 г. как манифесте «нового капитализма» фактически никак не были сформулированы конкретные параметры и ориентиры для текущей практической экономической политики в ее привычном выражении. Ничего не было сказано о параметрах государственного бюджета и его финансирования, размерах государственного долга, расчетных темпах инфляции и ориентирах денежно-кредитной политики, налогового и тарифного регулирования, регулирования трансграничных инвестиций, валютного рынка, и многого другого. Соответствующий раздел в тексте названного документа («Конструкция управления экономикой и государственными финансами») ограничивается несколькими общими фразами, отмечая необходимость «поддерживать конструкцию из трех «стрел» в виде решительной монетарной политики, адаптивной фискальной политики и стратегии роста, стимулирующей частные инвестиции»². Такая фразеология однозначно ассоциируется с известными «тремя стрелами» первоначального варианта «абэномики», да и по сути является ее естественным продолжением.

Экономическая политика кабинетов Ф. Кисида как продолжение «абэномики»

На самом деле, бросающееся в глаза сходство или, точнее, преемственность ключевых точек экономической политики кабинетов Ф. Кисида и положений, провозглашавшихся правительством и ЛДП за десять лет до этого, заметно не только на уровне слоганов и общих положений³. Если судить по публикуемым

¹ *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku. Hito, gijutsu, stātoappusu he no tōshi no jitsugen. 2023 nen kaiteihan* [Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. 2023 Revised version]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2023.pdf (дата обращения 25.12.2024) ; *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku. Hito, gijutsu, stātoappusu he no tōshi no jitsugen. 2024 nen kaiteihan kaiteihan* [Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. 2024 Revised version]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2024.pdf (дата обращения 25.12.2024).

² *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku*. С. 35.

³ На это обстоятельство, как обоснованно отмечает Е.А. Горячева, с самого начала указывали в японской экспертной среде [Горячева 2023, с. 15].

обзорам — как правительственным, так и внешним, в том числе международных экономических организаций¹ — направления и формы деятельности японского правительства в социально-экономической сфере в последние три года сохранили все основные моменты, характерные для предшествующего десятилетия. Как и в 2013—2020 гг., когда во главе правящей партии и правительства стоял С. Абэ, имя которого стало символом политического курса Японии того периода, в основе правительственной политики 2021—2024 гг. лежало использование нескольких многократно испытанных рычагов экономической политики.

Во-первых, это *активное маневрирование бюджетными расходами* (а точнее, их дополнительной частью, не обусловленной неотменяемыми фиксированными государственными обязательствами) для стимулирования внутреннего спроса, главным образом потребительского, и для смягчения экономических последствий неблагоприятных внешних воздействий — ценовых и административно-регулятивных, например скачков цен на сырье и энергию, протекционистских и политических ограничений на экспорт и импорт, санкций против отдельных субъектов, и др. Несмотря на дефицит госбюджета, регулярно принимаемые пакеты стимулирующих мер, требующих дополнительных бюджетных расходов, стали неизменной частью политического пейзажа и, одновременно, поводом для пиар-активности правительства, включая весь период премьерства Ф. Кисида.

Во-вторых, это стабильно выдерживаемая *мягкая денежная политика*, направленная на удешевление кредита и смягчение долговой нагрузки корпораций и государства. Последнее особенно актуально в связи с очень крупным по меркам развитых стран государственным долгом Японии, параметры обслуживания которого, в частности условия размещения новых займов, зависят от текущего уровня процентных ставок. Несмотря на то, что в 2024 г. произошла некоторая коррекция ставок, контролируемых центральным банком страны, в сторону повышения, их новый уровень оставался очень низким по сравнению с соответствующими индикаторами в США и странах еврозоны, не говоря уже о развивающихся странах. Активные разговоры о неизбежном и желательном ужесточении денежно-кредитной политики на протяжении всего периода премьерства Ф. Кисида оставались не более чем интеллектуальной спекуляцией экспертов, практически никак не воплощаясь в реальность.

В-третьих, это стремление закрепить небольшой, но устойчивый *рост внутренних цен* («преодоление дефляции», по-японски *дэфурэ даккяку*), в том числе за счет положительной динамики импортных цен и через поощрение повышения оплаты труда в стране. Это стремление вполне последовательно выдерживалось на протяжении всего периода пребывания Ф. Кисида на посту премьер-министра.

В-четвертых, это использование *относительно низкого* (в сравнении с уровнями десяти- или пятнадцатилетней давности) *курса иены* для стимулирования

¹ См., например, Japan. In: OECD Economic Outlook, Volume 2024 Issue 2. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2024-issue-2_d8814e8b-en/full-report/japan_0a2908f4.html#indicator-d1e7466-b07c47d29f (дата обращения: 25.12. 2024); Japan. In: OECD Economic Outlook, Volume 2024 Issue 1. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2024/issue-1_69a0c310-en#page145Japan (дата обращения: 25.12. 2024).

экспорта товаров и услуг. Интересы экспортеров, выигрывающих от дешевой иены, остаются для правительства более приоритетными, нежели интересы импортеров, заинтересованных в сравнительно дорогой национальной валюте.

Наконец, в-пятых, это поощрение *оптимизации транснациональных торгово-производственных цепочек* в интересах повышения конкурентоспособности японских крупных корпораций. При этом критерием является не только величина издержек, но и устойчивость конфигурации перед лицом политических и техногенных шоков. Несмотря на то, что построение таких цепочек является прерогативой самих компаний, правительственные рекомендации, как правило, воспринимаются ими достаточно серьезно.

Все названные моменты сохраняли свою актуальность в деятельности японских кабинетов периода «после Абэ». Несмотря на драмы, бушевавшие в публичной политике на фоне эпидемии коронавируса и борьбы с ее последствиями, а также регулярных скандалов в связи с обвинениями тех или иных публичных фигур в нарушении юридических и поведенческих норм, все названные принципиальные положения экономической политики сохранялись в качестве приоритетных.

Более того, судя по статистике, именно в последние годы эти меры оказались даже более адекватными существующим условиям. Во всяком случае, эффект в виде нормализации условий для экономического роста был более ощутимым, чем в период «абэномики», о чем свидетельствует сопоставление динамики некоторых компонентов совокупного спроса в последние «доковидные» годы и в «период Кисида» (табл. 1).

Таблица 1. Динамика отдельных компонентов ВВП в 2018—2023 гг. (прирост к предшествующему году, в постоянных ценах, %)

| | 2018 | 2019 | 2020 | 2021 | 2022 | 2023 |
|---|------|------|------|------|------|------|
| Частное потребление | 0,2 | -0,6 | -4,4 | 0,7 | 2,1 | 0,8 |
| Частные инвестиции в оборудование | 2,3 | -0,7 | -5,1 | 1,7 | 2,6 | 1,5 |
| Частные инвестиции в жилищное строительство | -6,4 | 4,5 | -7,6 | -0,3 | -2,7 | 1,5 |

Источник: Статистика национальных счетов правительственного Института экономических и социальных исследований (ESRI). URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/kakuhou/files/2023/2023_kaku_top.html (дата обращения: 25.12. 2024).

Действительно, частное потребление преодолело последствия пандемии, относительно стабилизировалось, а в 2024 г., судя по имеющимся показателям за первые три квартала, росло достаточно энергично. Положительную динамику показали и производственные инвестиции, что подкреплялось еще более заметным ростом операционной прибыли корпораций и их рентабельности.

Динамика потребительских цен после 2022 г. в сравнении с показателями соответствующего месяца предшествующего года постоянно была положительной, временами демонстрируя рост на беспрецедентные для последних десятилетий 3—4 %; вероятность возвращения дефляции сегодня рассматривается как малая.

Ощутимое оживление экономической активности на фоне заметного снижения средних значений курса иены способствовало притоку капитала из-за рубежа для финансовых инвестиций в японские активы, что породило длительное «ралли» фондовых индексов, достигших уровней периода «фондового пузыря» конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Все это, конечно, не означает окончание периода долгосрочной стагнации: об устойчивом росте экономики темпами 2—3 % в год, что провозглашалось едва ли не главной задачей десять лет тому назад, говорить рано, если вообще возможно. Еще более нереалистично сегодня говорить о решении в обозримой перспективе задачи оздоровления японских государственных финансов, во всяком случае, в традиционном ее понимании. Тем не менее, более узкие задачи, которые ставила перед собой «абэномика», а именно: уход от дефляции, дешевый кредит, более дешевая иена, более оптимистичные ожидания потребителей и бизнеса, оказались в значительной степени реализованными.

При сохранении преемственности — новые моменты

И все же, при всей преемственности макроэкономической и фискальной политики кабинетов 2022—2024 гг. по отношению к предшественникам, можно отметить некоторые новые акценты, которые отличают три года премьерства Ф. Кисида от «эпохи Абэ» и «абэномики».

Прежде всего, это *смена идеологической парадигмы*, объединяющей разрозненные меры текущей политики в единое целое. В 2010-е гг. таковой служила идея конкурентоспособности Японии в условиях глобализации. Предполагалось, что в условиях либерализации международной торговли и инвестиций обладание страной значительными интеллектуальными, управленческими и дешевыми финансовыми ресурсами обеспечит японским компаниям высокую международную конкурентоспособность. Это, в свою очередь, позволит стране занять одно из самых высоких мест в международной таблице национальной конкурентоспособности в условиях глобализации, подразумевающей дальнейшее снятие барьеров для трансграничной миграции факторов производства. Считалось, что даже в максимально либерализованной мировой экономике организационно-технический и интеллектуальный потенциал крупных японских корпораций позволяет им рассчитывать на успехи в глобальной конкурентной борьбе, стабильный рост и экспансию на новых рынках. Потеря же японской экономикой динамизма и, как следствие, снижение ее международного веса в 1990-е и 2000-е гг. рассматривались как досадное, но временное явление, которое должно смениться «нормализацией» в виде возвращения Японии в ряды мировых лидеров¹.

В период 2022—2024 гг., который теперь условно можно назвать «периодом Кисида», тезис о национальной конкурентоспособности в условиях глобализации практически исчез из официальных программных документов. Его невоз-

¹ Характерно, что подзаголовком первого (и главного) стратегического документа «эпохи Абэ» — «Стратегия ревитализации Японии» — была фраза *Japan is Back* («Япония возвращается»).

можно обнаружить ни в фундаментальной «Комплексной экономической политике для полного преодоления дефляции», принятой в ноябре 2023 г.¹, ни в ежегодных докладах кабинета министров о состоянии экономики и государственных финансов² в течение всего «периода Кисида»³. В официальных правительственных обзорах состояния и перспектив мировой экономики вместо обширных пассажей о продвижении экономической глобализации можно было увидеть констатацию застоя международной торговли и снижения ее пропорции к ВВП после кризиса 2008—2009 гг., в особенности после 2018 г., а также растущего стремления к локализации производственных цепочек как в Восточной Азии, так и в других регионах мира⁴. Естественно, что в этих условиях для правительственной экономической политики нужна была другая идеологическая и концептуальная рамка.

Если в долгосрочном или, если можно так выразиться, общефилософском плане такой рамкой мог служить «новый капитализм», то на более приземленном уровне в качестве таковой был выбран лозунг защиты и безопасности — защиты населения и бизнеса от привносимых шоков и обеспечения экономической безопасности. В качестве обобщающей задачи в правительственные документы прочно вошел нарратив нарастающих угроз и вызовов — частью имеющих внутреннюю природу, как например неблагоприятная демографическая ситуация, но большей частью экзогенных по отношению к японской экономике и обществу. В числе последних выделяются, в частности, политические кризисы и нарастание атмосферы конфронтации на глобальном и региональных уровнях, ценовые шоки на мировых рынках и дезорганизация международных технологических цепочек — как реальных, так и потенциальных. Как было сказано в предваряющей части «Ежегодного доклада...» 2024 г., «экономика страны сталкивается с многообразными встречными ветрами, включая труднопредсказуемые внешние шоки, и нельзя не отметить слабость ее способности к восстановлению»⁵.

¹ *Defure kanzen dakkyaku no tame ni sōgō keizai taisaku ~ Nihon Keizai no aratana suteji ni mukete* [Comprehensive Economic Measures to Fully Overcome Deflation ~ To the New Stage of the Japanese Economy]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/suisinkaigi/joukyou_dai3/joukyou_dai3/pdf/siryou_u9.pdf (дата обращения 25.12. 2024).

² Эти доклады заменили собой издававшиеся ранее ежегодные «Белые книги по экономике».

³ *Reiwa 6 nendo no nenji Keizai zaisei hōkoku. Netsuryō afureru no aratana suteji he* [FY 2024 Annual Report on the State of Economy and Public Finance. To a New Stage with Great Energy]. https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je24/index_pdf.html; *Reiwa 5 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku. Ugokihajimeta bukka to chingin* [FY 2023 Annual Report on the State of Economy and Public Finance. Prices and Wages Start Moving]. <https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je23/index.html> (дата обращения 25.12. 2024); *Reiwa 4 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku. Hito he no tōshi wo gendōryoku to suru seichō to bumpai no kōjūkan jitsugen he* [FY 2024 Annual Report on the State of Economy and Public Finance. To a Virtuous Circle of Growth and Distribution Based on Investment in People]. URL: <https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je22/index.html> (дата обращения 25.12. 2024).

⁴ *Sekai keizai no chōryū 2023-II. Chūgoku no baransushito no chōsei, sekaitekina sabisu bōeki no hatten* [Trends in the World Economy. Moderating China's Balance Sheet, Growth of International Trade]. Pp. 103—105. URL: https://www5.cao.go.jp/j-j/sekai_chouryuu/sa23-02/sa23.html (дата обращения 25.12. 2024).

⁵ *Reiwa 6 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku*. P. 5.

Соответственно, меры экономической политики, предлагаемые либо реализуемые правительством, подаются им именно как ответ на внешние шоки и защита от них наиболее уязвимых сегментов населения и бизнеса. Именно этим мотивируется необходимость субсидирования цен и/или потребления моторного топлива и топочного мазута, а также прямых денежных выплат некоторым категориям мелких предпринимателей и домохозяйств, оказавшихся в сложном положении из-за антиковидных мер и удорожания импорта энергоносителей. В этом же ключе трактуется и поддержка «зеленого» и цифрового переходов — как решение задачи обретения внутренней экономической стабильности и независимости от внешних факторов. С темой экономической и национальной безопасности увязывается и политика стимулирования внутренних инвестиций, сопровождаемая в документах отсылкой к широкому кругу вопросов безопасности — от локализации цепочек добавленной стоимости до информационной и кибербезопасности. Фоном для аргументации мер, снижающих зависимость от действий внешних по отношению к японской экономике акторов, становится нарратив нарастания в окружающем мире протекционистских и политически мотивированных ограничительных мер — санкций, экспортного контроля, торговых тарифов, регулирования иностранных инвестиций, и др., что, по умолчанию, резко увеличивает риски для экономики и благосостояния Японии.

Другим новым моментом, внесенным в японскую экономическую политику в «период Кисида», можно назвать *повышенное внимание к состоянию трудовых ресурсов*. Похоже, что сотрудничающим с ЛДП экспертам удалось убедить партийное руководство в том, что рост экономики в сегодняшней Японии сдерживает не столько дефицит инновационных технологий, сколько ограниченность человеческого ресурса. Соответственно, при всей важности содействия НИОКР, венчурному бизнесу, стартапам и т. п., более весомую часть бюджетной поддержки следует направить на оптимизацию рынка трудовых ресурсов.

В результате, и в теории, и на практике меры по облегчению выхода на рынок труда категорий населения, обремененных необходимостью ухода за детьми и престарелыми; нуждающихся в переобучении и переквалификации; имеющих ограничения по формам и способам занятости, и др., получили больший приоритет и в плане финансирования, и в плане реформирования институциональной среды. Последнее включало в себя повышение гибкости юридических форм найма, институционализацию стихийно возникших новых форм, например удаленной работы, а также уменьшение фактических препятствий для межфирменной мобильности занятых. Без лишней рекламы были также внесены изменения в законы, регулирующие привлечение некоторых категорий иностранной рабочей силы — в направлении облегчения режима их использования.

Еще один элемент новизны — это перенос акцента в экономической политике на *меры по поддержке доходов* в противовес мерам по стимулированию потребления. Ранее считалось, что в цепочке позитивных взаимодействий «потребление → цены → производство → доходы → потребление» именно потребление, то есть потребительские расходы, и есть то удобное для правительства звено, воздействием на которое можно запустить действие этой цепочки стимулирующих причинно-следственных связей. Теперь, в «период Кисида», было решено, что

большого результата можно добиться, если сосредоточить внимание на росте доходов. Тем более что это идеально согласовывалось с описанной в первой части идеей «нового капитализма», которая выдвигала на первый план распределительные отношения и задачу повышения доли труда в совокупных доходах факторов производства.

В результате темпы роста зарплат, результаты ежегодных кампаний по перезаключению коллективных трудовых договоров на очередной финансовый год (*сюнто*), повышение законодательно устанавливаемых минимумов оплаты труда и устранение в ней дискриминации по половозрастному признаку помещались в фокус публичной активности правительства. Несмотря на отсутствие кардинальных сдвигов в названных областях, правительство неизменно отмечало свою роль в увеличении доходов наемных работников в форме повышения зарплат государственных служащих, давления на предпринимательские объединения, а также на местные органы власти, отвечающие за регулирование норм минимальной оплаты труда.

В это же время в оборот был введен термин «структурное повышение заработной платы» (*ко:до:тэки тинбагэ*) — рост оплаты труда и его доли в добавленной стоимости путем повышения удельного веса более сложных, квалифицированных и высокооплачиваемых его видов. Последнее, видимо, должно достигаться за счет повышения квалификации уже занятых и новых работников, а также изменений в структуре рабочей силы и высвобождения наименее оплачиваемой ее части.

Наконец, еще один относительно новый элемент, характерный для «периода Кисида» — это нарратив *особой значимости оживления внутренних инвестиций*. Принципиальной новизны в этом нарративе, естественно, нет: это не более чем изменившаяся расстановка акцентов. Тем более что каких-либо новых масштабных схем и механизмов такого стимулирования предложено не было. Речь идет, скорее, об относительно небольших изменениях в налоговом режиме, обсуждение которых было запланировано на 2024 фин. год, а также о продолжении поддержки исследований и инноваций за счет государственных и общественных фондов.

Однако сам факт повышения приоритетности этого направления в деятельности правительства — пока хотя бы на вербальном и доктринальном уровнях — является примечательным. Дело в том, что в длящейся более десяти лет дискуссии о причинах долгосрочной стагнации японской экономики в последние годы все больше подчеркивается роль длительного снижения внутренней инвестиционной активности¹. По ряду причин, от неопределенной ситуации с тенденция-

¹ Коэффициент инвестиций предприятий японского частного сектора в материальные активы (то есть объем инвестиций в пропорции к стоимости соответствующих активов) почти два десятилетия после 2000 г. был меньше нормы их амортизации [Ishikawa 2023].

Следует заметить, что нормы амортизации являются бухгалтерским понятием, не обязательно коррелирующим с динамикой оценочной стоимости материальных активов, периодически подвергающихся переоценке. Однако и статистика оценочной стоимости производственного оборудования в частном секторе (соответствующие ряды данных в постоянных ценах рассчитываются в рамках системы национальных счетов) демонстрирует крайне вялую динамику

ми внутреннего спроса до возросших сложностей с прогнозированием издержек, японские производственные компании в своих стратегиях развития уделяли больше внимания зарубежной активности и зарубежным инвестициям, прежде всего в США, странах ЕС, КНР и других развивающихся экономиках АТР. Помимо сдерживающего воздействия на внутреннюю хозяйственную активность, в начале 2020-х гг. это обернулось дополнительными рисками из-за возросшей уязвимости торгово-производственных цепочек, в которых участвовали КНР, Тайвань и ряд других политически чувствительных локаций. Соответственно, росло понимание того, что добиться устойчивого роста в среднесрочной перспективе невозможно без целенаправленного стимулирования внутренних инвестиций, что нашло отражение и в правительственных документах. Упомянутый выше «Ежегодный доклад...» 2022 г. признает факт перекаса инвестиционной активности японских компаний в сторону внешних юрисдикций — активное учреждение ими подконтрольных зарубежных юридических лиц, покупку за рубежом местных компаний и вложение в них своих ресурсов — в ущерб вложениям капитала внутри Японии, и ставит задачу добиться перелома этой ситуации¹. Впрочем, перерастание этого понимания в эффективную практическую политику требует значительного времени, которого кабинетам Ф. Кисида, видимо, не хватило. Не исключено, однако, что стимулирование внутренней инвестиционной активности станет центральным моментом в экономической политике последующих кабинетов.

Библиографический список

Горячева Е. А. «Новый капитализм» Фумио Кисида и его значение для современной политико-экономической ситуации Японии // *Россия и АТР*. 2023. № 2. С. 11—27.

Лебедева И. П. Жизнь японцев в зеркале статистики и социологических опросов // *Япония*. Ежегодник 2021. Том 52. М.: Наука — Восточная литература, 2021. С. 37—64.

Тимонина И.Л. Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии // *Японские исследования*. 2023. № 2. С. 105—128.

References

Goryacheva, E. A. (2023). «Novyi kapitalizm» Fumio Kisida i ego znachenie dlya sovremennoi politiko-ekonomicheskoi situatsii Yaponii [“New Capitalism” Economic Development Plan by Fumio Kishida and Its Significance for the Modern Political and

этого показателя в последние десятилетия, что подтверждает тезис о дефиците внутренних частных инвестиций в производственные активы. URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/kotei/files/tables/2015/stock24q3_rn_jp.xlsx (дата обращения 25.12. 2024).

¹ *Reiwa 4 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku*. Ch. 3. §1-1

Economic Situation in Japan]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific], 2, 11—27. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2021). Zhizn' yaponsev v zerkale statistiki i sotsiologicheskikh oprosov [The Life of the Japanese in the Mirror of Statistics and Public Opinion Polls]. *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 52, 37—64. (In Russian).

Timonina, I. L. (2023). Problemy reformirovaniya korporativnogo upravleniya v kontekste novoi strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii [The Problems of Reforming the Entrepreneurial Structure and Business Competitiveness in the Modern Strategy of Socio-Economic Development of Japan]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 105—128. (In Russian).

* * *

Ishikawa, T. (2023). The decline in capital formation in Japan. *CEPR VoxEU columns*. October 4. Retrieved from <https://cepr.org/voxeu/columns/decline-capital-formation-japan>

Поступила в редакцию: 04.02.2025
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 04 February 2025
Accepted: 23 April 2025

М.П. Чижевская

Политика Японии в отношении палестино-израильского конфликта: разнонаправленные интересы и ограничивающие факторы (2023—2024 гг.)

Аннотация. Статья посвящена анализу политики Японии в отношении палестино-израильского конфликта после атаки ХАМАС на территорию Израиля 7 октября 2023 г. Главной коллизией японской политики в отношении региона является необходимость, с одной стороны, демонстрировать лояльность арабским странам, чтобы избежать повторения «нефтяного шока» 1973 г., с другой стороны — соответствовать внешнеполитической линии США, выступающих с про-израильских позиций. Поскольку эти два стремления являются практически взаимоисключающими, выбор линии поведения японского правительства представляет особый интерес.

Опираясь на документы и заявления МИД Японии, автор выводит и объясняет официальную позицию Токио в отношении конфликта, рассматривает причины ее расхождения с США и историческую мотивацию. Для того, чтобы сформулировать интересы и ограничивающие факторы в ходе обострения конфликта, автор использует метод кейс-стади. Критерием отбора кейсов стало наличие расхождений между позициями Японии и США, поскольку в таких ситуациях наиболее ярко проявляются сложности, с которыми сталкивается японская дипломатия. По этому признаку были выбраны два наиболее ярких кейса: реакция Японии на нападении ХАМАС и последующие военные действия Израиля, а также отказ мэрии Нагасаки пригласить посла Израиля на церемонию мира 9 августа 2024 года. Автор рассматривает эти кейсы, используя элементы ивент-анализа: отмечаются наиболее значимые вербальные и физические действия, в отношении каждого из них выделяются субъект (актор) и объект (аудитория) принятых действий.

На основании анализа кейсов удалось выделить пять аудиторий, позицию которых японское правительство вынуждено учитывать при выработке политики в отношении конфликта: это правительство США, правительства арабских стран, страны-члены ООН, соседние страны Юго-Восточной Азии и, что немаловажно, внутренняя японская аудитория, в которой сильны пацифистские настроения.

Автор делает вывод, что в условиях ограничений со стороны пяти значимых для нее аудиторий Японии не всегда удается угодить всем, однако в целом ее дипломатию в отношении конфликта 2023—2024 гг. можно признать достаточно успешной.

Ключевые слова: Япония, Израиль, Палестина, палестино-израильский конфликт, ХАМАС, японо-американские отношения.

Автор: *Чижевская Мария Павловна*, старший преподаватель кафедры международных отношений и политических процессов стран Азии и Африки Института востоковедения и африканистики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

ORCID: 0000-0002-2778-2554; E-mail: mchizhevskaya@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чижевская М.П. Политика Японии в отношении палестинно-израильского конфликта: разнонаправленные интересы и ограничивающие факторы (2023—2024 гг.) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 101—121. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-101-121.

M.P. Chizhevskaya

Japan's policy regarding the Israeli-Palestinian conflict: Balancing divergent interests and strategic constraints (2023—2024)

Abstract. The article examines Japan's policy towards the Israeli-Palestinian conflict in the aftermath of the Hamas attack on Israel on October 7, 2023. A core dilemma in Japan's approach lies in balancing its loyalty to Arab nations — crucial for securing energy supplies and avoiding a repeat of the 1973 “oil shock” — with its alignment to the United States' pro-Israel stance. These conflicting priorities make Japan's diplomatic behavior in this context particularly significant.

Using official documents and statements from Japan's Ministry of Foreign Affairs, the author outlines Tokyo's official position, explores its divergence from U.S. policy, and traces its historical motivations. To highlight Japan's strategic challenges during the conflict's escalation, the study employs the case study method. Two key cases are analyzed: Japan's immediate response to the Hamas attack and subsequent Israeli military actions, and Nagasaki City Hall's decision not to invite Israel's ambassador to its peace ceremony on August 9, 2024. These cases were selected for their illustration of Japan's difficulties in reconciling with the U.S. position as its main ally. The author analyzes these cases by employing elements of event analysis. Specifically, the most significant verbal and physical actions are identified, and for each action, the subject (actor) and the object (audience) are clearly defined.

The analysis identifies five key audiences that shape Japan's policy regarding this conflict: the U.S. government, Arab governments, UN member states, neighboring Southeast Asian countries, and, importantly, Japan's domestic public, which strongly favors pacifism.

The study concludes that, while Japan's diplomacy during the 2023—2024 conflict could not satisfy all these audiences simultaneously, it was nonetheless relatively successful in navigating these competing pressures.

Keywords: Japan, Israel, Palestine, Israeli-Palestinian conflict, Hamas, U.S.-Japan relations.

Author: *Chizhevskaya Maria P.*, Senior Lecturer, Institute of Oriental and African Studies, National Research Institute Higher School of Economics in Saint Petersburg. ORCID: 0000-0002-2778-2554. E-mail: mchizhevskaya@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Chizhevskaya, M.P. (2025). Politika Yaponii v otnoshenii palestino-izra-il'skogo konflikta: raznonapravlennye interesy i ogranichivayushchie faktory (2023—2024 gg.) [Japan's Policy regarding the Israeli-Palestinian conflict: Balancing divergent interests and strategic constraints (2023—2024)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 101—121. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-101-121.

Введение

Многолетний конфликт Израиля и арабских стран служит источником постоянной турбулентности в регионе. Обострение конфликта в результате атаки палестинской организации ХАМАС на территорию Израиля 7 октября 2023 г. актуализировало ближневосточную повестку во внешней политике в том числе внерегиональных игроков, к которым относится и Япония.

Несмотря на то, что Япония расположена в географически отдаленном регионе Восточной Азии, она вынуждена вырабатывать собственную позицию в отношении этого конфликта, поскольку в высокой степени зависит от импорта нефти из арабских стран Персидского залива. Стремясь сохранять конструктивные отношения с арабскими странами, Япония также не может не учитывать позицию США — своего главного союзника, который в этом длительном конфликте последовательно занимает сторону Израиля. Необходимость лавировать между соображениями экономической целесообразности и политической конъюнктуры остается актуальной для японской внешней политики в течение практически всего послевоенного периода.

Эти два базовых фактора — экономическая зависимость от арабских стран и политическая зависимость от США, задают тон японской политике в отношении конфликта. Цель данной статьи — выяснить, как именно эти факторы работают в конкретных ситуациях (кейсах), где японский истеблишмент вынужден выбирать риторику и предпринимать какие-либо действия; а также определить, является ли влияние этих двух факторов исчерпывающим, или существуют дополнительные ограничивающие факторы.

Данная проблематика задала следующую структуру статьи. В первом разделе рассматривается официальная позиция Японии в отношении палестино-израильского конфликта, зафиксированная в материалах Министерства иностранных дел (МИД) Японии, объясняются ее особенности и историческая мотивация. Второй раздел представляет методологию исследования: критерии выбора кейсов и алгоритм их анализа. Третий и четвертый разделы посвящены непосредственно разбору двух кейсов; пятый раздел суммирует и объясняет факторы, выявленные в ходе анализа кейсов. Завершает статью заключение, в котором приводятся выводы исследования.

Официальная позиция Японии в отношении конфликта

В отношении Палестины и Израиля Япония стремится выступать нейтральным игроком, поддерживая стабильные отношения с обеими сторонами конфликта. Согласно официальной позиции, сформулированной в документах МИД, Япония руководствуется тремя принципами: 1) политический диалог с обеими сторонами; 2) содействие укреплению доверия между Израилем и Палестиной; 3) оказание экономической помощи Палестине¹. По каждому из этих пунктов Япония реализует ряд заметных инициатив.

¹ Japan's Position on the Peace in the Middle East. January 13, 2015. https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/stance.html; Japan's assistance to the Palestinians. January 2025. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000042388.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

1) Политический диалог с обеими сторонами

С Израилем Япония поддерживает отношения благожелательного партнерства. Обе страны являются союзниками США, их отношения строятся преимущественно вокруг экономической доминанты [Марьясис, Якимова 2024, с. 38—39]. Япония и Израиль обмениваются визитами на высшем уровне: последние из них состоялись в 2023, 2018, 2015, 2014 гг.¹ Особенно активно контакты развивались при премьер-министре Абэ Синдзо, который расширил сферу взаимодействия и на вопросы безопасности². В Японии ценят опыт Израиля в обеспечении антитеррористических мер, кибербезопасности, разведки³.

С Палестиной Япония также активно развивает диалог. В Японии действует дипломатическая миссия Палестинской автономии во главе с послом Валидом Сиамом⁴. За последние десять лет проводилось несколько встреч на высшем уровне, включая два саммита в 2018 и 2016 г.⁵ Крупной инициативой Японии является Конференция по сотрудничеству между восточноазиатскими странами для развития Палестины (англ. Conference on Cooperation among East Asian Countries for Palestinian Development, CEAPAD), проходящая регулярно с 2013 г. под председательством Японии и Палестины. В 2024 г. рабочие встречи в рамках конференции прошли дважды с участием представителей Южной Кореи, Малайзии, Индонезии, Вьетнама, Филиппин, Сингапура и других азиатских стран, а также международных организаций⁶.

2) Содействие укреплению доверия между Израилем и Палестиной

Следуя идее о необходимости способствовать контактам Палестины и Израиля, Япония в 2006 г. запустила программу «Коридор для мира и процветания», в организации которой задействованы не только Палестина, но и Израиль, а также Иордания. Программа направлена на развитие предпринимательства в Палестине: ее ключевым элементом является строительство и развитие Аграрно-индустриального парка в г. Иерихон (Западный берег реки Иордан), где создаются условия для развития палестинского частного сектора: на январь 2025 г. в нем функционировало 16 производств⁷.

¹ Japan-Israel Relations (Archives). July 26, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/israel/archives.html (дата обращения: 06.03.2025).

² Примером служит Заявление по результатам встречи Абэ Синдзо и Беньямина Нетаньяху 11—14 марта 2014 г., включающего пункты о сотрудничестве на уровне министерств обороны: Japan-Israel Joint Statement on Building a New Comprehensive Partnership. May 12, 2014. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000038423.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

³ Н. Shinoda. What Japan Should Pursue in the Face of the Gaza Crisis [Conference Papers]. May 22, 2024. URL: <https://roles.rcast.u-tokyo.ac.jp/publication/20240512-1> (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ Palestinian Authority. The Permanent General Mission of Palestine. June 7, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/about/emb_cons/protocol/rep.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Japan-Palestine Relations (Archives). May 27, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/palestine/archives.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁶ Japan-Palestine Relations. February 21, 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/palestine/index.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁷ Japan's assistance to the Palestinians. January 2025. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000042388.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).

3) Оказание экономической помощи Палестине

Япония выступает активным донором: с 1993 г., когда было заключено соглашение «Осло-1»¹, она предоставила Палестине помощь в размере 2,6 млрд долл. США, только с октября 2023 г. — гуманитарную помощь на сумму около 230 млн долл. США². Япония оказывает помощь как через собственное агентство международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency, JICA), так и через международные организации — Ближневосточное агентство ООН по оказанию помощи и организации работ для палестинских беженцев (UNRWA), Всемирную продовольственную программу ООН (WFP), ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Международный комитет Красного Креста и др.

Таким образом, можно говорить об активной позиции Японии: она стремится не только сохранять рабочие контакты с обеими сторонами, но и выступать медиатором между Палестиной и Израилем, а также оставаться среди мировых лидеров донорской помощи Палестине.

В отношении многолетнего палестино-израильского конфликта Япония, как и большинство крупных стран за исключением Израиля и Ирана, поддерживает идею создания двух государств. Токио признает решения ООН и в официальном дискурсе отстаивает необходимость разрешения конфликта мирным путем, поддержки беженцев, финансовой и гуманитарной помощи жителям сектора Газа и Западного берега реки Иордан³.

Интересно, что в официальной позиции, изложенной на сайте МИД, указано, во-первых, что переговоры о границе должны проходить на основе границ 1967 г., и во-вторых, что статус Иерусалима должен определяться путем переговоров⁴. Отмечается, что Япония «не признает никаких односторонних попыток, которые могут предрешить окончательный статус Иерусалима, включая *израильскую* аннексию Восточного Иерусалима»⁵ (курсив наш. — М. Ч.), и «выражает глубокую озабоченность изменением статус-кво Восточного Иерусалима, в частности продолжением поселенческой деятельности и сносом палестинских домов»⁶. Здесь отдельные действия израильской стороны отмечены как неприем-

¹ Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению («Договоренности Осло»). 14 сентября 1993 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (дата обращения: 02.03.2025).

² Japan's assistance to the Palestinians. January 2025. <https://www.mofa.go.jp/files/000042388.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

³ Japan's Position on the Peace in the Middle East. January 13, 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/stance.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ Ibid.

⁵ Согласно официальной позиции ООН, по результатам переговорного процесса Иерусалим должен стать столицей обоих будущих государств: Западный Иерусалим — столицей Израиля, Восточный Иерусалим — палестинского государства. Данное положение зафиксировано, например, в материалах Комитета ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа: Key issues at stake. <https://www.un.org/unispal/ru/permanent-status-issues/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁶ Материалы Комитета ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа: Key issues at stake. URL: <https://www.un.org/unispal/ru/permanent-status-issues/> (дата обращения: 02.03.2025).

лемые, в то время как подобных прямых отсылок к действиям палестинской стороны нет.

В этом отношении японская позиция расходится с позицией США, поэтому указанные детали заслуживают отдельного внимания.

1) Тезис о необходимости опираться на границы 1967 г.

Границы 1967 г. — это границы между Израилем и соседними Египтом, Сирией и Иорданией, существовавшие до «шестидневной войны». В результате войны Израиль захватил территории Западного берега реки Иордан и восточную часть Иерусалима у Иордании, сектор Газа (оставлен израильскими войсками добровольно в 2005 г.) и Синайский полуостров (возвращен по договору 1979 г.) у Египта, Голанские высоты у Сирии¹. Позиция Совета Безопасности ООН по этому вопросу изложена в Резолюции 242, предписывающей Израилю вывести войска с оккупированных территорий и решить проблему беженцев². Таким образом, упоминая о границах 1967 г. и тем самым поддерживая резолюцию ООН, Япония занимает сторону арабских стран, в т.ч. Палестины, что контрастирует с позицией США.

Официально США также придерживаются двухгосударственного решения, однако в официальных документах не упоминают о границах³. В апреле 2024 г. США единственные из всех членов Совбеза ООН ветировали резолюцию о предоставлении Палестине статуса полноправного члена ООН, аргументировав решение тем, что Палестинская автономия не соответствует необходимым критериям⁴. На последующем заседании Генеральной Ассамблеи ООН государства-члены приняли резолюцию о повышении статуса Палестины в ООН без предоставления права голоса. США голосовали против этой резолюции в числе всего девяти государств, в т.ч. Израиля⁵; Япония, наоборот, голосовала в поддержку⁶.

2) Статус Восточного Иерусалима

В декабре 2017 г., во время своего первого срока на посту президента США Дональд Трамп подписал указ о переносе посольства из Тель-Авива в Иеруса-

¹ Territory occupied by Israel in 1967 and UN peacekeeping forces — Map. November 1, 1978. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-197117/> (дата обращения: 23.01.2025).

² Mideast situation/Withdrawal of Israeli forces, termination of states of belligerency — Resolution 242 — Security Council resolution. Resolution 242 (1967) of 22 November 1967. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-184858/> (дата обращения: 23.01.2025).

³ Например, здесь: U.S. Relations With Palestinian Territories. January 20, 2025. <https://www.state.gov/u-s-relations-with-palestinian-territories> (дата обращения: 23.01.2025); или здесь: Integrated Country Strategy. Office of Palestinian Affairs. U.S. Mission Jerusalem. July 5, 2024. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/07/ICS_NEA_OPA_Public-Release.pdf (дата обращения: 23.01.2025).

⁴ US vetoes Palestine's request for full UN membership. April 18, 2024. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/04/1148731> (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ At Emergency Special Session, General Assembly Overwhelmingly Backs Membership of Palestine to United Nations, Urges Security Council Support Bid. May 10, 2024. URL: <https://press.un.org/en/2024/ga12599.doc.htm> (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ UN General Assembly presses Security Council to give 'favourable consideration' to full Palestinian membership. May 10, 2024. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/05/1149596> (дата обращения: 23.01.2025).

лим, тем самым воплотив решение, принятое еще Биллом Клинтонем в 1995 г. Этот шаг вызвал остро негативную реакцию не только в арабском мире, но и в ООН. 21 декабря Генеральная Ассамблея ООН приняла подавляющим большинством голосов резолюцию, призывающую не переносить посольства в Иерусалим, чтобы не провоцировать новых конфликтов в регионе. Против проголосовали девять государств, в т.ч. США и Израиль¹. Япония поддержала резолюцию, однако вопрос голосования оказался для нее дипломатически сложным. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо в то время воздержался от оценки позиции США, отметив, что критика была бы подобна «ворчанию назойливой жены» в условиях, когда Япония остро нуждается в их содействии против региональных угроз².

Разница позиций Японии и США требует подробного объяснения. Современный японский взгляд на арабо-израильский конфликт сформировался после «войны судного дня» 1973 г. Тогда Япония наравне с рядом западных стран пострадала от введения нефтяного эмбарго со стороны арабских стран. «Нефтяной шок», который испытала Япония от кратного повышения цен на нефть из стран Персидского залива, стал важным прецедентом для японской дипломатии.

До 1973 г. Япония старалась дистанцироваться от конфликта, подчеркивая, что ее интересы в регионе носят сугубо экономический характер. Например, в 1956 г., когда Лига арабских государств потребовала от Японии высказать свою позицию по поводу войны, Токио ответил обезличенным заявлением о том, что кризис должен быть урегулирован в соответствии с Уставом ООН и международным правом, а в материалах МИД указывалось, что региональные интересы Японии носят скорее экономический, чем политический или гуманитарный характер. Япония, переживавшая в то время бум экономического роста, уже тогда в значительной степени зависела от импорта дешевой нефти из региона Персидского залива [Nester, Ampiah 1989, p. 75—76].

17 октября 1973 г. страны ОАПЕК³ объявили эмбарго на продажу нефти в недружественные страны, которые поддержали Израиль в войне, в том числе в Японию. Для японского руководства введение эмбарго стало неожиданностью, поскольку в Токио считали, что политика разделения политики и экономики (*政経分離, сэйкэй бунри*) защищала Японию от вовлечения в противостояние. 15 ноября в Токио прибыл госсекретарь США Генри Киссинджер с целью убедить японского премьер-министра Танака Какуэй не занимать проарабскую позицию в конфликте. Однако на вопрос, сможет ли США в таком случае обеспечить потребности Японии в энергоносителях, Киссинджер ответил отрицательно. Танака заявил, что в таком случае Японии ничего не остается, как следовать собственным национальным интересам [Kuroda 1990, p. 41].

¹ General Assembly Overwhelmingly Adopts Resolution Asking Nations Not to Locate Diplomatic Missions in Jerusalem. December 21, 2017. URL: <https://press.un.org/en/2017/ga11995.doc.htm> (дата обращения: 23.01.2025).

² Japan, strong ally of US, faces diplomatic test on Middle East policy. December 27, 2024. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20171227/p2a/00m/0na/020000c> (дата обращения: 23.01.2025).

³ Организация арабских стран — экспортеров нефти.

22 ноября 1973 г. ответственный секретарь кабинета Сусуму Никайдо официально объявил о позиции Японии, которая базировалась на трех принципах: 1) поддержка резолюции ООН 242 и признание права Палестины на самоопределение; 2) неприемлемость присоединения и оккупации территорий с помощью силы, требование освобождения всех территорий, занятых Израилем; 3) предупреждение Израилю. Вместе с тем Япония признавала Организацию освобождения Палестины, но без поддержки ее государственного статуса. Это заявление стало основой всей последующей политики Японии в отношении конфликта.

ОАПЕК признала за Японией статус «дружественного» государства только 25 декабря 1973 г., после визита в арабские страны вице-премьер-министра Мики Такэо, который в том числе анонсировал масштабную финансовую помощь. После этого Японии снова было предоставлено право покупать нефть у арабских стран по сниженной цене.

Эти события определили коллизию японской политики, существующую до сих пор: с одной стороны, японское правительство должно демонстрировать лояльность арабским странам, чтобы избежать повторения «нефтяного шока». С другой стороны, Япония не может пойти против внешнеполитической линии США, выступающих с произраильских позиций: с этой целью Япония поддерживает Палестину только в той степени, в которой это, вкуче с усилиями других стран, не оказывает компрометирующего влияния на США.

Во время обострения палестино-израильского конфликта 2023 г. японское правительство было вынуждено лавировать между этими двумя базовыми факторами. Далее будет представлен разбор двух ситуаций 2023—2024 гг., которые выявили разнонаправленные интересы Японии в отношении конфликта, при этом спектр ограничивающих факторов на практике оказался более широким.

Методология исследования: кейс-стади и элементы ивент-анализа

Для того, чтобы выявить действие базовых факторов, влияющих на позицию Японии, а также отследить другие значимые в этом отношении факторы, в данной статье применяется метод кейс-стади. Использование этого метода позволяет в результате разностороннего анализа отдельных ситуаций дать понимание более широкого круга аналогичных ситуаций [Власова 2012, с. 255], в данном случае — определить логику японского правительства в выработке политики относительно палестино-израильского конфликта.

Основным критерием отбора кейсов послужило наличие расхождений в риторике и действиях Токио и Вашингтона. Поскольку случаи, когда позиция Токио расходится с позицией США, являются исключительными, анализ подобных ситуаций представляет особый интерес. Исходя из этого критерия, наиболее интересными представляются два кейса: дипломатический ответ на атаку ХАМАС 7 октября 2023 г. и проблема приглашения Израиля и Палестины на церемонии мира в Хиросиме и Нагасаки 6 и 9 августа 2024 г.

Данные кейсы в статье анализируются на основании унифицированной структуры, построенной с учетом методологии ивент-анализа. Выделяются следующие виды действий:

- 1) вербальные (устные заявления официальных лиц, резолюции и декларации, опубликованные на сайтах японских министерств и ведомств);
- 2) физические (визиты первых лиц в регион, голосования в ООН и т. д.).

В отношении вербальных и физических действий автор предлагает выделять следующие элементы:

- 1) субъекты, или акторы действий;
- 2) объекты действий (аудитории, на внимание которых рассчитаны действия).

На основе рассмотрения кейсов будут выделены аудитории, на которые рассчитаны действия японской стороны. Эти значимые для акторов аудитории должны дать представление о том, каков в действительности спектр факторов, влияющих на японскую политику в отношении конфликта.

Кейс № 1. Реакция правительства Японии на атаку ХАМАС 7 октября 2023 г.: особая позиция внутри G7

1. Вербальные действия.

В качестве источника вербальных действий в рамках исследования был выбран раздел «Отношения с Палестиной» на сайте МИД Японии¹. В этом разделе собраны все виды вербальных действий, совершенных Японией в отношении палестинской стороны в период с 2013 по 2024 г., — официальные заявления представителей министерства, резюме встреч и телефонных разговоров с официальными лицами Палестины, Израиля и других стран региона. В качестве временного периода выбран первый месяц после атаки 7 октября 2023 г., когда реакции были максимально динамичными. Ниже будут рассмотрены заявления японской стороны в хронологическом порядке, в каждом из них выделены ключевые слова, маркирующие акценты, и отмечены случаи, в которых выбор риторики не совпадает с США и их союзниками.

В заявлении пресс-секретаря МИД Кобаяси Маки, сделанном непосредственно в день атаки 7 октября 2023 г., использовано выражение 強く非難する (*цуйёку хинан суру*, решительно осуждать) в отношении атаки ХАМАС на Израиль. Атака никак не характеризовалась, а ХАМАС и другие участвовавшие в нападении организации названы 武装勢力 (*бусо: сэйрёку*, вооруженная группировка), а не террористы².

В заявлении министра иностранных дел Японии Камикава Ёко от 8 октября 2023 г. сохраняется та же риторика, однако в связи с израильскими бомбардиров-

¹ Japan-Palestine Relations (Archives). May 27, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/palestine/archives.html (дата обращения: 06.03.2025).

² Hamasu-nado paresuchina busō seiryoku-ni yoru isuraeru-he no kōgeki-ni tsuite (gaimu hōdōkan danwa) [Attack on Israel by the Palestinian militants including Hamas (Statement by Press Secretary)]. 07.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/page7_000099.html (дата обращения: 06.03.2025).

ками Палестины используется выражение 深刻に憂慮する (*синкоку-ни ю:рё суру*, испытывать глубокое беспокойство)¹.

Япония не присоединилась к заявлению стран G7 от 9 октября. В этом заявлении США, Великобритания, Франция, Германия и Италия утверждали: «Мы выражаем твердую и единодушную поддержку государству Израиль, решительно осуждаем ХАМАС и его ужасающий акт терроризма», который «не имеет оправдания»; «Мы будем сохранять единство и координировать наши усилия, как союзники и как друзья государства Израиль, чтобы гарантировать, что Израиль способен защищать себя»². В этом заявлении содержится характеристика атаки как «террористической», а также утверждается «право Израиля на самооборону» — таких формулировок в японских заявлениях на тот момент не было.

Однако вскоре, 11 октября, в официальном дискурсе Токио появилась характеристика действий ХАМАС как «террористических» в ходе телефонного разговора между вице-министром иностранных дел Окано Масатака и послом Израиля в Японии Гиладом Коэном. Окано употребил выражение テロ攻撃 (*тэро ко:гэки*, террористическая атака), которая «не имеет оправдания» (正当化することができず, *сэйто:ка-суру кото-га дэкидзу*), а Израиль имеет право на оборону своей страны и своего народа (自国及び自国民を守る権利を有する, *дзикоку оёби дзикокумин-о мамору кэнри-о ю: суру*), однако к этому выражению добавлено «в соответствии с международным правом» (国際法に従って, *кокусайхо:-ни томонаттэ*)³. Эта риторика сохранилась и в телефонном разговоре Камикава Ёко с министром иностранных дел Израиля Эли Коэн 12 октября⁴, а также министром иностранных дел Палестинской Автономии (ПА) Риадом Малки 13 октября⁵.

В дальнейшем в официальных заявлениях использовались формулировки «осуждение» (非難) в отношении атак ХАМАС и «глубокое беспокойство» (憂慮) в отношении атак Израиля. Однако в отношении атаки на больницу Аль-Ахли в Газе 17 октября в заявлении Камикава высказано «глубокое возмущение» (憤り икидо:ри) по поводу массовых жертв среди мирного населения. Также утверждается, что атаки на больницы и гражданское население «не имеют оправдания» (いかなる理由でも正当化されません, *иканару рию:-дэмо сэйто:ка сарэмасэн*) —

¹ Isuraeru · paresuchina busō seiryokukan-no shōtotsu-ni tsuite (gaimu daijin danwa) [The Clashes between Israel and the Palestinian militants (Statement by Foreign Minister)]. 08.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/page7_000099_00001.html (дата обращения: 06.03.2025).

² Joint Statement from Quint Leaders on Israel: 9 October 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-from-quint-leaders-on-israel-9-october-2023> (дата обращения: 30.01.2025).

³ Okano gaimu jimu jikan-to Kōhen chūnichi isuraeru taishi-no kaidan [Talk between Okano, Vice-Minister for Foreign Affairs, and Mr. Cohen, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the State of Israel] 11.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press1_001572.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ Nichi · isuraeru gaishō denwa kaidan [Japan-Israel Foreign Minister's Telephone Talk]. 12.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me1/il/page1_001862.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Nichi · paresuchina gaishō denwa kaidan [Japan-Palestine Foreign Minister's Telephone Talk]. 13.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press7_000172.html (дата обращения: 06.03.2025).

формулировка, применявшаяся ранее к атакам ХАМАС¹. При этом на сайте Государственного департамента США найти подобное заявление не удалось, а в сообщении Дж. Байдена, например, на сайте посольства США в России, используются персонифицированные формулировки: «Я возмущен и крайне раздосадован», однако атака никак не характеризуется².

Япония присоединилась к позиции партнеров по G7 на саммите в Токио 7—8 ноября, когда впервые с начала конфликта удалось согласовать позиции всех стран-членов. В совместном заявлении сохраняется прежняя риторика, однако присутствует осуждение поселенческой активности Израиля на Западном берегу реки Иордан: «Рост насилия со стороны поселенцев в отношении палестинцев неприемлем, подрывает безопасность на Западном берегу и угрожает перспективам прочного мира»³.

В дальнейшем существенных изменений риторики не наблюдалось. Таким образом, можно говорить об особенностях вербальных действий: более мягкая риторика Токио на начальном этапе, рассчитанная на аудиторию арабских стран, вплоть до отказа подписывать совместное заявление в рамках G7; приведение риторики в соответствие с риторикой США и партнеров в дальнейшем.

2. Физические действия.

В ходе обострения палестино-израильского конфликта японская дипломатия в первые месяцы продемонстрировала активный подход и даже претензии на роль лидера в процессе урегулирования гуманитарного кризиса⁴. Среди физических действий японской стороны можно выделить визиты официальных лиц в регион и участие в профильных конференциях; голосование в ООН; выделение гуманитарной помощи; введение санкций; поддержка решения Международного суда ООН о недопустимости геноцида в отношении палестинцев; разрыв компанией Itochu сотрудничества с израильской компанией Elbit.

Визиты в регион и участие в региональных конференциях

17 октября Япония объявила, что отправляет своего специального представителя Уэмура Цукаса 18—22 октября в Египет, Иорданию и Катар для содействия установлению мира на Ближнем Востоке⁵. 20 октября министр иностранных дел Камикава приняла участие в международной конференции в Каире

¹ Gaza Chiku-ni okeru byōin-he no kōgeki-ni tsuite (gaimu daijin danwa) [Attack against hospital in Gaza (Statement by Foreign Minister)]. 18.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/page7_000099_00003.html (дата обращения: 06.03.2025).

² Statement from President Joe Biden on the Hospital Explosion in Gaza. October 18, 2023. URL: <https://ru.usembassy.gov/statement-from-president-joe-biden-on-the-hospital-explosion-in-gaza/> (дата обращения: 06.03.2025).

³ G7 Japan 2023 Foreign Ministers' Statement. November 8, 2023, Tokyo. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100578225.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ Foreign minister vows Japan to “take lead” in addressing Gaza crisis. November 10, 2023. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/11/65fa328900a2-foreign-minister-vows-japan-to-take-lead-in-addressing-gaza-crisis.html> (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Dispatch of Ambassador UEMURA Tsukasa, Special Envoy for the Middle East Peace to the Middle East region. October 17, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press7e_000053.html (дата обращения: 06.03.2025).

по мирному урегулированию конфликта¹, 2—5 ноября она посетила Израиль, Палестину и Иорданию². Камикава стала первым японским министром иностранных дел, посетившей и Палестину, и Израиль, что, в том числе, говорит об активности ее дипломатии в этом конфликте.

9 ноября парламентский вице-министр по иностранным делам Фукадзава Ёити принял участие в международной конференции по гуманитарной помощи гражданскому населению сектора Газа: на конференции присутствовали представители UNRWA, UNOCHA, ICRC, MSF³. Япония также стала сопредседателем Глобального форума по беженцам в Женеве 13—15 декабря⁴.

Санкции против ХАМАС и гуманитарная помощь жителям Газы

Япония продемонстрировала разделение подходов к ХАМАС как организации и к населению Палестины.

31 октября Япония вслед за США объявила о введении односторонних санкций против 9 лиц и 1 организации, связанных с ХАМАС⁵. Одновременно она объявила об оказании помощи жителям Палестины в размере 10 млн долл. США, и позже, 7 ноября, о дополнительных 65 млн долл.⁶ Эти суммы сопоставимы с другими крупными донорами: Германия объявила о предоставлении 91 млн евро⁷, ЕС — 75,6 млн евро⁸.

Дипломатическая активность Японии и ее финансовая помощь положительно оценил представитель Постоянной Миссии Палестины в Японии Валид Сиам. В заявлении 13 октября он отметил: «Япония нейтральна и поэтому может продолжать играть нейтральную роль между палестинцами и израильтянами. Я думаю, что США более не могут брать на себя эту роль»⁹.

¹ Foreign Minister Kamikawa's Visit to Egypt (Attendance to the "Cairo Summit for Peace") October 20, 2023. https://www.mofa.go.jp/press/release/press1e_000476.html (дата обращения: 06.03.2025).

² Foreign Minister Kamikawa Visits Israel, Palestine and Jordan (November 2-5, 2023). November 5, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/me_a/me1/page1e_000778_00001.html (дата обращения: 06.03.2025).

³ Parliamentary Vice-Minister Fukazawa's attendance of the International conference on humanitarian aid for Gaza's civilians. November 10, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press7e_000065.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ В Женеве открывается Глобальный форум по беженцам. 12.12.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447717> (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Japan sanctions individuals, company over links to Hamas. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/10/31/japan-sanctions-individuals-company-over-links-to-hamas> (дата обращения: 06.03.2025).

⁶ G7 Foreign Ministers' Meeting (Overview of the Working Dinner on "the Middle East" Session). November 7, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_003335.html (дата обращения: 06.03.2025).

⁷ Germany Releases Aid to Palestinians, Gives Extra 20 mln Euros. November 7, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germany-releases-aid-palestinians-gives-extra-20-mln-euros-2023-11-07/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁸ Commission Finalises the Review of EU Aid to Palestine. November 21, 2023. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/news/commission-finalises-review-eu-aid-palestine-2023-11-21_en (дата обращения: 01.02.2025).

⁹ Palestinian envoy pleads for Japan to maintain aid and neutrality. October 13, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-condemns-hamas-terror-attacks-supports-israels-right-defend-itself-2023-10-12/> (дата обращения: 06.03.2025).

Голосование в ООН

27 октября в рамках 10-й чрезвычайной специальной сессии состоялось голосование ГА ООН по резолюции A/RES/ES-10/L.25 «Защита гражданских лиц и соблюдение правовых и гуманитарных обязательств»¹, призывавшей к прекращению огня. Резолюция была принята 121 голосом «за», против проголосовали 14 стран, 44 воздержались².

Лидером голосования «против» стали США, которые не согласились с тем, что резолюция не содержала прямого упоминания ХАМАС, хотя осуждала все насильственные действия против гражданского населения Израиля и Палестины³. Япония в голосовании воздержалась, таким образом не присоединившись к США и одновременно не противореча американскому курсу.

Вторая резолюция ГА ООН от 12 декабря 2023 г. номер A/RES/ES-10/22 призывала к немедленному прекращению огня в гуманитарных целях, а также освобождению всех заложников без предварительных условий. Резолюция была принята 153 голосами «за», против высказались 10 стран, воздержались 22⁴.

США снова голосовали против, а Япония на этот раз проголосовала в поддержку: наиболее вероятно, это объясняется тем, что за прошедшие полтора месяца серьезно выросла протестная активность в самой Японии⁵. Начиная с 7 октября, во многих крупных городах — Токио, Осака, Нагоя и др., проходили еженедельные акции протеста⁶. Наиболее крупная из них — 10 ноября — собрала около 4000 человек. Протестующие требовали от японского правительства добиться прекращения огня и снятия блокады с сектора Газа. Можно предположить, что корректировка голосования в ООН стала вынужденным ответом на запросы собственного населения.

Поддержка решения Международного суда ООН от 26 января 2024 г.

27 января 2024 г. японское правительство поддержало⁷ опубликованное накануне решение Международного суда ООН о том, что палестинцы имеют пра-

¹ Protection of civilians and upholding legal and humanitarian obligations. October 26, 2023. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltid/n23/319/20/pdf/n2331920.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.03.2025).

² Protection of civilians and upholding legal and humanitarian obligations. October 27, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4025240?ln=en>. (дата обращения: 01.02.2025). Прим.: по техническим причинам голос Ирака «за» был первоначально ошибочно засчитан как «воздержался».

³ UN General Assembly adopts Gaza resolution calling for immediate and sustained 'humanitarian truce'. October 26, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1142847> (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ Protection of civilians and upholding legal and humanitarian obligations. December 12, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4029732?ln=en> (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Japan's 'Balanced' Position on Palestine Fails to Impress. November 16, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/japans-balanced-position-on-palestine-fails-to-impress/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁶ [Paresuchina-ni jū-wo] mai-doyō, tōkyō-shi-ni tsudoī, aruki, koe-wo ageru [Freedom to Palestine] Every Saturday meeting, walking and shouting in Tokyo. June 30, 2024. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASS6Y4QMVS6YPLZB001M.html> (дата обращения: 06.03.2025).

⁷ South Africa's filing of an application instituting proceedings against Israel before the International Court of Justice (ICJ) (Indication of the Provisional Measures) (Statement by Foreign Minister KAMIKAWA Yoko). January 27, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/pressite_000001_00120.html (дата обращения: 06.03.2025).

Таблица 1. Кейс № 1: соотношение вербальных и физических действий с аудиториями, к которым они адресованы

| Тип | Актеры | Действия | Аудитории, на которые направлены действия |
|------------|---------------------|--|---|
| Вербальные | МИД | Отсутствие определения «террористический» в первых оценках и в целом пропалестинская риторика в первые дни после атаки ХАМАС | Палестина и арабские страны |
| | МИД | Отказ присоединиться к заявлению Большой семерки | Палестина и арабские страны |
| | МИД | Корректировка риторики: добавление определения «террористический», признание «права на самооборону» Израиля, высказывание «осуждения» атаки ХАМАС и лишь «беспокойства» по поводу атак Израиля | США |
| Физические | Правительство | Санкции против ХАМАС по примеру США | США |
| | МИД | Поддержка UNRWA, участие в конференциях по гуманитарной помощи с участием агентств ООН | Палестина и арабские страны, страны-члены ООН |
| | Миссия Японии в ООН | Изменение голосования в ООН вследствие массовых протестов | Внутренняя аудитория |
| | МИД | Поддержка решения Международного суда ООН | Палестина и арабские страны, внутренняя аудитория, страны-члены ООН |
| | МИД | Визиты официальных лиц в Египет, Палестину, Иорданию | Палестина и арабские страны, внутренняя аудитория |
| | Правительство | Финансовая и гуманитарная помощь населению Палестины | Палестина и арабские страны, внутренняя аудитория, страны-члены ООН |
| | Компания Itochu | Разрыв контракта Itochu с израильской Elbit Systems | Внутренняя аудитория, страны ЮВА |

Составлено автором по результатам исследования.

во на защиту от актов геноцида со стороны Израиля¹. Наиболее вероятно, что поддержка объяснялась как желанием выступить ответственным членом ООН, так и влиянием антиизраильских настроений среди японской общественности².

Разрыв компанией Itochu сотрудничества с израильской компанией Elbit

В феврале 2024 г. японская корпорация Itochu объявила, что ее авиационное подразделение прекратит сотрудничество с израильской оборонной компанией Elbit Systems. По словам финансового директора компании Хатимура Цуёси, Itochu приняла решение остановить действие Меморандума о взаимопонимании, заключенного в марте 2023 г., ссылаясь на поддержку японским правительством постановления Международного суда ООН от 26 января³.

Это решение было принято также на фоне бойкота сети магазинов FamilyMart, принадлежащей Itochu, в мусульманских странах Юго-Восточной Азии, в частности, в Малайзии, из-за ее связей с Elbit⁴. Вероятно, решение Itochu получило одобрение японского правительства, хотя об этом не было сказано публично⁵.

Таким образом, если объектами вербальных действий были главным образом США и арабская аудитория, то в случае физических действий можно говорить о расширении аудиторий. Исходя из анализа этого кейса можно сгруппировать действия и объекты вербальных и физических действий японской стороны таким образом (табл. 1).

Кейс № 2. Церемонии мира в Хиросиме и Нагасаки как отражение палестино-израильского конфликта

Дипломатический скандал разгорелся в Японии после отказа японской стороны пригласить посла Израиля на церемонию мира⁶ в Нагасаки 9 августа 2024 г. Посол США в Японии Рам Эмануэль в качестве ответной меры отказался от посещения церемонии, его примеру последовали все остальные послы стран G7.

Яркое расхождение позиций Японии и США вместе с их западными союзниками продемонстрировало разрыв между тем, как они каждый со своей стороны

¹ Международный Суд ООН предписал Израилю предотвращать акты геноцида в Газе. 26.01.2024. URL: <https://www.un.org/ru/story/2024/01/1448927> (дата обращения: 06.03.2025).

² Takahashi S. Japan: Inching Toward Palestine? October 16, 2024. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/japan-inching-toward-palestine/> (дата обращения: 06.03.2025).

³ Japan's Itochu to End Cooperation with Israel's Elbit amid Gaza War. February 5, 2024. <https://www.reuters.com/business/japans-itochu-end-cooperation-with-israels-elbit-over-gaza-war-2024-02-05/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁴ Azmi H. Malaysian boycotters hail win as FamilyMart says it does 'not deal with Israel'. February 6, 2024. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3251130/malaysian-boycotters-hail-win-family-mart-says-it-does-not-deal-israel> (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Takahashi S. Japan: Inching Toward Palestine? October 16, 2024. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/japan-inching-toward-palestine/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁶ Церемонии мира — это крупные международные мероприятия, которые проводятся ежегодно с 1947 г. в г. Хиросима 6 августа и в г. Нагасаки 9 августа в память об атомных бомбардировках этих городов. В них традиционно участвуют японские официальные лица, люди, пострадавшие от бомбардировок и их семьи, представители различных общественных и международных организаций, а также иностранных государств. Ответственность за организацию мероприятий, в том числе за определение списка приглашенных, несут мэрии городов.

рассматривают палестино-израильский конфликт. Как показал первый кейс, японское правительство оказывается перед необходимостью взаимодействовать со многими аудиториями, преследующими разные интересы. В случае этого кейса противоречия проявились открыто в публичных выступлениях японских и иностранных официальных лиц. Его важной особенностью стало включение регионального уровня коммуникации: поскольку ответственность за организацию церемоний мира несет не правительство, а мэрии городов Хиросима и Нагасаки, их риторика стала важным фактором развития ситуации.

Поскольку все действия в данном кейсе касались вербальной коммуникации, далее будут рассмотрены значимые речевые акты в хронологическом порядке.

31 июля мэр Нагасаки Судзуки Сиро сообщил, что принял «тяжелое решение» не приглашать Израиль на церемонию мира 9 августа 2024 г. По его словам, оно «не является политическим» (*政治的な判断に基づくものではない, сэйдзитэки-на хандан-ни мотодзуку моно дэва най*) и вызвано опасениями протестов, которые могут нарушить «скорбную атмосферу» мероприятия. При этом он, в отличие от мэра Хиросимы Мацуи Кадзуми, пригласил посла Палестины¹.

В ответ посол Израиля Гилад Коэн заявил в социальной сети X, что решение Нагасаки «достойно сожаления» и «посылает миру неверный сигнал»². Посол США Рам Эмануэль в свою очередь написал, что в этом случае не придет и он: «Я считаю, что ваше решение носит *политический характер*» (*政治的な決断, сэйдзи-тэки-на кэцудан*), поскольку, учитывая участие главы государства, причина не может быть связана с угрозой безопасности³.

9 августа премьер-министр Кисида Фумио во время пресс-конференции после церемонии заявил, что мероприятие находится в ведении мэрии, и правительство не считает возможным комментировать этот вопрос. Тем не менее, он отметил, что правительство «взаимодействует с дипломатическим корпусом каждой страны, а также руководством города Нагасаки, в том числе предоставляя информацию о международной ситуации и других вопросах»⁴.

Подчеркнутое дистанцирование правительства от позиции региональных властей заслуживает отдельного объяснения.

Региональные власти в Японии поддерживают международные связи, однако такие связи, как правило, касаются экономики, культуры, спорта, образования и

¹ [Seiji handan-de nai] nagasaki-shi, gembaku-no hi shikiten-ni isuraeru manekazu shōtai-no Hiroshima-to taiō wakareru [‘Not a political decision’: The city of Nagasaki not inviting Israel to A-bomb ceremony, contrasting to Hiroshima’s mayor decision]. July 31, 2024. URL: <https://www.sankei.com/article/20240731-4DTEBT4FGNLC5OUGHHLKSWR3WI/> (дата обращения: 06.03.2025).

² Nagasaki mayor says Israel not invited to A-bomb peace ceremony. July 31, 2024. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2024/07/53f3e2d539f2-nagasaki-mayor-says-israel-not-invited-to-a-bomb-peace-ceremony.html> (дата обращения: 06.03.2025).

³ Bei taishi, Nagasaki-shi ni [seijiteki-na ketsudan], isuraeru taishi [zōjōji-ni kansha]. [American ambassador: “It’s a political decision”, Israeli ambassador: “Thanking Zōjōji temple]. August 9, 2024. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASS891PSLS89UHBI013M.html> (дата обращения: 05.03.2025).

⁴ Press Conference by Prime Minister Kishida on His Attendance at the 2024 Peace Memorial Ceremony in Nagasaki and Other Matters. August 9, 2024. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2024/0809kaiken.html (дата обращения: 06.03.2025).

других сфер, за исключением политической, которая остается прерогативой центрального правительства. Не вызывает сомнений, что первые лица Японии были в курсе происходящего, и Кисида своими словами о взаимодействии со всеми сторонами это подтвердил. Известно также, что в 2022 г., когда решался вопрос о неприглашении России и Беларуси, мэр Хиросимы консультировался с правительством. Одновременно сообщалось, что мэр Нагасаки принял аналогичное решение самостоятельно, однако, поскольку оно не противоречило политической линии правительства, конфликта не произошло¹.

Представляется, что в этой ситуации решающую роль сыграла позиция японской общественности. Как и в случае голосования в ООН по резолюциям, касающимся мирного урегулирования, мнение общественности не могли игнорировать и при планировании церемоний мира. Можно предположить, что недовольство в обществе необходимо было канализировать, и таким каналом стало неприглашение Израиля вопреки настоятельным требованиям США. Известно, что решение получило одобрение части общественных активистов².

Одновременно огонь недовольства партнеров по G7 и Израиля приняли на себя региональные власти, а не центральное правительство. Подчеркнутое дистанцирование Кисиды от этой ситуации показало, что власти страны, отвечающие за международные отношения, его не приветствуют. Одновременно они его и не отрицают, что работает, в свою очередь, на внутреннюю аудиторию. Кроме того, приглашение посла на церемонию в Хиросиме некоторым образом сгладило конфликт.

Наиболее вероятно, что конфликтная ситуация, связанная с церемонией, была улажена неформально в кулуарах, поскольку никакого дальнейшего развития не получила. Однако она обнажила сложную ситуацию, в которой пребывает Япония, пытаясь угодить всем и одновременно не занимать ничью сторону.

В этом кейсе сгруппировать объекты вербальных действий японской стороны можно так (табл. 2).

Таблица 2. Кейс № 2: соотношение вербальных действий с аудиториями, к которым они адресованы

| Тип | Актеры | Действия | Объект действий |
|------------|----------------|---|---|
| Вербальные | Мэрия Хиросимы | Приглашение Израиля на церемонию мира в Хиросиму | США |
| | Мэрия Нагасаки | Неприглашение Израиля на церемонию в Нагасаки | Палестина и арабские страны, внутренняя аудитория |
| | Правительство | Дистанцирование правительства от решения мэрии Нагасаки | США |

Составлено автором по результатам исследования.

¹ Russia, Belarus not invited to services marking atomic bombing. May 27, 2022. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14631439> (дата обращения: 06.03.2025).

² Чижевская М.П. Церемония мира в Нагасаки 9 августа 2024 года: о чем говорит отказ от приглашения посла Израиля? 15.11.2024. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Club_MO_VA/tsere-moniya-mira-v-nagasaki-9-avgusta-2024-goda-o-chem-govorit-otkaz-o/ (дата обращения: 06.03.2025).

Факторы, влияющие на позицию Японии

Ограничения, которые воздействуют на позицию японского правительства в отношении палестино-израильского конфликта, продиктованы разнонаправленными интересами Японии. На основе анализа двух кейсов, продемонстрировавших разрыв между этими интересами, автор выделяет пять аудиторий разного масштаба, которые имеют значение для японского правительства и позиции которых Токио вынужден учитывать в контексте палестино-израильского вопроса:

1. Правительство США как главного внешнеполитического союзника Японии.
2. Правительства арабских стран как основных поставщиков нефти в Японию.
3. ООН как организацию, в которой Япония стремится играть заметную роль.
4. Соседние страны Юго-Восточной Азии, с которыми Япония поддерживает плотный экономический и политический контакт.
5. Внутренняя аудитория, в которой сильны пацифистские настроения.

Мотивацию Японии в отношении каждой из аудиторий можно представить следующим образом.

Фактор № 1: правительство США.

США в палестино-израильском конфликте занимают выраженную произраильскую позицию. Если в случае, например, российско-украинского кризиса Япония однозначно встала на сторону Украины вслед за США, и это не вызвало практически никаких сложностей для японской дипломатии, то в случае Палестины и Израиля ситуация осложнена высокой зависимостью от импорта нефти из арабских стран.

Фактор № 2: правительства арабских стран.

Зависимость Японии от импорта нефти из арабских стран Персидского залива делает невозможной конфронтацию с ними. После прецедента 1973 г. Япония тщательно следит за тем, чтобы балансировать между поддержкой США и позицией арабских стран.

Фактор № 3: страны — члены ООН.

Япония в своем многолетнем стремлении получить место постоянного члена Совета безопасности ООН старается играть заметную роль в урегулировании кризисов, в том числе в отдаленных регионах. Примером таких усилий служит, например, участие Японии в мирном урегулировании конфликтов в индонезийской провинции Аче и на филиппинском острове Минданао, на Балканском полуострове¹. На Ближнем Востоке Япония также стремится выступать, с одной стороны, миротворцем, с другой — финансовым донором для преодоления гуманитарных кризисов. Финансовая и гуманитарная поддержка Палестины выглядит в этом смысле естественной, а японская дипломатия всячески подчеркивает

¹ Чижевская. Сотрудничество Японии и ЕС в сфере безопасности // Современная Европа. 2019. С. 186—187.

стремление Японии выступать лидером процесса гуманитарного урегулирования в ситуации, когда использование других инструментов ограничено.

Фактор № 4: соседние страны Юго-Восточной Азии.

Исторически в мотивации Японии присутствует антиколониальный компонент. Начиная с участия в Бандунгской конференции 1955 г., Япония придерживалась антиколониального нарратива, солидаризируясь с другими странами Азии и Африки: Японии в тот момент было важно представить себя миролюбивой нацией перед странами-соседями, которые во время Второй мировой войны пострадали от ее колониальной экспансии. Израиль был исключен из конференции, и, несмотря на попытки лоббировать присутствие через Социалистическую партию Японии, ему не удалось принять участие и повлиять на общую пропалестинскую позицию, сформулированную в финальном коммюнике¹. Во время Суэцкого кризиса 1956 г. в глазах и японского правительства, и японских социалистов, первоначально поддерживавших Израиль, страна выступила как колониалист, оккупировавший территорию Египта [de Boer 2005]. Таким образом, отстаивая антиколониальные позиции в этом конфликте, Япония выступает как член афро-азиатского сообщества, отрицающего колониальные практики, что укрепляет ее позиции в собственном регионе. Зафиксированная в официальной позиции на сайте МИД приверженность границам 1967 г. отвечает этому стремлению.

Фактор № 5: внутренняя аудитория.

Ценности пацифизма в течение десятилетий после войны и оккупации Японии влияли на формирование мировоззрения японцев. Во внутренней политике правительство не может не учитывать общественные настроения, в которых доминирует осуждение войны и военных действий. Таким образом, оно оказывается сковано не только внешнеполитической пацифистской повесткой, где Япония позиционирует себя как единственное государство, пострадавшее от атомных бомбардировок, но и запросами собственного населения на активное участие государства в урегулировании конфликтов и защиту гуманитарного права.

Среди выделенных факторов поддержки США можно назвать единственным условно «произраильским», однако он оказывается равновесным всем остальным «пропалестинским» факторам.

Заключение

Японская официальная позиция в отношении палестино-израильского конфликта основана на соблюдении нейтральной позиции. Руководство Японии стремится не только сохранять рабочие контакты с обеими сторонами, но и выступать медиатором между Палестиной и Израилем, а также оставаться среди

¹ Final Communique of the Asian-African conference of Bandung. April 24, 1955. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/final_communique_of_the_asian_african_conference_of_bandung_24_april_1955-en-676237bd-72f7-471f-949a-88b6ac513585.html (дата обращения: 06.03.2025).

мировых лидеров донорской помощи Палестине. Главную сложность в выработке позиции относительно конфликта для Японии составляет необходимость «усидеть на двух стульях»: с одной стороны, проявлять лояльность своему главному союзнику — США, с другой — избегать конфронтации с арабскими странами, чтобы не допустить повторения «нефтяного шока» 1973 г., ставшего важным прецедентом для японской дипломатии в регионе.

В процессе анализа двух кейсов, продемонстрировавших расхождение подходов Японии с позицией США, удалось выявить пять аудиторий, позицию которых японское правительство вынуждено учитывать при выработке политики в отношении конфликта: это правительство США, правительства арабских стран, страны-члены ООН, соседние страны Юго-Восточной Азии и, что немаловажно, внутренняя японская аудитория.

Необходимость согласовывать свои действия с внешнеполитической линией США уравнивает в глазах японской дипломатии остальные четыре фактора, среди которых ведущим является зависимость Японии от импорта нефти из арабских стран. На втором месте по значимости можно назвать настроения внутри японского общества, которые диктуют японскому правительству необходимость более активно оказывать помощь жителям Палестины и способствовать разрешению гуманитарного кризиса всеми имеющимися в его распоряжении способами, главным образом через ООН. Другими значимыми факторами являются необходимость поддерживать статус финансового и гуманитарного донора в глазах сообщества стран-участниц ООН, а также продвигать антиколониальную повестку в отношении соседних стран Юго-Восточной Азии.

На момент написания статьи острую фазу палестино-израильского кризиса удалось преодолеть. Вклад японской дипломатии в этот процесс можно признать скромным. Тем не менее, Японии все-таки удалось проявить себя как активного игрока и донора в регионе, заслужить высокую оценку ее усилий со стороны палестинских официальных лиц. Представляется, что сопутствующие расхождения позиции Японии с позицией США являются согласованными или разрешаемыми за закрытыми дверями, как в случае церемонии в Нагасаки. Япония, пытаясь соблюдать нейтральность, оказывается все же не в состоянии взять на себя лидирующую роль ни в одном из процессов, несмотря на ее громкие заявления. В условиях ограничений со стороны пяти значимых для нее аудиторий Японии не всегда удается угодить всем, однако в целом ее дипломатию в отношении конфликта 2023—2024 гг. можно признать достаточно успешной.

Библиографический список

Власова М.Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 11. С. 255—258.

Марьясис Д.А., Якимова Е.А. Непростая история со значительным потенциалом: о развитии израильско-японских отношений // *Японские исследования*. 2024. № 3. С. 30—49. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-30-49>.

References

Maryasis, D.A., Iakimova, E.A. (2024). Neprostayaya istoriya so znachitel'nym potentsialom: o razvitii izrail'sko-yaponskikh otnoshenii [Complicated history with huge potential: Israeli-Japanese relations' development]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 30—49. (In Russian). <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-30-49>.

Vlasova, M.G. (2012). Keis-stadi v issledovaniyakh mezhdunarodnykh otnoshenii: metodologiya i issledovatel'skaya praktika [Case-study in the International Relations Research: Methodology and Research Practice]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Societal Development], 11, 255—258. (In Russian).

* * *

de Boer, J. (2005). Before Oil: Japan and the Question of Israel/Palestine, 1917—1956. *Asia-Pacific Journal*, 3 (3). Retrieved from <https://apjif.org/john-de-boer/2159/article>

Kuroda, Y. (1990). Japan and the Israeli-Palestinian Conflict. In E.J. Linkoln (ed.), *Japan and the Middle East* (pp. 40—50). Washington, DC: The Middle East Institute.

Nester, W., Ampiah, K. (1989). Japan's Oil Diplomacy: Tatemae and Honne. *Third World Quarterly*, 11 (1), 72—88.

Поступила в редакцию: 06.03.2025

Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 06 March 2025

Accepted: 23 April 2025

С.А. Полхов

Рецензия на книгу Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры»

Аннотация. В статье рассматривается содержание книги Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры» (М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 582 с. Серия «Древо смыслов». ISBN 978-5-98712-499-4). В обзоре обозначены главные темы, к которым обращаются авторы книги: развитие японской философии и социологии в новейший период, проблемы, с которыми сталкивается японское общество в XXI в., сущность и характерные черты японской цивилизации. Согласно выводу автора рецензии, книга представляет собой ценный вклад в изучение современной философии и культуры Японии в целом.

Ключевые слова: японская культура, японская философия, японское искусство, японская эстетика, японская литература, японский национализм, Нисида Китаро, Имамита Томонобу, экзистенциализм, глобализация.

Автор: Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-4705-7488.
E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Полхов С.А. Рецензия на книгу Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры» // Японские исследования. 2025. № 2. С. 122—129. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-122-129.

S.A. Polkhov

Book review: “Worlds of Japanese Culture” by Elena L. Skvortsova and Alexander L. Lutsky

Abstract. The article examines the contents of the book “Worlds of Japanese Culture” by E.L. Skvortsova and A.L. Lutsky (Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2025. 582 p. Series “Tree of Meanings.” ISBN 978-5-98712-499-4). The review outlines the main topics addressed by the authors of the book: the development of Japanese philosophy and sociology in the modern period, the problems faced by Japanese society in the 21st century, the essence and characteristic features of Japanese civilization. According to the author of the review, the book is a valuable contribution to the study of modern philosophy and culture of Japan as a whole.

Keywords: Japanese culture, Japanese philosophy, Japanese art, Japanese aesthetics, Japanese literature, Japanese nationalism, Nishida Kitaro, Imamichi Tomonobu, existentialism, globalization.

Author: Polkhov Sviatoslav A., PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science 107031, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russia).
ORCID: 0000-0003-4705-7488. E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Polkhov S.A. (2025). Retsenziya na knigu E. L. Skvortsovoi i A. L. Luts-kogo «Miry yaponskoi kul'tury» [Book review: “Worlds of Japanese Culture” by Elena L. Skvortsova and Alexander L. Lutsky]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 122—129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-122-129.

Книга «Миры японской культуры», написанная доктором философских наук, ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН Еленой Львовной Скворцовой в соавторстве с японоведом, кандидатом филологических наук Александром Леонидовичем Луцким, посвящена целому ряду ключевых вопросов, относящихся к истории и современному этапу развития японской философии и социологии. Книга также содержит размышления самих авторов о характерных чертах японской культуры и актуальных проблемах современного японского общества (и всего человечества). В центре внимания авторов — цивилизационное взаимодействие Страны восходящего солнца и Запада, проблемы национальной идентичности и японского национализма в контексте глобализационных процессов. В книгу так или иначе вошли и ранее опубликованные научные статьи авторов, она снабжена адекватным научным аппаратом — библиографическим списком, глоссарием терминов и указателем имен.

Японская философия рассматривается в труде Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого как синтез разнообразных мыслительных традиций Востока и Запада. В то же время ученые полагают, что компромиссность — одна из наиглавнейших черт японской культуры, буквально пронизывающая все ее уровни и сферы. Компромиссность понимается в книге как «мирное сосуществование разного, осознанное сохранение противоречий как необходимо дополняющих друг друга в рамках целого, признаваемого за высшую ценность» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 18]. Авторы отмечают, что для японской цивилизации с древности была присуща установка на усвоение гетерогенных религиозных, философских, социально-политических традиций: в древней Японии наблюдалось гармоничное сочетание китайского и японского элементов в языковой системе, буддизм уживался с местными культами, а чужеземные конфуцианские доктрины были умело использованы для государственного строительства [Скворцова, Луцкий 2025, с. 35]. Вместе с тем для японцев в отличие от индивидов Западной культуры, по мнению Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого, присуща «неиндивидуалистичность», они не склонны противопоставлять себя ни природному универсуму, ни общественным группам, и напротив в них «растворены» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 31]. Японец всегда стремился к гармонии со всем окружающим миром. «В рамках

японской духовной традиции сформировался образ единого «тела страны» (яп. *кокутай*) — органического целого ландшафта, климата и произрастающего в этом климате и на этой земле населения. «Тело страны» имеет приоритет перед отдельными «клетками»-гражданами, которые в него входят. По сути, японцы полагают свою страну квазиорганизмом и считают ошибкой рассматривать мир как состоящий из отдельных индивидов», — считают Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий [Скворцова, Луцкий 2025, с. 31]. По мнению исследователей, «возглавляет это «тело» императорская семья, связанная, по преданию, родственными узами с соляным божеством Аматерасу».

Синестезийность — это, согласно Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкому, еще одна особенность японской культуры. Синестезия, как соединение основного впечатления с другими ассоциативными ощущениями, определяет целостное восприятие мира в традиционной японской культуре, поскольку «позволяет инвариантно воспринимать различные модальности чувственности» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 69]. Синестезия делает возможным «полимодальное воздействие на человека, при котором достигается наибольшая эстетическая образность и полнота восприятия» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 57]. В художественной традиции Японии приемы, стимулирующие синестезию, существовали еще в Средние века, тогда как на Западе получили распространение только во второй половине XIX — начале XX вв. [Скворцова, Луцкий 2025, с. 58]. Чайная церемония, искусство составления ароматов, по мысли авторов книги, — яркие примеры проявления синестезийности в японской культуре [Скворцова, Луцкий 2025, с. 62, 69].

Ещё одна группа очерков, вошедших в книгу, посвящена истории становления японской социологической науки и японской философии. Авторы рельефно показывают как огромную роль западных концепций и идей в этом сложном процессе, так и специфику воззрений японских мыслителей, перенимавших и творчески переосмысливавших чужеземное идейное наследие. Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий датируют вторым десятилетием XX в. полноценную институционализацию социологической науки в Японии и останавливаются на фигуре японского ученого Такэбэ Тонго (建部 遯吾 1871—1945), находившегося под сильным воздействием позитивизма Огюста Конта. Именно Такэбэ в 1898 г. стал главой кафедры социологии Токийского императорского университета, а в 1903 г. возглавил Японское социологическое общество. Своеобразной чертой взглядов Такэбэ является его представление о государстве как органическом социальном образовании, «поддерживаемом жесткой системой отношений отцов и детей, императора и подданных», которое при этом органично вписано в естественный порядок и существует по законам природного мира [Скворцова, Луцкий 2025, с. 105]. В теориях Като Хироюки (加藤弘之 1836—1916), другого замечательного японского социолога, который также был философом и государственным деятелем, были объединены элементы конфуцианства и идеи западноевропейской философии. В своем труде «Дзинкэн синрон» («Новая теория прав человека») Като, приверженец социального эволюционизма и социал-дарвинизма, констатировал наличие в обществе подавления «сильным» «слабого», а также угнетения «высшим» «низшего». В связи с этим люди в государстве неизбежно будут про-

сильней защиты у императора, как человека, обладающего харизмой *дэ* или «высшей моралью» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 112]. Вместе с тем Като подчеркивал в рамках своей «эволюционно националистической концепции» принцип борьбы наций, форма которого претерпевает изменения. В ходе такой борьбы «сильные» поглощают «слабых», в результате должно возникнуть государство, объединяющее всю вселенную; возглавляемая *тэнно*: Япония в будущем может принять такую роль на себя [Скворцова, Луцкий 2025, с. 115].

Подробно излагаются воззрения одного из основателей академической японской философии Ниси Аманэ (西周 1829—1897), начинавшего с изучения неоконфуцианских доктрин и впоследствии испытавшего сильное воздействие утилитаризма Дж. Ст. Милля и позитивизма О. Конта. Ниси в своей работе «Хякуити синрон» («Новая теория ста и одного», 1874 г.) сконструировал новый для японского языка термин «философия вообще» *тэцугаку* 哲学, который получил широкое распространение не только в Японии, но и в Китае и Корее [Скворцова, Луцкий 2025, с. 133].

Воззрения основателя Киотской школы Нисида Китаро (西田 幾多郎 1870—1945) неоднократно рассматриваются во многих частях книги Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого. В работе «Самосознающая система общего» («Иппанся-но дзикакутэки тайкэй», 1929 г.) Нисида впервые формулирует понятие «поля-ничто», сходное как с понятием Ничто в буддизме, так и, по мнению авторов книги, связанное с философией Платона, «у которого небытие, ничто также трактуется онтологически, как потенция, актуализируемая при взаимодействии с эйдосами» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 138]. Ничто, как подчеркивают авторы сборника, это основополагающая категория дальневосточной религиозно-философской традиции вообще, и к ней обращаются многие японские мыслители XIX—XX вв.

По мнению Нисида Китаро, существует фундаментальное различие между основаниями культур Запада (христианский Запад) и Востока (культуры Индийского и Дальневосточного цивилизационного круга): «Запад в основание реальности помещал Бытие (*у* — кит., *ю* — яп.); Восток же в качестве такого основания полагал Ничто (*му*). Я называю эти позиции “форма” и “бесформенное” соответственно» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 142]. Для Нисиды «форма» в основании культуры — это «статика, определенность, аристотелевская логика», а «бесформенное» — «динамика, неопределенность, логика диалектического мира». Культуру Запада, в основе которой греческая культура и христианство, Нисида относит к культуре Бытия, тогда как культуры Индии, Китая и Японии — к культурам Небытия [Скворцова, Луцкий 2025, с. 143]. Вместе с тем японский философ подчеркивал исконную самобытность и оригинальность основанной на идее Ничто японской культуры, которая смогла ассимилировать китайское и индийское влияния [Скворцова, Луцкий 2025, с. 146]. Японская культура не ориентирована на «запредельное вечное», ей не присуща религиозность, основанная на «заветах трансцендентного бога». Главная неповторимая ее особенность — это не идеи, не заповеди, не законы и не ритуал, а «эмоциональность, опора на чувство» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 146].

Рассуждая о современном пути развития Японии, Нисида видел в 1868 годе некий водораздел — именно тогда страна вошла в тесный цивилизационный

контакт с Западом. Однако, как хорошо показывают в своей книге Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, Нисида не уставал призывать к сохранению национальной идентичности в процессе взаимодействия с культурой Запада. «Мы должны развивать наш национализм, но так, чтобы видеть культуру Японии органично вписанной в общемировую», — писал японский мыслитель. Японские традиции должны стать твердой опорой, связующей прошлое, настоящее и будущее, полагал Нисида [Скворцова, Луцкий 2025, с. 149, 150].

Авторы книги демонстрируют, что свое плодотворное развитие идеи Нисиды Китаро получили в трудах его учеников, одним из которых был его биограф Ниситани Кэйдзи (西谷啓治 1900—1990). Ниситани был уверен, что над Японией нависла реальная опасность утраты национальной аутентичности, так как в период Мэйдзи страна слишком увлеклась модернизацией, пренебрегая сохранением собственной духовной традиции [Скворцова, Луцкий 2025, с. 177]. Он сомневался в способности науки и философии дать человеку ответы на главные вопросы, разъяснить «природу истинной реальности», ведь само бытие имеет множественный и относительный характер. По мнению Ниситани, только отказ от декартовского эго-когито и принятие религии позволит человеку постигнуть, что же есть мир и «мое Я в нем» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 179].

Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий приходят к выводу, что для Киотской философской школы присуща двухвекторность мировоззренческих установок: с одной стороны ее представители опираются на буддийскую и даосскую традицию метафизики (Ничто — *ку*, *空* или *му* как истинная реальность), а с другой — действуют категориальную систему западной эпистемологии [Скворцова, Луцкий 2025, с. 180].

Немало места в книге уделено рассмотрению философских построений Имамита Томонобу (今道友信 1922—2012), эрудита и знатока древних и современных западных языков. В XXI в. человеку необходима совершенно новая философия, в качестве которой Имамита предлагает «метатехнику». Человек потерял связь с природой, поэтому место метафизики («надприродной теории») сегодня должна занять «метатехника», которая должна состоять из «эко-этики» (новая этика по отношению к человеку, а также по отношению ко всему окружающему), «урбаники» (городская философия) и «калонологии» (новой эстетики) [Скворцова, Луцкий 2025, с. 488]. Философ был встревожен невиданной мощью новейших технологий и их влиянием на человечество. Трудовые процессы «отданы на откуп машинам», что облегчает условия человеческой жизни, стало больше свободного времени (досуга). Прогресс становится маркером современной цивилизации, которая стремится к вечной молодости. При этом все больший акцент делается на результате, а не на усилиях. Быстрое и легкое достижение результата неизбежно ведет к размыванию навыков и устоев традиционной народной жизни [Скворцова, Луцкий 2025, с. 216]. Простой и беспрепятственный доступ к новым артефактам, удобствам и достижениям прогресса влечет за собой дальнейшую изоляцию человека от природы [Скворцова, Луцкий 2025, с. 217]. Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий подробно останавливаются на урбанике Имамита. Большинство людей стало жить в огромных городах (город философ называет «логовом блуждающих анонимов»), в которых у людей с одной сторо-

ны вырабатывается одинаковый образ жизни и сходные привычки, а с другой — постепенно девальвируются и разрушаются традиционные семейные ценности, традиционные представления о труде, о сущности человека. Посредством СМИ в обществе тиражируются новые эталоны поведения — новые «герои» эпатируют своим внешним видом публику, распространяют «мессидж презрения к труду, гедонизма и эгоизма» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 217].

Кроме того, Томомити получил известность благодаря своей «эко-этике». Если раньше (до 1980-х гг.) в этике видели науку о морали и межчеловеческих отношениях, то в принципиально новой ситуации взаимодействие и связи между людьми гораздо в большей степени опосредуются «технологической мембраной»: люди контактируют с помощью средств электронной социальной коммуникации. В этих условиях этика как философская дисциплина должна инкорпорировать в себя и техносреду. Вместе с тем техносфера оказывает огромное воздействие на деградацию природы, что таит в себе угрозу и для человечества. Современная этика также должна стать этикой в отношении вещей (*ethica ad res*), эко-этикой [Скворцова, Луцкий 2025, с. 217, 218].

Как отмечают Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, Имамити обращает особое внимание на проблему смерти в высокотехнологическом обществе. В настоящее время понятия жизни, смерти, длительности, старения получили новые коннотации. Имамити начинает свои танатологические рассуждения с тезиса о том, что смерть — это не что иное как ограничение человеческой жизни в этом мире, которое, однако, необходимо как для существования «дел и вещей», так и для их осознания в нашем опыте [Скворцова, Луцкий 2025, с. 220]. Смерть как отрицание и ограничение — это явленные формы Ничто, которое так или иначе присутствует, хотя и не в виде оформленного сущего. Разрешение загадки модуса бытия Ничто недоступно человеческому разуму [Скворцова, Луцкий 2025, с. 221]. Вместе с тем философ выдвигает тезис о трех ипостасях Ничто: 1) оно делает сущее сущим; 2) оно отделяет сущее от Бытия; 3) но оно же — сила, уничтожающая сущее изнутри. Для Имамити Ничто — первопричина возникновения как индивидуальности человека, так и темпоральности [Скворцова, Луцкий 2025, с. 223].

Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий одновременно напоминают читателю, что Имамити был католиком и видел в человеческой душе нематериальную, вечную сущность. В то же время, не всякая душа бессмертна, смерть для творческого индивида становится лишь «телесной смертью», и одновременно мигмом воссоединения с бесконечным Бытием, поскольку при жизни в ходе постоянных «тренировок» его душа неоднократно трансцендировала из обыденности и материальности мира в иное, духовное «измерение» (при прослушивании классической музыки, чтении серьезной книги, в моменты экстаза творчества и т. п.). Людей с «неразвитыми душами», согласно Имамити Томонобу, после смерти ожидает судьба животных и растений, бесконечно повторяющих себя в циклах биологического воспроизводства [Скворцова, Луцкий 2025, с. 224, 225].

Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий отмечают «глубину теоретического погружения японского философа в тему умирания и смерти», Имамити выстраивает свою собственную концепцию, полемизируя как с религиозной трактовкой

смерти, так и со взглядами экзистенциалистов — М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра [Скворцова, Луцкий 2025, с. 228].

В то же время в своей книге Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий немалое внимание уделяют анализу новейших эстетических воззрений японских философов — не только Имамита Томонобу, но и Ониси Ёсинори (大西克礼 1888—1959), Идзущу Тосихико (井筒俊彦, 1914—1993), Окадзаки Ёсиэ (1892—1982), Хисамацу Синьити (久松 真一, 1889—1980). Все они стремились постигнуть суть японских представлений о прекрасном, в том числе с помощью категорий Пустоты и Ничто из идейного наследия дальневосточной философской традиции. Представитель Киотской школы Куки Сюдзо (九 鬼周造 1888—1941) в своем труде «Структура ики» (粋の構造, *ики-но кодзо*) выдвинул в качестве главного эстетического понятия красоты в эпоху Эдо (1603—1868) понятие *ики* 粋. Тело находится вне поля зрения западной культурологии, сетовал мыслитель. Для Куки утонченные проявления телесности — неотъемлемая часть и средоточие культурной идентичности японцев [Скворцова, Луцкий 2025, с. 233]. Смысл *ики* передается в японском языке, но его адекватный перевод на западные языки невозможен, а посредством общих понятий его суть не сформулировать, утверждал Куки Сюдзо. Он видел в *ики* комплекс противоречивых состояний, которые можно пережить, но сложно описать [Скворцова, Луцкий 2025, с. 235]. *Ики* отражается как в физических чертах и особенностях поведения человека (черты лица, жестикуляция, походка, интонация голоса), так и в особенностях произведений музыкального, танцевального и архитектурного искусства [Скворцова, Луцкий 2025, с. 237].

Караки Дзюндзо (唐木順三, 1904—1980) — еще один представитель Киотской школы, ученик Нисида Китаро, который, как пишут Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, познакомившись с Западной философией, сохранил приверженность буддизму. Он был не только прекрасным исследователем традиционной эстетики Японии, но историком японской литературы. В работе «Мудзё» 無常 изложена история эстетической категории *мудзё* от эпохи Хэйан (794—1185) до XVII в. Как показывают Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, «понятие *мудзё* (無常) является одним из главных, ведущих и направляющих к Ничто — предельному понятию восточной мысли (в отличие от категории Бытия как мировоззренческого фундамента Запада)» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 244]. Вышеупомянутые философы изучали японскую эстетическую традицию с помощью категориального аппарата западной философии. Однако поколение более молодых ученых, среди которых Сакабэ Мэгуми (坂部恵 1936—2009), Сасаки Кэнъити (佐々木健一, род. в 1943), Амагасаки Акира (尼ヶ崎彬, род. в 1947) и др. подвергли многих своих предшественников беспощадной критике за попытку схематизации традиционной японской эстетики путем «втискивания» ее в «чуждую» западную систему координат, отрицали философский статус эстетики и ставили своей задачей понимание японской эстетики без обращения к идейному багажу западной философии [Скворцова, Луцкий 2025, с. 251, 252].

Наконец, одной из важнейших тем труда Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого является изучение влияния философии европейского экзистенциализма на японскую литературу и философию. Как считают авторы книги, японцев привлекали те школы и направления, были созвучны «их собственной буддий-

ско-конфуцианской традиции» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 267]. Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий выдвигают тезис о сходстве буддийской и экзистенциалистской мировоззренческих систем, для которых присущ антиинтеллектуализм и антипрагматизм, в то же время обращая внимание и на существенные отличия буддизма и экзистенциализма [Скворцова, Луцкий 2025, с. 271—273].

В книге рассмотрена и деятельность Вацудзи Тэцуро (和辻哲郎 1889—1960), известного японского мыслителя, повлиявшего на развитие японской философии. Вацудзи стремился продемонстрировать уникальность и богатство японской культуры всему миру.

Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий также провели интересное сопоставление взглядов двух исследовательниц японской культуры — Т.П. Григорьевой и Т. Сугияма-Лебра, которые «вполне могут быть причислены к авторам *нихон бунка рон*» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 401]. Завершают книгу размышления Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого о неоднозначном влиянии глобализации на духовное развитие Японии, а также о японском национализме как культурологической проблеме. В своего рода постскрипуме к книге «Вместо послесловия (Является ли гуманитарная культура фактором социальной устойчивости?)» ученые настаивают на том, что в XXI в. первоосновой гуманитарной культуры «снова должны стать традиционные религии с признанием верховенства надмирных абсолютных духовных ценностей». Однако, как пишут Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, «в условиях укоренившихся в XX в. атеизма и нигилизма, к принятию этих ценностей должна подводить философия — как рациональная часть гуманитарного знания» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 508].

Данная короткая рецензия, безусловно, не призвана отразить всего богатства и многообразия тем и смыслов книги «Миры японской культуры». Вероятно, не со всеми выводами ее авторов можно согласиться, многие высказанные ими мысли не могут не вызвать возражений, однако, она несомненно является серьезным вкладом в изучение японской философии и культуры и будет востребована как среди профильных специалистов (японоведов и востоковедов), так и среди широкого круга читателей.

Библиографический список

Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. Миры японской культуры. Серия «Древо смыслов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 582 с. ISBN 978-5-98712-499-4.

References

Skvortsova E.L., Lutsky, A.L. (2025). *Miry yaponskoi kul'tury* [Worlds of Japanese Culture]. Seriya «Drevo smyslov» [Series “Tree of Meanings”]. Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian). ISBN 978-5-98712-499-4.

*Н.Н. Изотова, Л.В. Жилина, И.П. Лебедева,
С.М. Ребрей, П.Э. Подалко*

Стенограмма семинара Ассоциации японоведов «Приближается ли Япония к гендерному равенству?», 23 января 2025 г., МГИМО-Университет

23 января 2025 г. в МГИМО-университете прошел семинар Ассоциации японоведов на тему «Приближается ли Япония к гендерному равенству?». В данной публикации содержится стенограмма семинара.

Аннотация. В мировом рейтинге гендерного неравенства Всемирного экономического форума Япония опустилась с 80-го места в 2006 г. до 114-го в 2017 г. и 118-го в 2024 г. Хотя этот рейтинг весьма условен, он показывает, что проблема гендерного неравенства в стране далека от своего разрешения. Несмотря на значительный рост уровня образования японок, во многих сферах жизни их роль гораздо более скромна, чем роль мужчин. Еще с конца 1980-х г. правительство предпринимает меры для изменения ситуации, но кардинальных сдвигов пока не наблюдается. Гендерная асимметрия проявляется особенно остро в таких сферах, как экономика и политика. В то же время нельзя не видеть и огромных изменений, происходящих в обществе и прямо или косвенно влияющих на положение женщин. Это проявляется в отходе от привычных ценностей, традиционно воспринимаемых как основа формирования японского социума. Хотя по-прежнему сильны традиционализм в культуре и доминантные патриархальные маскулинные установки в общественном сознании, происходит пересмотр гендерных стереотипов и ролей. Брачно-семейные отношения постепенно теряют свою значимость, институт брака переживает определенный кризис, расширяется масштаб конфликтов между представителями разных поколений, наблюдается рост социальной апатии у молодых японцев, что проявляется, в том числе, в снижении их интереса к противоположному полу и заключению брака. Это приводит к падению рождаемости, повышению брачного возраста, сокращению числа детей в семье. Среди молодых японок растет доля тех, кто, получив хорошее образование, стремится к профессиональному росту, но это ставит их перед нелегким выбором — брак и семья или карьера, так как сочетать полноценную работу с бременем семейных обязанностей чрезвычайно сложно. С этим связана

модель участия японских женщин в экономике, характеризующаяся резким снижением среди них доли постоянных работников после 30 лет (возраста вступления в брак и рождения детей).

Ключевые слова: гендерное равенство, традиционные ценности, вименомика, кризис брака, семья.

Авторы: *Изотова Надежда Николаевна*, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID 0000-0002-2817-004X.

E-mail: n.izotova@my.mgimo.ru

Жилина Лариса Владимировна, доцент Факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск, пр-т Мира 55-А). ORCID: 0000-0002-6337-3870. E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Лебедева Ирина Павловна, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

ORCID: 0000-0003-0273-2689. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Ребрей Софья Михайловна, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 119454 Москва просп. Вернадского д. 76. ORCID: 0000-0002-6244-4497.

E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Подалко Петр Эдуардович, профессор Университета Аояма гакуин (Токио, Япония). E-mail: prodalko@aoyamagakuin.jp

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Изотова Н.Н., Жилина Л.В., Лебедева И.П., Ребрей С.М., Подалко П.Э. Стенограмма семинара Ассоциации японоведов «Приближается ли Япония к гендерному равенству?», 23 января 2025 г., МГИМО-Университет // Японские исследования. 2025. № 2. С. 130–160.

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-130-160.

N.N. Izotova, L.V. Zhilina, I.P. Lebedeva, S.M. Rebrey, P.E. Podalko

Transcript of the Association of Japanologists seminar “Is Japan Approaching Gender Equality?”, January 23, 2025, MGIMO University

Abstract. In the world ranking of gender inequality by the World Economic Forum, Japan fell from the 80th place in 2006 to the 114th in 2017 and the 118th in 2024. Although this ranking is somewhat arbitrary, it shows that the problem of gender inequality in the country is far from being resolved. Despite the significant increase in the level of education of Japanese women, in many areas of life, their role is much more modest than that of men. Since the late 1980s, the government has been taking measures to change the situation, but, so far, there has been no drastic progress. Gender asymmetry is particularly acute in areas such as economics and politics. At the same time, it is impossible not to see the huge changes taking place in society and directly or indirectly affecting the position of women. This is manifested in a departure from the customary values, traditionally perceived as the basis for the formation of Japanese society. Although there is still strong traditionalism in culture and dominant patriarchal masculine attitudes in the public consciousness, a revision of gender stereotypes and roles is taking place. Marital and family relations are gradually losing their importance, the institution of marriage is experiencing a certain crisis, the scale of conflicts between representatives of different generations is expanding, and there is an increase in social apat-

hy among young Japanese, which is manifested, among other things, in a decrease in their interest in the opposite sex and marriage. This leads to a drop in the birth rate, an increase in the age of marriage, and a reduction in the number of children in the family. Among young Japanese women, the proportion of those who, having received good education, strive for professional growth, is growing, but this presents them with a difficult choice — marriage and family, or career, since it is extremely difficult to combine a full-fledged job with the burden of family responsibilities. This situation manifests itself in the pattern of Japanese women's participation in the economy, characterized by a sharp decline in the proportion of permanent workers among them after the age of 30 (the age of marriage and childbirth).

Keywords: gender equality, traditional values, womenomics, marriage crisis, family.

Authors: *Izotova Nadezhda N.*, Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages, Moscow State Institute of International Relations (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2817-004X.

E-mail: n.izotova@my.mgimo.ru

Zhilina Larisa V., PhD (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of Philology, Translation Studies and Media Communications, F.M.Dostoevsky Omsk State University (Russia. Omsk Mira Str. 55-A). ORCID: 0000-0002-6337 3870. E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia 103031 Moscow, Rozhdestvenka Street, 12. ORCID: 0000-0003-0273-2689. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Rebrey Sofia M., PhD (Economics), Associate Professor, World Economy Department, MGIMO University, Moscow (Russia) For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76. ORCID: 0000-0002-6244-4497.

E-mail: s.rebrey@inno.mgimo.ru

Podalko Pyotr E., Professor of the School of International Politics, Economics & Communication, Aoyama Gakuin University (Tokyo, Japan).

E-mail: ppodalko@aoyamagakuin.jp

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Izotova, N.N., Zhilina, L.V., Lebedeva, I.P., Rebrey, S.M., Podalko, P.E. (2025). Stenogramma seminara Assotsiatsii yaponovedov «Priblizhaetsya li Yaponiya k gendernomu ravenstvu?», 23 yanvarya 2025 g., MGIMO-Universitet [Transcript of the Association of Japanologists seminar “Is Japan Approaching Gender Equality?”, January 23, 2025, MGIMO University]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 130—160. (In Russian).

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-130-160.

Д.В. Стрельцов

Дорогие коллеги, сегодня мы проводим семинар, посвященный гендерной ситуации в современной Японии. В ходе нашего семинара мы обсудим следующие вопросы: изменяются ли гендерные роли и ожидания в японской семье, а если да, то куда идет процесс пересмотра гендерных стереотипов в японском обществе? Меняются ли взгляды современных японок на брак/семью и на рождение детей и расходятся ли общественные ожидания и личные взгляды японских женщин на замужество? Переживает ли кризис институт семьи в контексте про-

блемы гендерного неравенства? Каково сегодня экономическое положение японских женщин? Сохраняются ли традиционные установки и предубеждения в отношении женщин на рабочих местах? Меняются ли условия системы пожизненного найма с учетом гендерной ситуации на рынке труда? Есть ли прогресс в решении проблемы карьерного роста для женщин в японских компаниях, в том числе с учетом нехватки рабочей силы и старения японского общества? Наконец, улучшается ли ситуация с гендерным неравенством в общественной и политической жизни страны?

В ходе семинара выступают следующие наши коллеги, занимающиеся темой гендерного неравенства в Японии. Это Изотова Надежда Николаевна, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО-университета; Жилина Лариса Владимировна, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского; Лебедева Ирина Павловна, главный научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН; Ребрей Софья Михайловна, доцент кафедры мировой экономики МГИМО-университета; Подалко Петр Эдуардович, проф. Университета Аояма гакуин.

Н.Н. Изотова

Уважаемые коллеги! Большое спасибо за предоставленную возможность принять участие в семинаре Ассоциации японоведов. Тема моего доклада: «Трансформация гендерных стереотипов в японском обществе: социокультурный аспект».

Актуальность исследования гендерного дискурса обусловлена возрастанием темпов трансформации современных обществ, динамикой происходящих в них процессов. Именно гендерные отношения и сексуальность в настоящее время находятся в центре повестки дня, поскольку на них экстраполируются многие более масштабные и серьезные проблемы.

В условиях мультикультурности наиболее остро встает проблема самоопределения человека: диффузный, подвижный характер идентификации? распространяется на такие формы идентичности, как гендерная. Легитимизация возможности изменения пола или сексуальной ориентации позволяет говорить о выходе за пределы традиционных бинарных категории? гендера «мужчина—женщина» и переосмыслении отношения к норме и маргинальности различных типов гендерной идентичности.

Говоря о гендерных стереотипах, необходимо подчеркнуть, что они представляют культурно и социально обусловленные мнения об атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов. Таким образом, гендерные стереотипы, воплощаясь в общественном сознании, отражают набор характеристик, приписываемых определенному полу.

Какова же их роль в социокультурной жизни общества? Прежде всего, они регламентируют образ жизни и оказывают влияние на вербальную коммуникацию. Кроме того, аккумулируя этические принципы и систему ценностей, ген-

дерные стереотипы влияют на уклад и распределение социальных ролей в обществе, общую культурную и политическую ситуацию в тот или иной исторический период, тем самым во многом определяют своеобразие национальной культуры. Подчеркнем, что трансформация гендерных стереотипов в любой культуре свидетельствует о глубоких внутренних изменениях ее ценностно-смыслового ядра, национального сознания.

Прежде чем перейти к анализу гендерных стереотипов в современном японском обществе, разрешите представить краткий исторический экскурс трансформации гендерных отношений и стереотипов.

Различные временные периоды истории диктовали свои нормативные представления о гендерном поведении и гендерной идентификации. На каждом этапе истории Японии характер гендерных отношений детерминировался уровнем социокультурного развития. В древности Япония была матриархальным обществом, семейная собственность переходила по наследству женщинам.

В эпоху Камакура (1185—1333) и Муромати (1333—1568) получила распространение система *ка* *из* (иероглиф *ка* *из* имеет два значения: «дом» как жилое здание и «семья» — сообщество людей, проживающих вместе), которая привела к четкой дихотомизации мужского и женского, доминированию мужчин во всех сферах общественной жизни.

Система *из* представляла разветвленный семейный уклад, включающий не только членов одной семьи, но и их слуг, наемных работников и т. п., в давние времена она могла составлять население всей деревни.

В эпоху Эдо (1603—1868) под влиянием конфуцианства, ставшим официальной религией сёгуната Токугава, социализация стала всецело предопределяться сословной и гендерной принадлежностью. Женщинам предписывалось следовать «шести конфуцианским добродетелям»: послушанию, чистоте, доброжелательности, бережливости, скромности и усердию. Широкое распространение получил постулат учения Конфуция: «мужчина вне и женщина внутри», предполагавший участие мужчин в общественной и политической жизни, заботу о материальном обеспечении семьи, роль женщины сводилась к заботе о детях и ведению домашнего хозяйства.

В 1717 г. был опубликован трактат, касающийся воспитания женщин — *女大学onna дайгаку* «Великое учение для женщин». Исследователи приписывают его Каибара Экикэн (1630—1714), выдающемуся конфуцианскому ученому, философу, ботанику, автору известных медицинских трактатов.

«Великое учение для женщин» окончательно закрепило гендерную асимметрию в приватной и публичной сферах. Основная мысль трактата — женщина должна подчиняться мужчине, а ее деятельность не может выходить за пределы дома. Мир женщины, таким образом, замыкался на домашних обязанностях, которые ей следовало выполнять всю жизнь, а также на рождении и воспитании детей. Муж уподоблялся небу: «Женщина должна смотреть на своего мужа так, будто он является самим Небом».

В эпоху Мэйдзи (1868—1912) была введена система обязательного образования для мужчин и женщин — женщины должны были не просто подчиняться супругу, как это было в эпоху Эдо, но служить ему опорой не только в домашних

делах, но и в воспитании детей и в продвижении по службе. Однако образование для мужчин и женщин было далеко не равноценным, занятия в женских школах были ориентированы главным образом на обучение ведению домашнего хозяйства.

В это время вошло в обиход выражение *良妻賢母 рёсайкэмбо*, которое означает «хорошая жена и разумная мать». Оно не так распространено сегодня, но прочно укоренилось в подсознании японцев, оказывая влияние на традиционные полоролевые паттерны: работающий мужчина и женщина, занимающаяся домашним хозяйством.

Равные права независимо от пола японцам были гарантированы только после Второй мировой войны конституцией 1946 года.

Современный этап развития японского общества характеризуется трансформацией системы ценностей, размыванием традиционной японской идентичности. Сложный комплекс демографических, социально-экономических и социокультурных факторов оказывает влияние на трансформацию гендерных отношений? и стереотипов, представляющих конгломерат традиционных и эгалитарных взглядов.

За последние десятилетия произошел массовый приток женщин на рынок труда, что связано с резким сокращением рабочей силы и падением рождаемости. Еще в начале XXI в. количество семей, где работают оба супруга, превысило количество семей с одним кормильцем. Согласно статистическим данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, в 2024 г. женщины составляли 54,2 % работающего населения страны.

Несмотря на усилия, предпринимаемые правительством для стимулирования развития экономики путем привлечения все большего числа женщин на рынок труда, гендерная асимметрия в японском обществе остается большой проблемой. В «Глобальном докладе о гендерном неравенстве», опубликованном Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) 12 июня 2024 г., Япония заняла 118-е место среди 146 стран. Хотя ситуация несколько улучшилась по сравнению с предыдущим годом, и Япония поднялась на 7 пунктов, она по-прежнему занимает самое низкое место в рейтинге среди стран «Большой семерки» и даже не вошла в первую сотню.

В сфере участия женщин в политической жизни Япония все еще значительно отстает от других стран и находится на 113 месте. В палате представителей 73 женщины, в правительстве Исиба Сигэру женщины получили лишь два поста: министра по проблемам низкой рождаемости, который заняла Михара Дзюнко, и министра образования, культуры, спорта, науки и технологий, на который назначена Абэ Тосико. На рейтинг также повлиял тот факт, что за последние 50 лет женщины ни разу не становились премьер-министрами.

В области экономического положения из-за разницы в доходах мужчин и женщин и соотношения между полами на руководящих постах Япония занимает 120-е место, а в сфере образования — 72-е место.

Что же мешает продвижению женщин в политике? На наш взгляд, гендерные паттерны и стереотипы. В японском обществе доминирует предубеждение о том, что «политика — сугубо мужское дело». Если женщина демонстрирует типично

мужское поведение, она лишается симпатии избирателей, отдающих свой голос за нее как за представительницу слабого пола.

Изменение ориентации личности на внесемейные ценности сопровождается отчуждением, приводит к распространению эгоистических одиночно-коммунальных форм существования. Проблема сокращения рождаемости — 少子化 (*сё:сика*) — становится все более острой.

В 2024 г. в Японии зафиксировано самое низкое число новорожденных за всю историю учета статистики рождаемости с 1899 г.: 687 тыс. 80 человек, что на 40 тыс. 208 новорожденных меньше, чем в 2023 г. Количество рождений находится на уровне ниже миллиона девятый год подряд (с 2016 г.). Показатель фертильности составил 1,15, и это один из самых низких показателей в мире.

При этом, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии за 2024 г., численность жителей старше 65 лет составляет 36 млн 250 тыс. человек, более 29,3 % населения Японии. По прогнозам, общая численность населения Японии к 2050 г. сократится до 104 млн 68 тыс. человек. Каждый четвертый житель Японии будет старше 75 лет. Если эта тенденция сохранится, Япония в 2050 г. будет представлять собой общество, в котором один человек трудоспособного возраста содержит одного ребенка и одного пожилого человека.

Ежегодно повышается возраст вступления в брак — в 2024 г. у мужчин он составил 31 год, у женщин — 29,5 года.

Раньше «срок годности» женщин для брака сравнивали с рождественским тортом: «Лучше всего выходить замуж до 24 лет, 25 — еще ничего, потом — уже объедки», т. е. общественное давление принуждало женщин выходить замуж как можно раньше. Женщин, которые рожают первого ребенка в возрасте 35—40 лет, становится все больше. Эта тенденция снижает возможности для рождения второго и третьего ребенка и ведет к дальнейшему снижению рождаемости.

С 1969 г. наблюдается устойчивая тенденция к росту т.н. 熟年離婚 (*дзюкунэн рикон*, букв. «разводов в зрелом возрасте») среди супружеских пар в возрасте 50—60 лет, проживших вместе более 25 лет. Примечательно, что, как правило, инициаторами таких разводов становятся женщины. В 2024 г. доля таких разводов составила 19 %.

Данные тенденции свидетельствуют о том, что прежняя нуклеарная семья, характерная для индустриального общества, оказалась в кризисном состоянии. Разрушение системы пожизненного найма, упадок японской системы управления, размывание моральных устоев привели к трансформации традиционных патриархальных полоролевых стереотипов.

Все больше одиноких мужчин и женщин в Японии не хотят вступать брак, считая семейную жизнь обузой. Согласно опросу, проведенном компанией Recruit в сентябре 2023 г., процент неженатых японцев в возрасте от 20—49 лет, ответивших, что они «в настоящее время находятся в отношениях», составил 29,7 %. Доля респондентов, которые никогда не состояли в отношениях, составила 34,1 %, что является самым высоким показателем с момента начала проведения этого опроса. Только 49,3 % женщин и 43 % мужчин планируют в будущем вступить в брак. Наиболее распространенной причиной, по которой 40,5 % жен-

щин не хотят выходить замуж, было то, что это «ограничивает деятельность и образ жизни», тогда как основной причиной, которую назвали 42,5 % мужчин, была «потеря финансовой свободы». 45 % респондентов считают жизнь без брака «более спокойной».

По данным Национальной переписи населения, проводимой раз в пять лет, в 2022 г. 29 млн 73 тыс. человек (27,5 % от общего числа лиц в возрасте 15 лет и старше) никогда не состояли в браке. Число неженатых мужчин составило 16 млн 639 тыс. (31,9 %), а незамужних женщин — 13 млн 9 тыс. (23,3 %). Ожидается, что в будущем этот показатель будет расти, и нормой станет образ жизни «никогда не состоявших в браке».

В наши дни стираются границы между мужскими и женскими гендерными стереотипами: с точки зрения японских женщин, неженатых мужчин, которые в состоянии создать семью по традиционному образцу и обеспечить ей достойное существование, катастрофически мало.

Автор бестселлера «Травоядные мужчины меняют Японию» Усикубо Мэгуми считает, что в той или иной степени к таковым можно отнести до 2/3 японцев в возрасте от 20 до 34 лет. «Травоядные» считают роль, которая традиционно отводилась мужчинам, слишком обременительной, они не готовы брать на себя финансовые расходы, ухаживая за девушками, и обеспечивать будущую семью.

Японский социолог Ямада Масахиро, занимающийся гендерными исследованиями, ввел в научный оборот термин *パラサイト・シングル* *парасайто сингуру* («паразит-одиночка») и определил данное явление как форму социального паразитизма. Согласно статистическим данным, 75 % процентов одиноких мужчин и 70 % одиноких женщин живут с родителями.

Как отмечает исследователь, «паразиты-одиночки», неженатые молодые люди старше 20—30 лет, живущие с родителями, наносят ущерб экономике страны. Они тратят деньги только на хобби и развлечения, и даже имея нестабильный доход, могут позволить себе вести достаточно комфортный образ жизни.

Профессор Института социологии (ISS) Токийского университета Гэнда Юдзи привлек внимание еще к одной серьезной социокультурной проблеме японского общества — одиноким безработным людям. Он назвал их СНЭП (SNEP) (англ. Solitary Non-Employed Persons). SNEP — это человек в возрасте от 20 до 60 лет, который нигде не работал и никогда не состоял в браке. Его постоянное окружение сводится к членам семьи либо он все время проводит в одиночестве. Число таких людей неуклонно растет. Трое из каждых четырех SNEPов живут с родителями и родственниками, причем даже не пытаются искать работу.

В японском обществе в последние годы активизировалась движение против гендерного детерминизма, за признание прав сексуальных меньшинств.

Необходимо отметить, что исторически к мужской гомосексуальности в Японии относились лояльно. В отличие от христианской и мусульманской культур, в Японии никогда не было жесткого религиозного запрета на гомосексуализм, геи не становились объектами агрессии и не преследовались законом.

Несмотря на толерантное отношение к сексуальным меньшинствам, Япония — единственная страна в «Большой семерке», не одобряющая закон, разрешающий однополые браки.

В 2015 г. муниципалитет токийского района Сибуя принял постановление о признании однополых отношений «эквивалентных браку». Однополым парам стали выдавать специальные «сертификаты партнерства», которые признаются некоторыми страховыми компаниями и дают им возможность получать те же административные услуги, что и членам обычных семей. По состоянию на июнь 2024 г., систему партнерства внедрили в 459 местных органах власти. Количество сертификатов по состоянию на 31 мая составило 7351.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в современном японском обществе трансформация традиционных гендерных ценностей носит глобальный характер. Традиционализм в культуре и доминантные патриархальные маскулинные установки сочетаются с пересмотром гендерных стереотипов и ролей. Брачно-семейные отношения постепенно теряют свою значимость: процесс «демаскулинизации» гендерных норм влечет за собой утрату институтом семьи своих традиционных признаков. Об этом свидетельствуют снижение рождаемости, увеличение брачного возраста, нежелание все большего числа японских женщин жертвовать карьерой ради семьи. Кроме того, деструктуризации традиционной модели семьи способствует движение за сексуальное равноправие, пропаганда нетрадиционных типов семейных отношений, рост приверженцев однополых браков. Несмотря на усилия правительства, проблема гендерной асимметрии, связанная с меньшим, чем в других развитых странах, участием женщин в экономической и политической жизни, остается острой.

Л.В. Жилина

За последние несколько столетий институт брака в Японии радикально изменился. Исследования показывают, что основным социальным институтом, на котором вызовы глобализации сказываются в первую очередь, оказывается семья — это происходит из-за социального отчуждения, ослабления поддержки молодого поколения семьей. Эти изменения отражают новые социальные реалии, влияние других культур и часто являются результатом урбанизации и социальной раздробленности, проявляющейся как в нуклеарных семьях, так и в семьях с одним родителем. Современная Япония также столкнулась с беспрецедентной проблемой, которая оказывает заметное влияние на все общество: наблюдается заметное снижение числа людей, вступающих в брак. Правительство ломает голову, пытаясь найти ответы и решения этой проблемы. Так что же привело к изменению отношения японских женщин к браку?

Согласно данным, опубликованным Министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии, число детей, рожденных в стране в 2023 г., упало до рекордно низкого уровня. Приведенные министерством данные свидетельствуют о том, что эта тенденция вряд ли изменится в ближайшее время (данные приведены в таблице). Если ситуация будет развиваться такими темпами и дальше, то доля молодых в общей численности населения страны снизится до критического уровня, а это, в свою очередь, сделает практически невозможным поддержание

темпов естественного прироста населения. Но отрицательных последствий, как мы понимаем, окажется куда больше.

Например, в Токио суммарный коэффициент рождаемости — среднее число детей, которых женщина рождает за свою жизнь — в 2023 г. вообще упал ниже 1(!), до 0,99, самого низкого показателя среди 47 префектур Японии. В Японии рождаемость находится в зависимости от числа заключенных браков, поскольку здесь глубоко укоренилось мнение, что иметь ребенка — это прерогатива исключительно семейных пар (хотя и заключенный брак не гарантирует напрямую желание/возможность обзавестись потомством, в Японии немало пар, предпочитающих брак *child-free*).

Компания *Biglobe Inc.* провела онлайн-опрос 12—14 сентября 2024 г. 60,6 % респондентов из поколения *Z* заявили, что «согласны с тем, что можно никогда не вступать в брак». Наибольший процент (62,0 %) был среди респондентов в возрасте 25—29 лет.

Что касается препятствий для брака, то по результатам опроса, опубликованного *Mainichi* в августе 2024 г., наиболее распространенными ответами были «отсутствие возможностей встречаться с потенциальными партнерами» (42,7 %) и «финансовые проблемы» (доход, занятость, расходы на жилье, погашение студенческих кредитов, расходы на образование и т. д.) (36,7 %). Помимо этих двух пунктов, наиболее частыми ответами были «возможность перевода по службе, требующая переезда в другой город» (20 %) и, у неженатых мужчин, «отсутствие лиц противоположного пола на работе» (19,4 %). Несомненно, несоответствие между числом доступных одиноких мужчин с высоким доходом и числом женщин, ищущих таких мужчин, также способствовало усложнению поиска партнера для брака. Незамужними женщинами были названы такие препятствия на пути к браку, как «увеличение бремени домашней работы и ухода за детьми» (29,5 %) и «тревога в связи с тем, что брак помешает карьере» (17,4 %).

Пандемия COVID-19 также привела к сокращению числа браков: из-за пандемии молодые люди в возрасте 20—30 лет больше, чем другие, оказались обеспокоены гарантиями занятости и ухудшением перспектив получения дохода, что, в свою очередь, сделало их менее (чем до пандемии) оптимистичными в отношении создания семьи. Количество зарегистрированных в 2021 г. браков в Японии сократилось на 12,3 % (до 525 490), что стало послевоенным рекордом.

В современных исследованиях можно найти два основных объяснения различного воздействия пандемии на мужчин и женщин. Первое — это гендерные различия в отраслевом и профессиональном составе рабочей силы: непропорционально больше женщин работают на позициях, которые требуют большего межличностного контакта, и заняты работой, которая не может выполняться удаленно. Именно профессиональной и отраслевой структурой гендерной занятости можно объяснить значительную часть гендерного разрыва в уровне безработицы.

Второе объяснение — возросшие обязанности женщин по уходу за детьми. Несмотря на то, что эксперты в полной мере все еще не оценили влияние пандемии на потерю работы именно женщинами, в своих исследованиях они отмечали следующее. В большинстве случаев в Японии гендерные роли по-прежнему чет-

ко разделены — именно матери несли основное бремя совмещения удаленной работы и ухода за детьми и продолжали брать на себя 80 % домашней работы. Закрытие школ не только лишило детей возможности обучения, но и увеличило нагрузку на родителей по уходу за ними. Хотя в этот период и произошел резкий всплеск количества оплачиваемых отпусков, на которые были выделены государственные субсидии («на ликвидацию последствий закрытия школ»), но это не особо изменило существующую ситуацию для самих женщин.

Известно, что современные японские родители более благосклонно, чем прежде, относятся к **образованию** девочек. Например, в 2018 г. уже 61 % (по сравнению с 22 % в 1973 г.) японцев хотели, чтобы их дочери получили университетское образование. Несмотря на ограничения в карьере, с которыми сталкиваются японские женщины, необходимо отметить, что многие из них все же поступают в престижные университеты и стремятся сделать карьеру. Текущая статистика, представленная на сайтах ведущих университетов, показывает, что хотя число студенток и растет, но по-прежнему их меньше, чем студентов-мужчин.

Тем не менее, можно утверждать, что получение хорошего образования стало шагом к получению финансовой независимости молодых японок. Результатом этого становится изменение их образа мышления. В наши дни все больше незамужних японок бросают вызов устоявшимся социальным нормам, связанным с домашними обязанностями, и, как их западные сестры, предпочитают оставаться одиночками и уделять время своим личным приоритетам, тратить свою энергию на личные увлечения (спорт, кулинария, танцы и т. д.), а также на путешествия по стране и за рубежом.

Считается, что беспрецедентное количество женщин, поступающих в высшие учебные заведения, и их дальнейшее трудоустройство являются основными причинами откладывания брака или полного отказа от него. То, что повышение образовательного уровня японок в итоге негативно отражается на браке, подтверждается и проведенными исследованиями: выпускницы вузов, которые не находят партнера с аналогичным образованием во время учебы, как правило, не выходят замуж за мужчину с более низким уровнем образования и остаются незамужними. Таким образом, повышение образовательного уровня женщин сопровождается постепенным сближением предпочтений мужчин и женщин в отношении желаемых характеристик партнеров и увеличением доли браков, в которых оба супруга имеют одинаковый уровень образования. Иными словами, получение образования для японок, хотя и означает большую независимость и финансовую самостоятельность, снижает привлекательность брачного рынка и сокращает шансы выйти замуж.

После принятия в 1986 г. женщины, стали все активнее посвящать себя карьере. Однако хотя японки и добились заметного прогресса в поиске своей новой идентичности, в обществе все еще сохраняются глубоко укоренившиеся стереотипы о том, что женщины в первую очередь должны посвящать себя дому, а не работе.

И мужчины, и женщины обычно рассматривают **карьеру** как препятствие для брака. Однако женщины больше, чем мужчины, обеспокоены финансовыми вопросами семьи. Япония была одной из немногих развитых стран, где гипотеза

экономической независимости Беккера¹ показала отрицательную связь между экономическими перспективами женщин и браком. Напротив, в западных странах заработки женщин положительно связаны, если вообще связаны, с браком и этим подтверждают теорию Валери Оппенхэймер²: женщины с низким уровнем образования (доходов) вступают в брак в более раннем возрасте, но отношения чаще заканчиваются разрывом, поэтому значительную часть взрослой жизни они проводят без партнера.

Сравнительные исследования по вопросам брака показывают, что заработки женщин отрицательно коррелируют с браком в обществах, где брак основан на типе семьи «мужчина-кормилец», в то время как заработки женщин оказывают положительное или нулевое влияние на брак в обществах, где экономические роли более равномерно распределены между супругами.

Обнаруживается отрицательная связь между финансовым благосостоянием женщин и их стремлением к браку в Японии, где традиционные гендерные отношения все еще остаются сильными. Это связано с тем, что брак и полноценная работа здесь часто несовместимы. Японские женщины с более высоким уровнем дохода с меньшей вероятностью будут планировать замужество, чем женщины с более низким уровнем дохода.

Повысив собственную самооценку, японки стали по-другому оценивать мужчину как партнера, предъявляя к нему новые требования. По мере того, как женщины становились все более финансово независимыми, снижалась их мотивация искать партнера исключительно по финансовым причинам. Это стало одним из наиболее заметных социальных изменений, связанных с более поздним вступлением в брак и сокращением числа браков в Японии.

В последние годы незамужним женщинам стало проще получать удовольствие от жизни в одиночестве: появились караоке-бары с отдельными комнатами, рестораны для тех, кто обедает в одиночку, различные косметические услуги для женских групп и капсульные отели только для женщин. Представления о том, что можно жить в одиночестве (или с родителями) и наслаждаться жизнью, становятся все более распространенными и социально приемлемыми.

По мнению исследователей, наблюдается значительное несоответствие в отношении к браку и **рождению детей** между японскими одиночками женщинами и мужчинами: мужчины, как правило, верят в важность брака, а также в значимость рождения детей в супружеской жизни, в то время как женщины сообщают о более либеральном отношении к браку и семье. Но примечательно, что именно женщины, несмотря на их менее традиционное отношение к браку и рождению детей, показывают в опросах более серьезные брачные намерения по сравнению с мужчинами. Также у женщин более сильное желание иметь детей, чем у муж-

¹ Рациональный экономический выбор, основанный на личных интересах, управляет большинством аспектов человеческого поведения, а не только решениями о покупках и инвестициях, которые традиционно считаются влияющими на экономическое поведение. Согласно экономическому подходу, человек решает вступить в брак, когда ожидаемая полезность брака превосходит ожидаемую полезность холостой жизни или же дополнительные издержки.

² Oppenheimer V.K. Women's Employment and the Gain to Marriage. The Specialization and Trading Model // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. P. 431—453.

чин. Сочетание менее традиционных взглядов на брак и семью, но сильных брачных намерений, а также общая тенденция к более позднему вступлению в первый брак, предполагает, что для некоторых японских женщин существуют определенные препятствия в вопросах заключения брака. Например, одинокие японки называли препятствием для брака отсутствие согласия между супругами относительно трудоустройства супруги после вступления в брак. В свою очередь, мужчины, как правило, больше, чем женщины, обеспокоены влиянием занятости матери на воспитание ребенка. Учитывая трудности с сохранением полной занятости в браке из-за бремени домашних дел и ухода за детьми, незамужние женщины рассматривают согласие супруга относительно ее занятости как ключевой элемент при принятии решения о вступлении в брак. Традиционные аспекты брака и семейной жизни также не очень привлекательны для одиноких женщин, особенно тех, кто имеет высшее образование. В частности, эти женщины предпочли бы, чтобы их муж играл более активную роль в воспитании детей. Женщины более (чем мужчины) склонны искать брачные отношения, основанные на товариществе, а не на традиционных гендерных ролях.

Еще один аспект низкой рождаемости связан с **корпоративной культурой**. Как уже упоминалось, в Японии женщины несли и по-прежнему несут большую часть бремени ухода за детьми, что препятствует реализации гендерного равенства в стране. Хотя и мужчины, и женщины могут брать отпуск по уходу за ребенком до достижения им одного года и продлить его до 2 лет, если на это существует уважительная причина (например, если родители не могут найти детский сад для ребенка), по данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, отпуск по уходу за ребенком берут 80 % женщин и всего 12,65 % мужчин. Такое положение дел, прежде всего, связано с атмосферой, которая складывается непосредственно в компании (на рабочем месте) и затрудняет использование права на отпуск по уходу за ребенком, а также с отсутствием понимания со стороны компании и ее руководства того, что необходимость брать такой отпуск возникает и у сотрудников-мужчин. Система предполагает преданность и самопожертвование. И поскольку компания обещает выполнять свою часть сделки, ее сотрудники чувствуют необходимость отвечать взаимностью.

В июне 2021 г. был пересмотрен Закон об отпуске по уходу за ребенком. В него были добавлены пункты, направленные на то, чтобы побудить сотрудников-мужчин брать «декретный отпуск», и внесены дополнения, которые должны улучшить условия труда семейных японцев независимо от того, работают они на малых, средних или крупных предприятиях. Также с апреля 2022 г., работники, сообщающие о беременности супруги, информируются о «системе поддержки», на которую они могут рассчитывать, и затем «в индивидуальном порядке» могут подтвердить свое намерение взять «декретный отпуск» до 4-х недель (его можно брать двумя частями). Кроме того, Министерство здравоохранения, труда и благосостояния учредило «Премии компании *Iku-men*» и «Премии компании *Iku-boss*» («*iku*» — воспитывать ребенка) для поощрения отдельных лиц и компаний, которые создают условия для достижения баланса между уходом за детьми и работой. Кроме того, компании должны будут обнародовать сведения о сотрудниках-мужчинах, которые взяли отпуск по уходу за ребенком. Ожидается, что та-

кая информация станет частью ее социальной репутации. В желании поддержать молодых пап в Японии пошли еще дальше, создав НКО «Отцовство в Японии», которое осуществляет проект «Спасибо, папа» (*Thank You Dad Project*).

В заключение хотелось бы сказать, что для того, чтобы стимулировать интерес женщин к вступлению в брак, социальные и культурные нормы в Японии должны измениться в сторону большей открытости и приемлемости полноценной трудовой карьеры для женщин. Как мы видим, снижение рождаемости в Японии является результатом двух основных факторов: ограничений, налагаемых гендерными ролями в семье, и ограничений, налагаемых ожиданиями на рабочем месте. Жесткость этих ожиданий заставляет женщин чувствовать, что они могут выполнять только одну роль — роль матери семейства. Японки, пользующиеся социальными и экономическими преимуществами своего образовательного уровня и незамужнего статуса, не будут так легко отказываться от своей новообретенной свободы ради выполнения традиционных ролей жены и матери. Необходимы изменения в трудовой политике и корпоративной культуре, которые приведут к признанию в обществе необходимости гендерного равенства и поддержки ухода за детьми обоими родителями, что, в свою очередь, станет гарантией того, что и мужчинам, и женщинам, наконец, удастся сбалансировать свою работу и семейную жизнь.

И.П. Лебедева

Судя по позициям Японии в международных рейтингах, проблема гендерного неравенства в стране весьма далека от разрешения. Как показывают данные *The Global Gender Gap Report* Всемирного экономического форума, за последние два десятилетия позиции Японии не только не улучшились, но даже ухудшились: по общему индексу неравенства она опустилась с 80-го места в 2006 г. до 114 -го в 2017 г. и 118-го в 2024 г.

Нужно с осторожностью относиться к этому рейтингу и иметь в виду, что эти показатели условны. Во-первых, индекс Всемирного экономического форума не учитывает уровень социально-экономического развития страны, а лишь измеряет степень гендерного неравенства в разных областях. Совершенно очевидно, что жизнь японок далеко не так тяжела и драматична, как жизнь женщин в соседствующих с ней в рейтинге азиатских и африканских государствах. Во-вторых, на ухудшение позиций Японии в 2024 г. повлияло изменение методики расчета субиндекса «здоровье, продолжительность жизни». Если раньше при подсчете учитывалась ожидаемая продолжительность жизни, и Япония занимала первое место, то ее смещение на 58 место в 2024 г. произошло из-за перехода к расчетам по продолжительности здоровой жизни и соотношению между полами среди новорожденных младенцев (оба показателя вызывают определенные сомнения с точки зрения измерения гендерного неравенства).

Индекс гендерного неравенства представляет собой среднее арифметическое четырех субиндексов — «экономическая активность и возможности», «доступность образования», «здоровье, продолжительность жизни», «участие в полити-

ке». И среди них наихудшие позиции — 120 место в 2024 г. — Япония заняла именно по субиндексу «экономическая активность и возможности». Более конкретно о гендерных разрывах в экономике можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1. Показатели гендерного неравенства в экономической сфере (2024 г.)

| | Место Японии | Значения субиндекса и индикаторов | Показатели для женщин (А) | Показатели для мужчин (В) | Отношение А к В |
|---|--------------|-----------------------------------|---------------------------|---------------------------|-----------------|
| Экономическая активность и возможности | 120 | 0,568 | — | — | — |
| Степень экономической активности | 80 | 0,768 | 54,8 % | 71,4 % | 0,77 |
| Равенство в оплате труда | 83 | 0,619 | — | — | |
| Уровень доходов | 98 | 0,583 | 31,05 тыс. долл. | 53,24 тыс. долл. | 0,58 |
| Доля среди юристов, высших должностных лиц, менеджеров | 130 | 0,171 | 14,65 % | 85,35 % | 0,17 |
| Доля среди специалистов и инженерно-технических работников (2017) | 101 | 0,654 | 39,5 % | 60,5 % | 0,65 |

Источник: The Global Gender Gap Report 2024, p.219 // World Economic Forum. URL: http://www.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

Последняя правая колонка в таблице показывает, насколько велико расстояние до полного равенства, т. е. до 1. Очевидно, что наиболее долгий путь Японии предстоит пройти для достижения равенства по доле женщин среди высших должностных лиц (если это вообще возможно).

Более конкретно о позициях женщин в японской экономике позволяют судить данные табл. 2, отражающие структуру занятости в японской экономике в гендерном разрезе.

Хотела бы обратить ваше внимание на следующие моменты.

Во-первых, на позиции женщин в категории «самозанятые». В нее включаются как индивидуальные предприниматели, так и владельцы предприятий, главным образом — мелких и средних. Доля женщин среди лиц этой категории составляет 28 % (порядка 1 млн 400 тыс.). То есть бизнесом в Японии занимаются преимущественно мужчины.

Во-вторых, на различия в формах занятости между мужчинами и женщинами. Около 90 % мужчин и более 90 % (93 %) женщин работают по найму. Но при этом среди мужчин постоянными работниками являются более 3/4 (76,3 %), а среди женщин — менее половины (47 %). И если в общем числе постоянных работников почти 2/3 составляют мужчины, а женщины — немногим более 1/3, то среди непостоянных работников соотношение между ними прямо противополо-

Таблица 2. Структура занятых в экономике (2022 г.)

| Формы занятости | Всего | | Мужчины | | Женщины | |
|--|------------------------|--------|------------------------|--------|------------------------|--------|
| | численность, тыс. чел. | доля % | численность, тыс. чел. | доля % | численность, тыс. чел. | доля % |
| Самозанятые | 5108 | 7,6 | 3713 | 10,1 | 13 950 | 4,6 |
| Работники семейных фирм | 1018 | 1,5 | 221 | 0,6 | 796 | 2,6 |
| Наемные работники, в том числе: | 60 772 | 90,8 | 32 677 | 89,3 | 28 095 | 92,8 |
| Высшие управленцы | 3547 | 5,3 | 2637 | 7,2 | 910 | 3,0 |
| Прочие наемные работники, в том числе: | 57 225 | 85,5 | 30 640 | 82,1 | 27 185 | 89,8 |
| постоянные работники | 36 115 | 54,0 | 23 398 | 63,2 | 12 717 | 47,0 |
| непостоянные работники, в том числе: | 21 110 | 31,6 | 6642 | 18,1 | 14 468 | 47,8 |
| пато, 10365 | 15,5 | 1264 | 3.5 | 9101 | 30,0 | |
| Арубайто | 4314 | 6,4 | 2147 | 5,9 | 2167 | 7,2 |
| прочие формы непостоянной занятости | 6432 | 9,6 | 3232 | 8,8 | 3200 | 10,5 |
| Всего занятых | 67 060 | 100,0 | 36706 | 100,0 | 30 354 | 100,0 |

Составлено по: Employment Status Survey 2022, table 2-1 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/shugyou/index.html> (дата обращения: 22.09.2024).

ложное: почти 70 % составляют женщины и лишь немногим более 30 % — мужчины.

В-третьих, на позиции женщин среди высших управленцев. Порядка 900 тыс. женщин занимают эти должности, но в общем числе высших управленцев их доля составляет лишь 1/4. То есть эта область деятельности является прерогативой мужчин.

Известно, какой водораздел пролегает в Японии между постоянной и непостоянной занятостью, т. е. очевидно, что в этом плане японский рынок труда гораздо более благожелателен к мужчинам, чем к женщинам. Но даже среди женщин, получивших место постоянного работника, мало кому удается продвигаться по служебной лестнице в том же темпе, что и их сослуживцы-мужчины. Это связано с различиями в карьерных возможностях. Хорошо известно, что после принятия в 1986 г. Закона о равных правах при найме компании разделили постоянную работу на два вида — *согосёку* (управленца и специалиста), предназначенный главным образом для мужчин и предусматривающий карьерный рост, и *иппансёку* (офисного работника), предназначенный преимущественно женщинам, с гораздо более скромными возможностями для профессионального роста. Кроме того, выйдя замуж и родив ребенка, многие женщины оставляют работу и даже если по прошествии ряда лет возвращаются на места постоянных работников, то с ощутимыми потерями в карьерном темпе. Ведь из-за выпадения на дол-

гое время из системы внутрифирменной подготовки, необходимой для продвижения по службе в японских компаниях, они оказываются намного позади своих коллег-мужчин.

Гендерные различия в возможностях карьерного роста отражают различия в динамике заработной платы (табл. 3).

Таблица 3. Среднемесячная заработная плата постоянных работников разного уровня образования (тыс. иен, 2023 г.)

| Возрастные группы | Высшая ступень средней школы | | Среднее специальное образование | | Университет | |
|-------------------|------------------------------|---------|---------------------------------|---------|-------------|---------|
| | женщины | мужчины | женщины | мужчины | женщины | мужчины |
| До 19 лет | 202,7 | 212,8 | — | — | — | — |
| 20—24 | — | — | 241,9 | 253,3 | 256,3 | 266,1 |
| 50—59 | 284,7 | 409,0 | 349,9 | 482,1 | 447,1 | 555,3 |

Источник: Basic Survey on Wage Structure 2023 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-1/ordinary2020.html> (дата обращения: 05.01.2025).

Как показывают данные таблицы, женщины, имеющие то же образование, что и мужчины, существенно уступают им как по уровню заработной платы, так и по степени ее возрастания по мере увеличения стажа работы. Причем гендерные различия в оплате труда закладываются еще в самом начале трудовой карьеры и становятся более значительными по мере перехода от молодых возрастных когорт к старшим. Так, в абсолютном выражении разрыв в заработной плате по категории работников, закончивших высшую ступень средней школы, составляет 10,1 тыс. иен в самой молодой когорте и достигает 124,3 тыс. иен в когорте 55—59 лет (когда работники японских компаний получают наиболее высокую зарплату). Для лиц, имеющих среднее специальное образование, разрыв увеличивается с 11,4 тыс. иен до 132,2 тыс. иен, а для обладателей университетских дипломов — с 9,8 тыс. иен до 108,2 тыс. иен.

Конечно, гендерные различия просматриваются и в отношении отраслевой структуры занятости, при этом многие из них вполне естественны. Так, более 30 % мужчин заняты в обрабатывающей промышленности и строительстве, а в сфере медицины и социального обеспечения — лишь немногим более 6 %. Среди женщин без малого четверть работают в системе медицинского обслуживания и социального обеспечения (в основном в качестве медсестер, работников системы услуг долговременного ухода), а почти 1/3 — в сфере торговли, общественного питания и бытовых услуг. Что касается образования, то среди воспитателей и педагогов дошкольного и школьного образования преобладают женщины, а в системе высшего образования, напротив, преобладают мужчины.

В отличие от отраслевой структуры занятости женщин в профессиональной структуре просматриваются черты, отражающие влияние гендерного неравенства. Так, почти 30 % японок работают клерками, 12 % — продавцами, 18 % являются работниками сферы услуг. Лишь порядка 20 % работающих японок относятся к «высшей касте» — специалистов и инженеров, и менее 1 % занимают

должности администраторов и менеджеров. Но при этом более 7 % женщин заняты неквалифицированным трудом (уборщиц, упаковщиц и т. д.).

Поскольку вопросам брака, семьи, работы был посвящен летний семинар, я лишь напомню, что одной из главных причин, сдерживающих более полноценное участие женщин в экономике, является невозможность для многих из них сочетать работу с большим объемом домашних дел, прежде всего, связанных с воспитанием детей.

Долгое время график, описывающий модель занятости японок, имел форму буквы М с резким провалом доли работающих женщин в возрасте 30—39 лет, на который как раз и приходится замужество, рождение и воспитанию детей. К настоящему времени благодаря целому ряду стимулирующих мер, принятых в рамках *вименомики*, форма этого графика сгладилась и стала напоминать спину лошади. В 2022 г. доля занятых среди женщин 30—39 лет составила порядка 80 %, т. е. оказалась лишь на несколько процентных пунктов ниже, чем в когорте 25—29 лет. Но проблема состоит в том, что после 30 лет резко уходит вниз линия, отражающая долю постоянных работников среди работающих женщин. Если в возрасте 25—29 лет (т. е. до вступления в брак) 60 % работающих женщин являются постоянными работниками, то в возрасте 30—34 года — 48,3 %, 35—39 лет — 40,2 %, и далее этот показатель продолжает снижаться¹.

С экономической точки зрения такая структура занятости японских женщин означает, что общество несет значительные потери от недоиспользования их потенциала, особенно тех из них, кто получил высшее образование, при том, что все это происходит в условиях острой нехватки рабочей силы в стране.

Японское правительство никак нельзя упрекнуть в бездействии. После принятия в 1986 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу (а также при продвижении, обучении и т. д.) вступил в силу еще целый ряд поправок и законов, направленных на улучшение условий труда женщин и создание возможностей для совмещения ими работы и домашних обязанностей. Поскольку это вопрос также рассматривался на летнем семинаре, я лишь упомяну об одном из последних нововведений. В 2022 г. было принято постановление, обязывающее все предприятия с числом занятых свыше 300 человек размещать в открытом доступе подробную информацию о позициях, которые занимают в их фирмах женщины, о мерах, предпринимаемых для сглаживания гендерного неравенства, и даже о причинах разрыва в заработной плате между женщинами и мужчинами.

Понимая, что в ближайшие годы ситуация вряд ли изменится, правительство предпринимает меры с тем, чтобы сделать сферу непостоянной занятости более привлекательной. Прежде всего, в апреле 2013 г. были внесены поправки в Закон о трудовом контракте. Он ввел механизм перевода работников с фиксированным сроком контракта (т. е. непостоянно занятых) в категорию работников с открытым сроком контракта (т. е. постоянно занятых). Условием такого перевода является неоднократное возобновление временного контракта при общем

¹ The White Paper on Gender Equality 2023, p.23 // Cabinet Office. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

сроке работы в компании не менее пяти лет. Кроме того, в закон было внесено положение, обязывающее предпринимателей обеспечивать для непостоянных работников такие же условия труда, что и для постоянных работников. В июне 2018 г. это положение было конкретизировано, а именно было законодательно зафиксировано требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников

Конечно, радикальных изменений в этой области пока не произошло, и вряд ли они возможны в силу особого подхода японских компаний к оценке труда (при котором учитываются не только и не столько его конкретные результаты, сколько стаж работника, его дисциплинированность, преданность фирме, готовность работать сверхурочно и т. д.). Но, тем не менее, в условиях нехватки рабочей силы заработная плата непостоянных работников постепенно растет.

Еще одним важным шагом в улучшении положения непостоянных работников стало расширение доступа к системе пенсионного и медицинского страхования. С октября 2016 г. она была распространена на *пато* (частично занятых), работающих на предприятиях с числом занятых более 500, а с апреля 2017 г. — и на предприятиях с числом занятых менее 500 человек (во втором случае — по соглашению между менеджментом и работниками).

В заключение я хотела бы кратко затронуть еще один вопрос, который был предложен для обсуждения на семинаре — вопрос о женском предпринимательстве.

Как уже отмечалось, предпринимательством в Японии занимаются порядка 1 млн 400 тыс. женщин. Объективную основу для развития женского бизнеса создают два основных фактора: сервисизация японской экономики и все большая индивидуализация потребительского спроса. В результате на рынке возникают ниши, которые с успехом заполняют женщины.

В отличие от мужчин, к организации бизнеса женщины подходят скорее с позиций потребителей, чем производителей. Если мужчины, открывая предприятие, опираются на свой производственный опыт, то женщины — на свой опыт в качестве потребителей. И часто их подталкивает к этому неудовлетворенность теми или иными характеристиками товаров и услуг, с которыми они сталкиваются (их непрактичность, непривлекательность и т. д.).

Женский бизнес гораздо менее амбициозен и агрессивен, чем мужской, особенно, если предпринимательницы имеют семьи. С оглядкой на свои семейные обязанности женщины часто сознательно ограничивают масштабы бизнеса, даже если он успешен. Они стремятся найти оптимальный баланс между бизнесом и семейными обязанностями с тем, чтобы не разрушить ни то, ни другое.

Женскому предпринимательству присуща ориентация на узкоспециализированные рынки (например, на определенную категорию потребителей или на жителей определенного района). А из этого вытекают и особенности изучения рынка, и особенности рекламы. Главным источником информации и главным инструментом рекламы здесь являются *кутикоми* (разговоры).

Женское предпринимательство отличается также более гибким подходом к управлению персоналом. Если в обычных японских компаниях лишь в самые последние годы женщины, имеющие детей, получили право требовать перевода на

гибкий график работы, то в компаниях женщин-предпринимательниц это обычная практика (включая возможность работы на дому). Зарботная плата здесь не привязана к стажу, оплачивается реальный труд, высоко ценится профессионализм. Наконец, женские предприятия отличает повышенное внимание к персоналу (что проявляется, например, в отправке цветов по случаю разного рода событий и т. д.).

Иными словами, женские предприятия можно назвать «предприятиями с человеческим лицом». На этом позвольте закончить мое выступление.

С.М. Ребрей

Считается, что современное положение женщин в Японии обусловлено традициями и историей. Однако не столь далекая история ранней индустриализации Японии в конце XIX — начале XX в. свидетельствует о широкомасштабном использовании женского и детского труда, преимущественно девочек 8 лет и старше. Японский опыт не уникален. Индустриализация традиционно зарождалась в легкой промышленности, где требовался неквалифицированный монотонный труд, с которым прекрасно справлялись детские и женские руки. В Японии женская рабочая сила составляла 80—95 % в шелковой, хлопковой, текстильной, табачной и других отраслях промышленности. Всего на ранних этапах индустриализации трудилось более 500 тыс. женщин.

В отсутствие трудового законодательства девочки и женщины трудились в невыносимых условиях. С 8—9 лет они жили в общежитиях по 15—20 человек в комнате, где царил насилие, включая психологическое, физическое и сексуальное, депривация сна и общения. Многообразие форм жесткого обращения с девочками в шелковой и текстильной промышленности запечатлено в книге Вакидзо Хосои «Дзё:ко: Айси» («Печальная история фабричной девушки», 1925). Сохранились и нехудожественные свидетельства тяжелых условий труда. Например, японский врач в своих дневниках так описывает ночные смены на хлопкопрядильной фабрике Курасики: «Работали только девушки... Им было по 9 или 10 лет... Веретена находились у них на уровне глаз. И густая пыль наполняла воздух... Почти тюрьма».

Тем не менее, сами японки не считали свою участь ужасной, особенно в сравнении с жизнью своих матерей. Они считали, что живут гораздо лучше предыдущих поколений. Девушки размышляли о страданиях своих матерей и видели, что их страдания усугубляло абсолютное послушание. Женщины, которые жили в доме свекрови, не имели возможности даже плакать:

Когда женщина выходит замуж, она не может позволить себе плакать. Если она плачет в своей постели, ее сразу находят и стыдят. Если она плачет в туалете, ее свекровь жалуется, что она слишком долго там сидит. Если по лицу видно, что она плакала, ее свекровь сплетничает о ней с соседками. Если она плачет перед своими родителями, навещая их раз в год, родители ругают ее за то, что она глупая и незрелая.

Участие в оплачиваемом труде для девочек и женщин стало важнейшим фактором обретения агентности: переезд из деревни в город, то есть за пределы контроля со стороны родителей или свекрови, собственный заработок, — все это быстро привело к возникновению женских движений и весьма крупных (и результативных) женских забастовок.

Более того, девушки увидели, что забастовки и требования улучшения условий труда на самом деле работают даже лучше, чем послушание. Еще в конце XIX в. японские девушки производили на американского наблюдателя впечатление безропотных созданий: «Японская девушка, кажется, не стремится все время к увеличению заработной платы из-за возрастающей нагрузки. Кажется, она довольна тем, что считается разумной заработной платой». Но уже в 1930-е гг. их требования достойных условий труда выливаются в широкомасштабные забастовки. Одной из самых известных стала забастовка на фабрике Тойо Муслин, которая продолжалась более 60 дней с участием тысячи женщин.

Формирование женской осознанности проявляется в создании различных организаций, таких как Пролетарская женская лига (*Мусан фудзин домэй*) и Вечерняя школа женщин-работниц. В ходе деятельности таких организаций в жизни женщин появились новые сферы — социальная и политическая. Однако новые социальные роли уступали роли матери — и правительство, и феминистки признавали, что материнство является главным приоритетом для женщин. Таким образом, ограничение трудовых прав женщин рассматривалось не как их закрепощение, а, напротив, как спасение.

Формирование трудового законодательства и достойных условий труда заняло длительный период, с конца XIX в. до Второй мировой войны, и на него повлияли социальные, политические, экономические и технологические факторы. Эксплуатация дешевой рабочей силы без ограничений рабочего времени была важным фактором индустриализации Японии и конкурентоспособности японской продукции. Усложнение производства требовало повышения квалификации сотрудников. В сочетании с введением трудового законодательства это привело к закреплению традиционного гендерного разделения труда. Правительство и интеллигенция стремились защитить женское здоровье от тяжелых нагрузок. В результате женщины оказались исключены из оформившейся после Второй мировой войны системы пожизненного найма.

Система пожизненного найма не только была нацелена на удовлетворение потребностей индустриализации и повышения конкурентоспособности японской экономики, но и на удовлетворение потребностей семьи: традиционное гендерное разделение труда позволило бы повторить модель семьи американского среднего класса с работающим мужем, женой — домохозяйкой, несколькими детьми и домом в пригороде. Оплата труда растет в соответствии с выслугой лет, что позволяет удовлетворять нужды растущей семьи и подростков детей, сохраняя уверенность в будущем. С другой стороны, японский менеджмент подразумевает полную преданность сотрудников своим компаниям, что включает частые переработки, переезды при необходимости и пр.

В 1961 г. был принят закон в сфере налогообложения, стимулирующий снижение женского заработка: если супруга в год зарабатывает менее 1,3 млн иен, то

налогооблагаемый доход мужа уменьшается на 380 тыс. иен. В результате многие женщины, стараясь сберечь семейный бюджет, не претендуют на более высокую зарплату. С 1985 г. в соответствии с изменениями в системе социального страхования зависимые члены семьи включаются в медицинскую страховку и систему пенсионных накоплений мужа-работника в системе пожизненного найма. Таким образом, эти меры закрепляют традиционные гендерные роли.

Несмотря на рост экономики и общественного благосостояния и формирование среднего класса рождаемость продолжила падать: уже в 1975 г. суммарный коэффициент рождаемости составил меньше 2. Следствием этого становится дефицит рабочей силы.

Тем временем на Западе разворачивается мощное общественное движение за женские права, приобретая глобальный масштаб в форме международных женских конференций, проводившихся с 1975 г. 1975 год был объявлен Годом женщин, а последующее десятилетие — Десятилетием женщин, что стимулировало развитие женских исследований, в том числе и в Японии.

Самая высокая продолжительность жизни (почти 80 лет) японок и низкая рождаемость означала, что «жизнь японок теперь не ограничивается заботой о детях и домашним трудом».

Интенсификация экономики в результате постиндустриализации, нефтяных и экологических кризисов привлекает еще больше внимания властей к качеству рабочей силы, поэтому повышение женского образования становится национальной повесткой. В 1980-е гг. всего 12,2 % женщин (и 39,3 % мужчин) получают высшее образование, из них 69,2 % выходят на рынки труда. Чаще женщины предпочитали 2-летние колледжи (20,9 %, против 2,1 % среди юношей) и подавляющее большинство из них также выходило на рынок труда (78,1 %). Считалось, что после замужества женщины бросают работу и посвящают себя домашнему хозяйству, однако статистика свидетельствует об обратном: более половины (50,3 %) замужних женщин в 1984 г. были трудоустроены.

В 1986 г. японское правительство принимает первый Закон о равных возможностях в сфере занятости, обязующий предоставлять равные права женщинам и мужчинам в сфере найма. Такой закон не только должен был продемонстрировать приверженность Японии западным ценностям, но и решить проблему дефицита рабочей силы. Но корпорации разделили персонал на 2 категории: выполняющих *согосёку* (комплексную работу) и занимающихся *инпансёку* (административно-технической работой). В первую категорию вошли преимущественно мужчины, а во вторую женщины на административно-технических должностях с более низкой заработной платой и без преимуществ пожизненного найма, таких как продвижение по карьерной лестнице, оплата труда в соответствии с выслугой лет, ротация, бонусы и обучение.

В середине 1990-х японское правительство начинает осознавать, что экономический спад — это не только и не столько результат краха экономики «мыльного пузыря», а проявление глубокого структурного кризиса в результате экономических и демографических процессов, включая старение населения, транснационализацию производства и формирование экономики знаний. В 1994 г., то есть за год до Пекинской конференции, Япония переходит к продвижению ген-

дерного равенства. Это важный водораздел, потому что происходит осознание глубины феномена неравенства, того, что это проблема структурного, институционального характера, разделения неоплачиваемого домашнего труда между женщинами и мужчинами. Начинают приниматься регулярные планы по достижению гендерного равенства с 1996 г. и публиковаться White Papers. В центре этих планов и политики по достижению гендерного равенства находится агентность японских женщин. Более того, правительство увеличивает местные налоговые субсидии на расходы на расширение прав и возможностей женщин, министерства и ведомства проводят кампании по повышению осведомленности о дискриминации женщин и гендерном неравенстве.

Таким образом, гендерная политика в Японии имеет три движущие силы: во-первых, это сами женщины, объединившиеся под эгидой Национального образовательного центра для женщин, где они изучают проблемы и факторы гендерного неравенства и разрабатывают подходы и инструменты для его сокращения; во-вторых, это правительство Японии, которое видит в гендерном равенстве ключ к решению целого ряда глубоких структурных проблем японской экономики, включая низкие темпы роста, низкий уровень рождаемости и пр. и, в третьих, это западные тренды, способствующие масштабированию аналогичных процессов в Японии.

П.Э. Подалко

В 2009 г., по данным World Economic Forum (Швейцария), Япония занимала 75-е место в мире по показателю gender equality («равенства полов»). На 1-м месте в этом списке уверенно стояла Исландия, на последнем — Йемен. Среди стран Азии Японию опережали Филиппины (9-е место), Шри Ланка (16), Монголия (22), Киргизия (41), Казахстан (47), Узбекистан (58), Таиланд (59), КНР (60) и Вьетнам (71).

Семь лет спустя, ситуация выглядела на первый взгляд еще более угрожающей: по данным Global Gender Gap Report 2016, с точки зрения женского равноправия, Япония оказалась уже на 111-м месте среди 144 стран и регионов, упомянутых в этом докладе. Тогда же, согласно другому опросу, о самоубийстве когда-либо задумывались 25,6 % японских женщин, и только 21,45 % мужчин. Данные цифры настолько не вяжутся с общепринятым имиджем Японии как «страны будущего», всемирного центра передовых технологий, и вместе с тем уникального островка сохранений национальной традиции (вопреки общемировой тенденции на глобализацию и уравнивание всего и вся), что невольно возникает вопрос: так ли в действительности тяжела и беспросветна жизнь японских женщин, что сами они думают об участии «современной женщины Востока»? К счастью, реальная ситуация выглядит на текущий момент не столь пессимистичной, как может показаться на первый взгляд.

Так, отвечая на вопрос, хотели бы они в случае вторичного рождения сохранить женский пол, в 2013 г. 71 % участниц опроса дали положительный ответ (для сравнения: в 1958 г. таких было всего 27 %). При этом 61 % тех, кто хотел бы

иметь детей, выразили желание иметь «при повторном рождении» не сына, а дочку, т. е. еще одну «маленькую женщину» рядом с собой. Подобный ответ влечет за собой желание подробнее разобраться в гендерной ситуации современного японского общества, что и вызвало подготовку данного доклада.

Один из часто задаваемых иностранцами вопросов, касающихся японской семьи — это почему у супругов должна быть одинаковая фамилия. В эпоху Эдо носить родовые фамилии было разрешено лишь самураям и другим привилегированным сословиям. На широкие массы населения это правило распространилось с 1870 г. В 1876 г. правительство издало указ, разрешающий женщинам, состоящим в браке, сохранять и использовать добрачную фамилию. Однако, указ 1876 г. не имел утверждающей силы, а лишь зафиксировал распространенную тогда практику, наряду с традицией присвоения обоим супругам одинаковой фамилии. Впервые требование наличия у супругов одинаковой фамилии было законодательно закреплено в Гражданском Кодексе в 1898 г. Им вводилось понятие «дом» (*кэ*) как единица посемейных регистрационных списков (*косэки*), и провозглашалось, что «жена, вступая в брак, входит в дом мужа». При этом фамилия (*сэй*) обозначала дом, и жена, как правило, приходила в дом мужа (а не наоборот).

В 1946 г. была принята новая японская Конституция, провозглашавшая «уважение прав личности и равенство мужчин и женщин». В 1948 г. новый Гражданский кодекс отменил прежние ограничения прав женщин в семье. Отныне брак становился результатом «согласия между мужем и женой», а не «между двумя домами». Теперь супруги образовывали новую ячейку общества, и им присваивалась в качестве общей одна фамилия — добрачная мужа, либо жены. В то же время само положение о присвоении общей фамилии пересмотру не подвергалось, и можно заключить, что влияние старой традиции и уже отмененной структуры семейных отношений в значительной степени сохранялось и впредь, что проявляется, в частности, в том, что подавляющее большинство женщин берет при вступлении в брак фамилию мужа.

В 1985 г. был принят закон о равноправии при найме на работу и иных формах трудоустройства мужчин и женщин. В том же году Япония ратифицировала Конвенцию ООН о запрете женской дискриминации, и встала перед необходимостью пересмотра ряда законов и положений, относящихся к ограничению прав женщин. В феврале 1996 г. Комитетом по законодательству (*Хосэйсин*) (консультативный орган при министерстве юстиции) министру юстиции были направлены рекомендации о предоставлении права супругам иметь в браке раздельные фамилии, отмене временного ограничения на вступление в повторный брак для женщин, и отмене дискриминационных мер в отношении прав детей, рожденных вне брака, на наследование ими имущества родителей. Однако в руководстве правящей Либерально-демократической партии возникло мощное противодействие этим предложениям, и в итоге законопроект не был даже представлен на рассмотрение парламента. В 2010 г., уже во времена правления Демократической партии Японии, этот проект вновь рассматривался правительством, но и в этот раз никакого развития он не получил. Следует отметить, что подобная ситуация, когда проект, составленный Комитетом по законодательству, даже не

доходит до стадии оформления в качестве законопроекта, является для Японии редкой и необычной.

По данным Министерства труда и здравоохранения за 2013 г., при вступлении в брак фамилию мужа выбрали 96,1 % пар, что на 2,7 % ниже, чем в 1975 г., когда такой подсчет проводился впервые. Что касается ограничения прав на наследование имущества родителей детьми, рожденными вне брака, то в 2013 г. Верховный суд признал данную статью Гражданского кодекса «неконституционной», и она была исправлена. Относительно же права на ношение разных фамилий, в настоящий момент ничего изменить нельзя до тех пор, пока не будет принято аналогичного решения Верховного суда.

16 декабря 2015 г. Верховный суд Японии вынес следующие решения в отношении двух исков, поданных соответственно: 1) по вопросу обязательного присвоения обоим супругам при вступлении их в брак одинаковой фамилии, и 2) по вопросу о запрете повторного вступления в брак разведенным женщинам до истечения определенного срока с момента расторжения предыдущего брака: в первом случае ограничение было признано «конституционным», а во втором — «частично неконституционным». Оба иска впервые рассматривались Верховным судом, и следует отметить, что признание второго иска «неконституционным» явилось всего лишь десятым случаем подобного рода за весь послевоенный период. Голосование зафиксировало единогласие членов Верховного суда по второму вопросу, и подавляющее большинство голосовавших положительно по первому: 10 человек против 5 человек (из них 3 — женщины). В решении суда подчеркивается, что коль скоро 750-я статья Гражданского Кодекса (*минпо*.) предоставляет равное право обоим супругам участвовать в выборе общей фамилии, «в этом положении отсутствует какое-либо дискриминирование того или иного пола». Напротив, наличие общей фамилии «обозначает принадлежность носителя к данной конкретной семье, информируя об этом окружающих», а ширящаяся популярность применения добрачной фамилии в быту и т. д., смягчает неудобство от смены фамилии». Что же касается параграфа 1-го статьи 733-й, ограничивающего срок вступления в повторный брак, то по данному вопросу принята рекомендация сократить период запрета на повторный брак для женщин с 6 месяцев (180 дней) до 100 дней с момента развода, ввиду того, что действующее ограничение стало «чрезмерным в условиях развития медицинской техники». В тот же день министр юстиции издал постановление о разрешении приема брачных заявлений у граждан по истечении 100-дневного срока с момента развода.

В настоящее время около 60 % замужних работающих женщин повседневно используют добрачную фамилию, указывают ее на визитных карточках, служебных бумагах и т. д. Аналогичная ситуация существует и у работающих мужчин, выбравших себе в качестве официальной девичью фамилию жены. По состоянию на 2013 г., 64,5 % малых и средних предприятий допускают использование сотрудниками добрачных фамилий (в 1993 г. этот показатель составлял 13,2 %). Государственные организации также с 2001 г. признают за служащими право на использование добрачных фамилий. Однако, применительно к врачам и медсестрам в этом вопросе существует определенное противоречие. С одной стороны, они также обязаны регистрировать все изменения своих имен и фамилий так,

как записано в посемейных регистрационных списках (*косэки*). Однако за нарушение этого требования конкретных наказаний не предусмотрено, что позволяет предположить возможное использования добрачных фамилий и в этой отрасли. В целом же, использование добрачной фамилии допускается при оформлении: паспортов, прописки (регистрации по месту происхождения *косэки*), банковского счета, услугах адвоката, на частных предприятиях и в госучреждениях; и запрещается при оформлении: водительских прав, регистрации по месту жительства (*дзюминхё*), личного регистрационного номера (*майнамба*), медицинского полиса и в работе медперсонала (врач, медсестра, и пр.).

Во избежание неясности и проблемы установления отцовства в случае рождения ребенка вскоре после развода супругов и вступления женщины в новый брак, в 1898 г. был принят закон, согласно которому повторный брак для женщины был разрешен только по истечении 180 дней с момента оформления ею развода с прежним мужем. В 1996 г. было предложено сократить этот срок до 100 дней, но так как данное предложение было внесено на пересмотр в едином пакете с предложением по отмене обязательного ношения супругами единой фамилии, то отрицательное отношение ко второму предложению повлияло и на результат по первому. Аналогичные ограничения для женщин на время вступления в новый брак существовали и в других странах Европы (в Италии — 300 дней) и Азии (Турция — 300 дней), но в последнее время эти страны одна за другой отменяют подобные меры. Так, Германия и Швейцария сделали это в 1998 г., а Республика Корея — в 2005 г. (здесь было, как и в Японии, 180 дней).

В 1950 г. стандартная японская семья состояла из 5 человек; в 2010 г. этот показатель равен 2,42 человек, т. е. произошло сокращение более чем вдвое за 60 лет. Одновременно произошел резкий рост числа одиноких домохозяев (*хитори-гураси сэтай*). Если в 1960 г. их насчитывалось менее 5 % от общего числа домохозяев, то в 2010 году — 32 %. При этом хозяйства, состоящие из родителей с детьми, составляют всего 28 %, т. е. около 40 % от общего числа домохозяев — это бездетные супружеские пары. Если в 1960 г. на всю Японию приходилось всего 130 тыс. одиноких стариков, живущих самостоятельно, то в настоящее время их число достигло примерно 6 млн. На практике это означает, что одиноко проживают каждый десятый пожилой мужчина и каждая пятая пожилая женщина. Одновременно растет число неполных семей. Так, численность семей, состоящих из матери и ребенка в настоящее время достигла примерно 760 тыс., а семей, где ребенка воспитывает только отец — 90 тыс. По другим данным, в 2013 г., в Японии было 1,2 млн одиноких матерей (в 1973 г. — 626,2 тыс.), из которых 80 % официально где-то работали, но лишь менее 40 % из них имели полную ставку с положенными бенефициями. Хотя мать-одиночка имеет право на ежемесячное государственное пособие в 50 тыс. иен (до совершеннолетия ребенка), 54 % неполных семей в Японии проживают ниже уровня бедности. Последнее привело к тому, что возникла и стала постепенно распространяться система т. н. детских кафе, куда дети из бедных семей могут прийти поесть практически бесплатно, либо за символическую плату в виде помощи по уборке или мытью посуды. В 2017 г. таких кафе уже было около 400 по всей территории страны.

В последнее время выросло число заявлений от женщин-вдов, желающих официально оформить развод с покойным мужем. В 2013 г. таких заявлений было подано 2167, в 2014 г. — 2202, в 2015 г. — 2783, в 2016 г. — 4032 (удвоение за три года). В качестве основной причины называется отказ от обязанности содержать родственников покойного мужа до 3-го колена, как того требует обычай. Одновременно наблюдается рост числа отказов от захоронения в общей «семейной» могиле на родовом кладбище: в 2014 г. таких «отказников» было 12,6 % мужчин и 23,1 % женщин в возрасте 60—80 лет. Параллельно отмечается появление кладбищ, где отсутствуют правила семейных захоронений, называемых *ха-ка-томо*.

«Каким иероглифом вы обозначите свои супружеские отношения?» — под таким девизом проводит свои ежегодные опросы токийская фирма по организации туризма для старших возрастов «Юко-юко» («Поехали!»). В 2015 г. наибольшее число голосов собрал иероглиф *Томо* («друг, товарищ»), обогнав лидера предыдущих двух лет иероглиф *Нин* («терпение»). Опрос проводился среди людей старше 50 лет, состоящих в браке. Среди женских ответов иероглиф *Томо* занял первое место, а *Нин* — пятое. Среди мужских — на первом месте был иероглиф *Кидзуна* («связывать, объединять»), на третьем — *Нин* (в 2013 — 2-е, в 2014 — 1-е место). Не исключено, что эти изменения связаны с массовым выходом на пенсию послевоенного поколения «бэби-бумеров» (*данкай-но сэдай*), среди которых многие вступали в брак по любви. Так, число положительных ответов на вопрос «Если бы можно было все пережить с самого начала, хотели бы вы вновь вступить в брак с тем же партнером?» достигло 54 % (на 12 % больше, чем в 2014 г.). При этом доля положительных ответов среди тех, кому 50—59 лет — 49 %, 60—69 лет — 54 %, 70 и более лет — 60 %, т. е. налицо возрастание числа положительных ответов параллельно возрасту ответивших. На вопрос «Имеются ли у вас секреты от вашего партнера?» положительно ответили 23 % опрошенных (на 4 % меньше, чем в 2014 г.). Среди ответов о природе имеющихся секретов фигурируют такие, как «размер накоплений нашей семьи» (женщины в возрасте «за 60»), «размер полученного мной выходного пособия при уходе на пенсию» (мужчины в возрасте «за 60»).

Однако чем ниже возрастная планка отвечающих на всевозможные вопросы, касающиеся семьи и брака, тем тревожнее звучат получаемые ответы. Так, если в 1975 г. 14 % мужчин и 8 % женщин оставались холостыми до 35 лет, то в 2005 г., эти показатели достигли 47 % среди мужчин и 32 % среди женщин, что означает почти четырёхкратный рост доли холостых за 30 лет.

В 2010 г., количество людей, никогда не вступавших в брак, среди лиц до 50 лет составляло: среди мужчин — 20,13 %, среди женщин — 10,61 % от общего числа. В 1970 г. эти показатели равнялись 1,70 % и 3,33 % соответственно. В то же время специальное исследование по проблеме отношения к семье и браку в молодежной среде (2015), показало, что 77,7 % опрошенных лиц в возрасте 20—30 лет хотели бы вступить в брак. Среди причин, мешающих осуществлению этого желания, наиболее часто указывается невозможность встретить подходящего партнера.

В 2013 г. средний возраст женщины, рожавшей первого ребенка, составлял 30,4 года (в 2012 г. — 29,3 лет). В 2014 г. проводился опрос населения по проблемам брака и семьи среди холостых (оба пола, возраст 20—39 лет). На вопрос, хотят ли они иметь возлюбленного противоположного пола, положительных ответов было получено 60,8 %, отрицательных — 37,6 %; среди мужчин ответили отрицательно 36,2 %, среди женщин — 39,1 %. В качестве причин отрицательных ответов, назывались: «Любовь утомительна» (46,2 %), «Первоочередность личных интересов» (45,1 %), и т. п. Если в 1987 г. не имели партнера 50 % мужчин и 40 % женщин в возрасте 18—34 лет, то в 2015 г. таковых было уже 70 % и 60 % соответственно. По другим данным, в 2019 г. 68 % японцев старше 16 лет не считали брак в принципе необходимым (это — максимальный показатель с 1992 г.). Что же касается сексуальных отношений как таковых, то по данным ВОЗ и японской прессы, в начале 2010-х гг. частота интимных контактов в Японии составляла от 15 до 45 раз/год (в зависимости от возраста), тогда как в Китае максимум равнялся 96, а в Греции — 138 раз/год (1-е место в мире). При этом, 83 % мужчин и 58 % женщин в возрасте 20—40 лет отмечали, что им не хватает секса, и 40 % мужчин и 55 % женщин обращались в сферу сексуальных услуг. Вместе с тем в 2014 г. 45 % семейных пар де-факто не вели регулярную половую жизнь, поддерживая отношения по типу «брат-сестра».

Следует отметить, что отношения полов в Японии имеют свою специфику, малопонятную для россиян. Например, около трети детей 8—10 лет регулярно принимают ванну с родителем противоположного пола, а в общественных банях и спа (*онсэн*) разрешено посещение отделений для лиц противоположного пола детьми до 7 лет и/или имеющих рост до 120 см. Несмотря на то, что раздельная социализация мальчиков и девочек в учебных заведениях начинается очень рано, в большинстве начальных школ отсутствуют раздельные раздевалки, и вплоть до 4 класса (10 лет) все дети переодеваются в одном помещении.

Несколько слов по вопросу о роли и месте женщин в общественно-политической и экономической элите страны. 5 февраля 2000 г., госпожа Ота Фусаэ возглавила префектуру Осака, став первой в истории страны женщиной-губернатором. Формально она была избрана демократическим голосованием, но на деле ее кандидатура была предложена «сверху», по итогам политического скандала с сексуальным подтекстом. Так или иначе, начало продвижению женщин на самый верх власти было положено. В 2001 г. главой МИД была назначена Танака Макико, дочь известного политика 1970-х гг. Будучи первой женщиной на таком высоком посту, она немедленно привлекла к себе всеобщее внимание, как внутри Японии, так и за рубежом. К сожалению, М. Танака оказалась на деле «анти-примером» того, как должна себя вести женщина во власти, что и вызвало ее скорую отставку.

В апреле 2016 г. вступил в действие закон, согласно которому отныне все крупные предприятия (свыше 300 работников), а также государственные, муниципальные и местные органы власти и иные организации обязывались увеличивать долю женщин в своем штатном расписании, способствуя их большей вовлеченности в производственный процесс. Однако за несоблюдение данного закона никаких карательных санкций не предусматривалось, а для малых и средних пред-

приятий и организаций он и вовсе носил сугубо рекомендательный характер. Одновременно правительством был провозглашен курс на доведение уровня представительства женщин на руководящих постах, начиная с начальника отдела (*катё*) и выше, до 30 % к 2020 г. Однако уже первое подведение промежуточных итогов весной 2017 г., показало, что озвученные установки оказались неоправданно завышены, и достижение названной цифры в указанные сроки не представляется возможным. Так, спустя год после ввода нового закона, в апреле 2017 г. число женщин на руководящих постах составило 8,3 % от общего числа, при этом на самых высоких постах (член совета директоров и т. п.) их было всего 5,5 %, а общее число женщин — сотрудников компаний с полной занятостью достигло 24,7 % от общего числа работников компаний. То есть, постановка задачи относительно занятия женщинами 30 % руководящих постов в компаниях, при общей доле женщин-сотрудников всего в 24 % с небольшим, не имела под собой никаких оснований.

В 2017 г., перед выборами в нижнюю палату парламента, число женщин-кандидатов (209) от разных партий достигло в совокупности 17,71 % от общего числа кандидатов (1180), что стало наибольшим показателем в послевоенной истории Японии. При этом следует отметить, что максимальное количество женщин-кандидатов в депутаты (58 человек — свыше четверти от общего числа) выставила Коммунистическая партия Японии.

Летом 2018 г., японское общество было шокировано публикациями в центральной прессе фактов о намеренном занижении девушкам оценок на вступительных экзаменах в Токийский медуниверситет (ТМУ) и иных формах дискриминации во время проведения приемных экзаменов. Поводом стала проверка Министерством образования случаев коррупции при госфинансировании частных университетов. В ходе расследования открылось, что в течение как минимум десяти лет в ТМУ систематически осуществлялась дискриминация девушек на вступительных экзаменах. В качестве предлога выдвигалось то, что брак и рождение детей якобы неизбежно ведут к сокращению числа женщин-врачей в клиниках, и единственная возможность избежать в будущем нехватки специалистов — отсеять потенциальных «дезертиров» уже на стадии поступления.

В итоге руководство ТМУ признало, что начиная с 2006 г. в отношении всех девушек, а также юношей, которые поступали в университет со второй или третьей попытки (*ронин*), осуществлялось планомерное занижение оценок на вступительных экзаменах. Руководство ТМУ выразило свое сожаление в адрес пострадавших, и после официального признания фактов дискриминации выдвинуло женщину на пост ректора ТМУ — впервые в истории этого университета. Тогда же газета «Ёмиури» провела самостоятельное анкетирование вузов, где имеются медицинские факультеты (81 вуз), в ходе которого выяснилось, что процент зачисления на первый курс юношей везде превышает количество зачисляемых девушек. В то же время нельзя не признать, что угроза выбывания женщин-врачей из профессии действительно существует. Так, если в возрасте до 30 лет доля женщин-врачей составляет 34,6 % от общего числа, то в возрастной группе старше 50 лет она падает до 15 %, то есть «кадровый голод» среди медперсонала старших возрастов является реальной проблемой.

В прежние времена, выходя замуж, японка автоматически становилась домохозяйкой, отвечающей за быт и воспитание потомства. Во многом этот подход сохраняет свои позиции и в наши дни: так, в 2015 г., свыше 60 % женщин бросали работу после рождения первого ребенка. Вместе с тем, количество неработающих домохозяек, желающих работать, достигло 3 млн человек, а общее число семей, где работают оба супруга (*томо-батарак*), уже в 1990-х гг. превысило число семей с одним работником. В 2020 г. работали 77 % женщин в возрасте 25—44 лет, и 13 % мужей брали отпуск по уходу за новорожденным, чтобы помочь работающей жене (в 2014 г. таковых было всего 2,3 %). Среднее время, затрачиваемое мужем на помощь по дому и уходу за детьми, выросло за шесть лет в два с лишним раза (с 67 до 150 минут в день). Правда, готовность женщин работать оплачивается куда хуже, чем труд мужчин. Если стартовый годовой доход выпускников вузов почти одинаков у обоих полов (в 2008 г. — 2, 65 млн иен у юношей, 2, 34 млн иен у девушек), то на пике карьеры (50 лет) разрыв между ними огромен, и, разумеется, в пользу мужчин (6 млн иен против 2,7 млн иен).

Казалось бы, при таких невысоких доходах брак можно было бы рассматривать как способ укрепления своего материального положения, однако 56 % одиноких женщин в возрасте «40+» вступать в брак принципиально не хотят — притом, что 75 % одиноких мужчин из той же возрастной группы, напротив, хотели бы иметь семью.

Начатая полтора века назад Реставрация Мэйдзи, и вызванные ею промышленная и культурная модернизации, проводимые по западным образцам, способствовали обретению Японией подлинной национальной независимости, позволив ей избежать участи объекта колониальной экспансии, и самой войти в разряд «великих держав». После окончания Второй мировой войны Япония быстро перешла к союзу с недавними врагами и устремилась вперед по пути наращивания экономической мощи, целясь прямо в XXI в. Заполняя мир дешевой, удобной и качественной бытовой техникой и продукцией автомобилестроения, она полностью ушла от своего традиционного образа «страны гейш и хризантем, чайных домиков и вееров». Разумеется, все это не могло не повлиять на изменения внутри самого японского общества, на зарождение в нем новых мировоззренческих понятий, вызывающих изменение (а зачастую и ломку) традиционных ценностных ориентиров, которые формировали национальный характер и определяли «лицо» японского народа на протяжении большей части его истории.

Современный этап развития общества ставит перед населением любой страны ряд серьезных вызовов, и одним из главных среди них видится поиск ответа на следующие вопросы: чем можно, и чем нельзя поступиться на пути к построению глобального общества? до какого предела имеет смысл идти на уступки мировому тренду на космополитизацию сознания, в какой момент национальное должно (и должно ли?) уступить место интернациональному? Ни для кого не является секретом, что многие политические и социальные перемены современной Японии представляют собой банальную кальку с зарубежных (большей частью — западных) образцов, без учета национальных традиций и особенностей национального менталитета японцев. Результатом подобного стремления совместить несовместимое становятся все те неминуемые ошибки и перегибы, возникаю-

шие всякий раз, когда предельно индивидуализированный западный подход к решению любых проблем внедряется в азиатской стране с присущей ей внутренней социальной иерархией и коллективным мышлением.

В настоящее время японское общество переживает серьезный системный кризис, который проявляется в отходе от привычных ценностей, традиционно воспринимаемых как основа формирования японского социума: разрушается институт семьи, расширяется масштаб конфликтов между представителями разных поколений, наблюдается рост социальной апатии у молодых японцев ввиду отсутствия ясных, долгосрочных перспектив развития общества и государства. Давно назревшие реформы, прежде всего — в гуманитарной сфере (образование, идеология, культурная политика и т. д.), тормозятся по причине отсутствия у руководства четких представлений о том, куда, собственно, следует ориентировать направление этих самых реформ. Удастся ли руководству страны преодолеть собственную нерешительность и выработать такой курс на дальнейшую интеграцию Японии в мировое сообщество, который не привел бы одновременно к утрате национального содержания, покажет ближайшее будущее.

Поступила в редакцию: 14.04.2025

Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 14 April 2025

Accepted: 23 April 2025

Научное издание

Японские исследования
№ 2, 2025

| | |
|------------------------------|----------------|
| Редактор русских текстов: | М.А. Кириченко |
| Редактор английских текстов: | В.В. Нелидов |
| Верстка: | С.Ю. Тарасов |

| | |
|-----------------|--------------|
| Дата публикации | Июль 2025 г. |
|-----------------|--------------|

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 2, 2025

| | |
|-------------------|-----------------|
| Editor (Russian): | M.A. Kirichenko |
| Editor (English): | V.V. Nelidov |
| Layout: | S. Tarasov |

| | |
|---------------|--------------|
| Date of issue | 15 July 2025 |
|---------------|--------------|

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy
of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com